

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

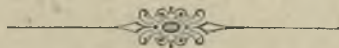
въ 12-ти томахъ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. А. С. Архангельскаго.

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

VI.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

<http://rcin.org.pl>

ВСТУПНОЕ СЛОВО
ОБЪЯВЛЕНИЕ
И. ЖУКОВСКОГО
1877

1846—1847.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРСИДСКАЯ ПОВѢСТЬ,

ЗАИМСТВОВАННАЯ

ИЗЪ ЦАРСТВЕННОЙ КНИГИ ИРАНА (ШАХЪ-НАМѢ).

КНИГА ПЕРВАЯ.

РУСТЕМЪ НА ОХОТЪ.

I.

Изъ книги царственной Ирана
И повѣсть выпишу для васъ
О подвигахъ Рустема и Зораба.

Заря едва на пещѣ занялася,
Когда Рустемъ, Ирана богатырь,
Проснулся. Вставъ съ постели, онъ сказалъ:
Мы на царя Афразіаба
Опять идемъ войною;
Мои сабульскія дружины
Готовы; завтра поведу
Ихъ въ Истахаръ, гдѣ силы всѣ Ирана
Шахъ Кейкавусъ для грознаго набѣга
Соединилъ. Но чѣмъ же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой мечъ,
Могучій конь мой Громъ
Везъ дѣла; мнѣ жъ бездѣлье нестерпимо.
И на охоту собрался
Рустемъ; себя стянулъ широкимъ куша-
Колчанъ съ стрѣлами калеными [комъ,
Закинулъ за спину, взявъ лукъ огромный,
Книжалъ засунулъ за кушакъ,
И Грома, сильнаго юна,
Изъ стойла вывелъ. Конь, наскучивъ
Покоемъ, бѣшено отъ радости заржалъ;
Рустемъ сѣлъ на коня и, непростившись дома
И съ кѣмъ, ни съ матерью, ни съ братомъ,
Поѣхалъ въ путь, оборотивъ
Глаза, какъ левъ, почувявшій добычу,
Въ ту сторону, гдѣ за горами

Лежалъ Туранъ.

И, за горы перескакавъ, увидѣлъ
Онъ множество гуляющихъ онагрей;
Отъ радости его зардѣлись щеки;
И началъ онъ
Стрѣлами, дротикомъ, арканомъ
Съ звѣрями дикими войну;
И, поваливъ ихъ болѣ десяти
Сложили пзъ хвороста костеръ,
Зажегъ его, потомъ, когда
Онъ въ жаркій уголь превратился,
Переломилъ большую сѣль,
И насадилъ
Огромнѣйшаго изъ онагрей
На этотъ вертелъ,
Который былъ въ его рукѣ,
Какъ легкая лоза, и надъ огнемъ
Сталъ поворачивать его тихонько,
Чтобъ мясо жирное со всѣхъ сторонъ
Равно обжарилось. Когда же былъ
Онагръ изжаренъ, на траву
У свѣтлаго потока сѣлъ Рустемъ,
И началъ голодъ утолять,
Свою роскошную ѣду
Водой потока заливая.
Насытившись, онъ легъ и скоро,
При говорѣ струистыхъ водъ
Подъ вѣтвями густаго,
Широкотѣннаго чинара,
Глубокимъ сномъ заснулъ;
А конь его, могучій Громъ,
Тѣмъ временемъ, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

II.

Но вотъ, покуда спать
 Глубокимъ сномъ Рустемъ,
 А Громъ по бархатному полю
 Гуляя, травой медвнною питаясь—
 Увидя, что такой могучій конь
 На пажити заповѣдной Турана
 Безъ сѣдока по волѣ бродить,
 Толпой сбѣжались турки.
 Замысли овладѣть конемъ,
 Съ арканами къ нему они
 Подкрались осторожно;
 Но конь, арканъ почуя,
 Какъ левъ, озлился;
 И не заржалъ, а заревѣлъ;
 И первому, кто руку на него
 Осмѣлился поднять съ арканомъ,
 Зубами голову отъ шеи оторвалъ,
 А двухъ другихъ однимъ ударомъ
 Копыта мертвыхъ повалилъ.
 Но, наконецъ, его
 Отвсюду обступили;
 И мѣтко былъ арканъ ему на шею
 Издалекѣ накиннуть, и его
 Опутали, и былъ онъ пересплеиъ.
 Но хищники, страшась, что въ ихъ рукахъ
 Онъ не останется, немедленно вогнали
 Его въ табуны туранскихъ кобылицъ,
 И разомъ былъ принужденъ Громъ
 Къ двѣнадцати отборнымъ кобылицамъ;
 Но лишь одна изъ нихъ
 Плодъ отъ него желанный принесла.

III.

Рустемъ, проснувшись, тотчасъ о своемъ
 Копѣ подумалъ; смотритъ, по коня
 Нигдѣ не видитъ. Никогда
 Онъ отъ него не убѣгалъ
 Въ такую даль. Онъ свиснулъ, но па свистѣ
 Могучій не примчался конь
 И не заржалъ издалекѣ.
 Рустемъ, какъ бышенный, вскочилъ;
 Весь лугъ широкій, вдоль и поперекъ,
 Весь темный лѣсъ, кругомъ и на пролетѣ,
 Онъ обѣжалъ—напрасно; нѣтъ коня.
 И въ горѣ возопилъ Рустемъ:
 Мой вѣршій конь, мой славный Громъ,
 Что безъ тебя начну я дѣлать?

Скакать, летать привыкли на тебѣ,
 Пойду ль пѣшкомъ, тащась подъ грузомъ
 лать,
 Какъ черепаха? Что же скажутъ турки,
 Не на сѣдлѣ, а подъ сѣдломъ меня увидя?
 Не можеть быть, чтобы ты, мой Громъ, меня
 Покинулъ волею; тебя украли.
 Конечно, хищники здѣсь цѣлымъ войскомъ
 Напали на тебя; никто одинъ
 Съ тобой не совладѣлъ бы. Но не время
 охатъ,

Рустемъ; иди пѣшкомъ, когда умѣлъ про-
 Коня. И, конскую съ досадою сбрую [спать
 Съ доспѣхами своими на плеча
 Взваливши, онъ пошелъ, и скоро
 Напалъ на свѣжій слѣдъ, и этотъ слѣдъ
 Его привелъ передъ закатомъ солнца
 Ко граду Семенгаму,
 Который вдругъ явился вдалекѣ
 Среди равнины пышной,
 Сіяющей въ лучахъ зари вечерней.

IV.

Рустемъ подумалъ: въ этомъ Семенгамѣ
 Владычествуетъ царь, попеременно другъ
 Иль врагъ Ирана иль Турана:
 Конечно, онъ бы и вдали
 Рустема на конѣ узналъ;
 Но гдѣ мой конь? Я пѣшій
 Теперь иду къ его столицѣ. Такъ и быть;
 Они коня мнѣ волей иль неволей
 Отпущутъ и меня почитутъ
 Роскошнымъ угощеньемъ.
 Такъ разсуждалъ съ собою онъ, подходя
 Къ стѣнамъ высокимъ Семенгама;
 А между тѣмъ изъ глазъ не выпускалъ
 Слѣдовъ замѣченныхъ; но скоро
 Онъ, къ рѣкѣ приблизившись, пропалъ
 Въ густомъ прибрежномъ камышѣ.
 Тѣмъ временемъ молва достигла до царя,
 Что въ Семенгамѣ великій богатырь
 Рустемъ идетъ, что онъ въ лѣсу царевомъ
 Охотничалъ, и что, утративъ
 На ихъ землѣ коня, идетъ онъ пѣшій.
 Услыша то, царь повелѣлъ,
 Чтобъ гость великій съ почестью великой
 Вылъ принятъ. Вебъ его вельможи,
 И все вожди, и всякій, у кого
 На головѣ былъ шлемъ, а съ боку мечъ,

Толпой пзъ Семенгама вышли
Ветрѣчать Рустема.
И витязь, витязей свѣтило,
Быль ими окруженъ,
Какъ солнце пламеннымъ вѣщомъ
Вечернихъ, имъ блестящихъ облаковъ;
Съ такою свитой въ городъ онъ вступилъ,
И къ царскимъ подошелъ палатамъ.

V.

И царь сошелъ съ крыльца принять Ру-
Онъ поклонился и сказалъ: [стема.
Откуда ты, могучій богатырь,
Безъ провожатыхъ, пѣшій,
Пришелъ къ намъ? Забавлялся ль ловлей
Въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ?
Ночлега ли покойнаго теперь
Здѣсь ищешь? Ради мы такому гостю;
Весь Семенгамъ теперь къ твоимъ услугамъ;
Весь мой народъ и все мое богатства
Теперь твои; что повелишь,
То мы и сдѣлаемъ. Рустему
Смирная поправилася рѣчь;
Они, подумавъ онъ,
Передо мной робѣють.
И онъ сказалъ: украденъ конь мой Громъ.
Тогда, какъ на твоемъ дугу
Я спалъ, охотой утомленный;
Но съѣвъ его привлекъ меня сюда;
Онъ здѣсь; когда его
Отыщете мнѣ къ ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда жъ мой конь пропадетъ,
Вѣда и вамъ и Семенгаму!
Мой мечъ прорубить мнѣ
Къ нему широкую дорогу.
Царь, испугавшись, отвѣчалъ:
Не можетъ быть, чтобы на коня
Рустемова кто здѣсь арканъ
Разбойничій дернулъ накинуть.
Будь терпѣливъ, могучій витязь,
Твой Громъ найдется; конь Рустемовъ
Укрыться отъ молвы не можетъ.
А ты пока будь нашимъ мирнымъ гостемъ;
Войди въ мой домъ, и ночь за чашей
Благоуханнаго вина
Въ весельи съ нами проведи.
Твой конь здѣсь будетъ прежде,
Чѣмъ свѣтъ зари проникнетъ въ пировую

Палату; а теперь пускай она
Однимъ виномъ освѣтитесь блестящимъ.

VI.

Левъ мужества Рустемъ доволенъ былъ
Царя привѣтственной рѣчью,
И гнѣвъ заснулъ въ его груди.
Онъ во дворецъ вступилъ съ лицомъ ве-
сельнымъ;
И, посадивъ его на царскомъ мѣстѣ,
Хозяинъ-царь не сѣлъ съ нимъ рядомъ;
Онъ, стоя, подчивалъ его.
Соединяя въ блестящій полукругъ,
Саповники, вожди, придворные вельможи,
Въ почтительномъ молчаньи за царскъ
Стояли, очи устремивъ
На свѣтае лице Рустема;
Роскошно-лакомой ѣдою
Въ серебряныхъ богатыхъ блюдахъ
Быль столъ уставленъ;
Въ сосудахъ золотыхъ
Вино сверкало золотое,
И были хинскіе кувшины
Питьемъ благоуханнымъ полны.
При звукахъ струвъ, при сладкомъ пѣньи,
Младья дѣвы,
Съ очами пѣжными газель,
Панитки гостю подносили;
И онъ въ винѣ душистомъ
Души веселье пилъ,
И было свѣтлаго лица его сиянье
Сіяньемъ радости для всѣхъ, предъ нимъ
стоявшихъ.
За кубкомъ кубокъ онъ проворно осушалъ;
Когда жъ ѣдою и питьемъ
Онъ вдоволь насладился,
Его въ покой, благоухавшій мускомъ
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушкахъ пуховыхъ,
Подъ тонкой шелковою тканью,
Въ глубокой сонъ тамъ погружился
Рустемъ, враговъ гроза и трепеть.

VII.

Но въ тихій полуночный часъ,
При легкомъ шорохѣ шаговъ,
Послышалася рѣчей пріятный шорохъ;
По имени Рустема кто-то назвалъ;
Безъ шума отворплась дверь,

И факеловъ душистыхъ
 Сіянемъ снальна озарилась;
 Рустемъ открылъ глаза:
 Темина, дочь царя, владыки Семенгама,
 Блистая золотомъ и жемчугами,
 Стояла передъ нимъ,
 Прекрасная, какъ дѣва рая;
 За ней, держа въ рукахъ
 Свѣтлыньники, стояли
 Ея рабыни молодыя;
 Краса живая легкой Пери
 Съ краснѣющей стыдливостію дѣвы
 Сливались на ея лицѣ,
 Гдѣ лилій бѣлизну
 Животворилъ прекрасный пурпуръ розы.
 Но было на ея
 Застѣнчиво потупленныя очи
 Опущено рѣсницъ густое покрывало,
 И за рубиновымъ замкомъ
 Ея цвѣтущихъ, свѣжихъ устъ
 Скрывалась дѣвственная тайна.
 Рустемъ вскочилъ, нежданымъ изумлен-
 Видѣшемъ. Кто ты? онъ спросилъ; [ный
 Зачѣмъ ко мнѣ пришла ночной порою?—
 Я дочь царя, меня зовутъ Темина,
 Пришелецъ ночная отвѣчала.
 Легка я на бѣгу; ни лань, ни антилона,
 Ни быстрый вѣтеръ горный
 Меня догнать не могутъ;
 Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
 Она меня во тьмѣ глубокой ночи
 Передъ тебя, мой витязь, привела.
 Какъ чудное преданье старины,
 Всегда, вездѣ, отъ всѣхъ я слышу повѣсть
 О храбрости твоей великой;
 О томъ, какъ не страшился ты
 Ни льва, ни тигра, ни слона,
 Ни крокодила, какъ всего
 Ирана ты надежная твердыня,
 Какъ весь Туранъ дрожитъ передъ тобою,
 Какъ на Туранскую ты землю
 Ночной порою въѣзжалась
 На боевомъ своемъ конѣ,
 И, обскакавъ ее и вдоль и поперекъ,
 Безъ страха спишь одинъ, и какъ никто
 Не смѣетъ сонъ глубокий твой нарушить.
 Такую повѣсть о тебѣ
 Всечасно слыша, я давно
 Томилась тоской тебя увидѣть;

Теперь увидѣла, и быть твоей женой
 Готова, если самъ, мой храбрый витязь,
 Того потребуешь. Доселѣ
 Ни тайный мѣсяца, ни яркій солнца лучъ
 До моего не прикасались тѣла;
 Здѣсь въ цѣломудріи, въ дѣвичьей про-
 стотѣ
 Я расцвѣла; и только въ этотъ мигъ
 Сказала первую любви глубокой тайну.
 Возьми, возьми меня, Рустемъ;
 Въ приданое твердынный этотъ замокъ
 Тебѣ я принесу; а утреннимъ подаркомъ
 Моимъ твой конь, твой Громъ могучій будетъ.
 Такъ свѣтлоликая царица говорила.
 И витязь слушалъ со вниманьемъ,
 И не сводилъ съ нея очей;
 Онъ разумомъ ея высокимъ,
 И голосомъ, какъ флейта сладкимъ,
 И красотой полувоздушной
 Во глубинѣ души плѣнялся.
 Когда жъ царица замолчала,
 Онъ повелѣлъ, чтобы немедля
 Одинъ изъ многомудрыхъ
 Мобедовъ царскихъ
 Пошелъ къ царю и отъ Рустема
 Потребовалъ согласія на бракъ
 Его съ царевною Теминной.
 Былъ изумленъ владыка Семенгама
 Такимъ нежданнымъ предложеньемъ,
 И голову отъ радости высокой
 Высокимъ кедромъ поднималъ;
 Онъ не замедлил согласиться;
 И тутъ же бракомъ сочетался
 Рустемъ съ царевною Теминной;
 Но бракъ ихъ совершенно былъ тайно:
 Страхился царь, чтобы, воюя
 Съ Ираномъ, въ злобѣ на Рустема,
 Афразіабъ не сокрушилъ
 Его столицы Семенгама.

VIII.

Ночь краткая блаженства мпновалась;
 Настало утро. Изъ объятій
 Младой супруги вырвался Рустемъ.
 Онъ снялъ съ руки повязку золотую,
 И, давъ ее Теминѣ,
 Сказалъ: теперь намъ должно разлучиться;
 Меня въ Сабулѣ ждутъ
 Готовыя въ походъ мои дружины;

А ты храни мой даръ завѣтный;
И если въ этотъ годъ тебѣ родится
дочь,

Укрась ее моею повязкой;
И будетъ вѣдать цѣлый міръ,
Что ей отецъ Рустемъ.
Но если небо дастъ намъ сына,
Пусть носить онъ, какъ я носилъ,
Мою повязку на рукѣ;
Когда жъ онъ возмущаетъ,
Пришли его ко мнѣ въ Сабулистанъ;
Но вѣдай папередъ, что онъ
Не иначе явиться можетъ
Мнѣ на глаза, какъ ужъ прославясь
Великимъ дѣломъ богатирства;
Его неславнаго ни знать,
Ни видѣть не хочу я—
Пускай въ толпѣ исчезнетъ,
Покрытый тьмой забвеня,
И непримѣченный отцомъ.
Не по его породѣ знаменитой,
Не по моему повязкѣ золотой
Онъ будетъ мной за сына признанъ—
Насъ породнить одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ онъ долженъ
Мнѣ отъ тебя припестъ мой даръ за-

вѣтный;
Лишь ею онъ получить право
Сказать въ глаза мнѣ: я твой сынъ.
Но близко день; прости.—И онъ, къ го-
Прижавъ супругу молодую, [рячей груди
Ее съ любовью лобызалъ
Въ ладны, очи и уста,
И долго отъ нея не въ силахъ
Быль оторваться. Обливаясь
Слезамъ, отъ него она
Пошла, и для нея, въ часъ брака овдо-
вѣвшей,
Блаженство краткое печалью долгой стало,
Тутъ царь пришелъ спросить у зятя:
Приятно ль онъ провелъ ту ночь?
И объявилъ, что Громъ отысканъ.
Обрадовавъ той вѣстью былъ Рустемъ;
Онъ подошелъ къ коню, его погладилъ
И осѣдлалъ; потомъ изъ Семенгама
Поѣхалъ, свѣтлый, бодрый духомъ,
Сперва въ Спестанъ, потомъ въ Сабулистанъ;
И много о своемъ онъ думалъ приключеннѣ,
Но дома никому о немъ не говорилъ.

книга вторая.

ЗОРАБЪ.

I.

Пора пришла—и у Темини
Родился сыночекъ, прекрасный,
Какъ мѣсяцъ. Радостно и горестно его
Прижала къ сердцу мать, и со слезами
Имъ любовалась: онъ былъ вылитый Ру-
Она его Зорабомъ назвала, [стемъ.
Его сама кормила грудью,
О немъ и день и ночь некалася.
И дивно созданье былъ Зорабъ:
Онъ родился съ улыбкой на устахъ;
Ни отъ чего и никогда не плакалъ; росъ
такъ чудно,
Что въ первый мѣсяцъ ужъ казался го-
довымъ;

Трехъ лѣтъ скакалъ отважно на копьѣ;
Шести лѣтъ былъ могучъ, какъ левъ;
Когда жъ ему двѣнадцать лѣтъ свернулось,
Никто не могъ съ нимъ сладить; ростомъ былъ
Онъ великанъ, и все блистало
Въ немъ мужествомъ и красою:
Глубокотемные глаза,
Румянецъ пламенный на свѣжихъ
Щекахъ, широкія плеча, крутая грудь,
Желѣзноподобныя руки,
И ноги, крѣпкія, какъ бедра
Боротся ль кто съ нимъ покушался—
Его онъ вмгъ сгибалъ въ дугу;
На львиную ль охоту выходилъ—
Со львомъ онъ ладилъ, какъ съ лисицей;
Шаталъ ли дубъ иль кедръ—
Въ его рукахъ они, какъ хлыстыя, гнулись;
Гнался ли за конемъ—его,
Догнавъ, хваталъ за гриву,
И падалъ на колѣна конь:
Таковъ былъ въ отроческихъ лѣтахъ
Зорабъ, достойный сынъ Рустема.

II.

Однажды къ матери приходитъ отрокъ
И такъ ей дерзко говоритъ:
На сверстниковъ своихъ гляжу я свысока;
Никто изъ нихъ передо мною
Поднять не смѣетъ головы;
Но никому изъ нихъ досель не могъ я
Отвѣтствовать, когда онъ знать хотѣлъ,

Кто мой отецъ. Скажи же: кто отецъ мой?
 Когда не скажешь, на себя
 И руку наложу,
 Да и тебѣ добра не будетъ.—
 Темна съ гордостью и страхомъ отвѣчаа:
 Мой сынъ, твое рожденіе
 Донынѣ было тайной;
 Теперь узнай: ты сынъ Рустема;
 Ты дѣдовъ знаменитыхъ внукъ;
 И пѣть земныхъ величій,
 Которыхъ бы отецъ твой не затмилъ
 Сіянемъ дѣлъ своихъ великихъ.
 Возьми теперь повязку эту;
 Носи ее и береги,
 Какъ свѣтъ своихъ очей: ее мнѣ далъ
 Отецъ твой на прощаньи.
 Когда къ нему дойдетъ молва,
 Что ты достоинъ быть имъ признанъ,
 Онъ позоветъ тебя въ Иранъ,
 И по своей повязкѣ тамъ узнасть.
 Но вѣдай напередъ, Зорабъ,
 Что на глаза ему явнѣе
 Не иначе ты можешь, какъ прославясь
 Великимъ дѣломъ богатирства;
 Тебя неславнаго ни знать,
 Ни видѣть твой отецъ не хочетъ;
 Не по своей породѣ знаменитой,
 Не по его повязкѣ золотой
 Ты будешь имъ за сына признанъ;
 Васъ породнить одна лишь только слава;
 Съ ея свидѣтельствомъ ты долженъ отъ меня
 Принести отцу его залогъ завѣтный,
 Лишь ею ты получишь право
 Сказать въ лицо Рустему: я твой сынъ.
 Гордися жъ, другъ, своей породой славной,
 Но до поры храни о ней молчанье.

III.

На то Зорабъ ей далъ такой отвѣтъ:
 Кто скрестъ въ небесахъ
 Сіяющее солнце?
 Кто скрестъ на землѣ
 Своей породы славу?
 Зачѣмъ о ней такъ поядно свѣдалъ я?
 До сихъ поръ ежечасно
 И встрѣчный мнѣ и поперечный,
 И старикъ и молодой
 Твердили о Рустемѣ—
 Кто исполна одолѣлъ?

Кто замокъ разорилъ волшебный?
 Кто войско разогналъ одинъ?
 На каждый мнѣ такой вопросъ
 Все тотъ же былъ отвѣтъ: Рустемъ.
 Во мнѣ отъ изумленья
 И ревности кипѣло сердце;
 А онъ былъ мой отецъ, и я о томъ не
 Но знай теперь: изъ Семенгама [вѣдалъ.
 И изъ туранскихъ областей
 Храбрѣйшихъ вызвать я намѣренъ:
 И мы пойдемъ войною на Иранъ;
 И битва будетъ тамъ такая,
 Что пылю мѣсяцъ въ высотѣ
 Задрнется, какъ темной тучей;
 Съ иранскаго престола
 Сгоню я шаха Кейкавуса;
 И подарю Иранъ Рустему;
 Потомъ пойду войною на Туранъ,
 И будешь ты царицею Турана.
 Такъ онъ сказалъ, и гордо удалился.
 И никому онъ своего
 Рожденія не открылъ:
 Невѣдомая слава
 Ему уста сжимала всякой разъ,
 Когда была готова
 Слетѣть съ нихъ тайна роковая;
 Какъ будто самъ отецъ ему шепталъ:
 «Лишь славою ты получишь право
 Сказать въ лицо мнѣ: я твой сынъ».

IV.

И скоро, къ матери опять пришедши,
 Сказалъ Зорабъ: я самъ готовъ,
 Но у меня коня нѣтъ боевого;
 Мнѣ нуженъ конь, со мною равный силой,
 Такой, чтобъ камни могъ однимъ ударомъ
 Коняга въ крошки разбивать,
 Чтобъ былъ могучъ, какъ слонъ, легокъ,
 какъ птица,
 Чтобы въ водѣ проворной рыбой плавать
 И серной прыгаль по горахъ,
 Чтобъ я коня и сѣдока
 Могъ опрокидывать напоромъ крѣпкой
 И чтобъ, сидя на немъ, [груди,
 Я не лицомъ къ лицу,
 А свысока смотрѣлъ въ глаза врагу.
 При этомъ словѣ радостная гордость
 Зажглася въ материнскомъ сердцѣ;
 Она немедленно велѣла

Пригнать изъ табуновъ Турана
 Коней отборнѣйшихъ, чтобъ могъ Зорабъ
 Найти желаннаго межъ ними.
 И было пригнано ихъ много;
 И всѣхъ ихъ на полѣ широкомъ
 Передъ стѣнами Семангама
 Свели въ одинъ безчисленный табуиъ;
 Всѣ были дикіе, какъ вихри.
 И началъ ихъ Зорабъ перебирать:
 Онь каждого, который межъ другимъ
 Казался легче и сильнѣй,
 Къ себѣ притягивалъ арканомъ,
 И на спину ему клалъ руку—и однимъ
 Руки желѣзныя давленьемъ
 Былъ каждый вмѣгъ къ землѣ притвенуть;
 И въ цѣломъ табуиѣ Зорабъ
 Ни одного не выбралъ по желанью.

V.

Тутъ подошелъ къ Зорабу старый витязь
 И такъ сказалъ: я дамъ тебѣ коня,
 Какого не бывало
 До сей поры видѣ.
 Онь родился онъ Грома,
 Коня Рустемова; какъ буря, силепъ;
 Какъ молнія, летучъ;
 Нѣтъ на него ни зноя, ни мороза:
 Широкой доль, высокой холмъ
 Онь тѣнью облака перебѣгаетъ;
 Безкрылой птицею по воздуху летитъ;
 Въ стыдѣ навлинь сжимаешь пышный

хвостъ,
 Когда густую онь разбрасываетъ гриву;
 Онь прыткій лезъ—когда на крутъ бѣжить;
 Онь сильный китъ—когда въ водѣ плавить;
 Ыздохъ, пустивъ стрѣлу, своей стрѣлы
 На немъ домчится до врага; [скорѣе
 Его жь бѣгущаго быстрѣйшей
 Стрѣлою не догонитъ врагъ;
 Онь чудо-конь; но сечь въ немъ и великій
 Порокъ: онь въ руки не дастся.
 Кому жь его удастся укротить,
 Тотъ выѣзжай на немъ хоть на Рустема.
 Такой находкою нежданой
 Обрадовалъ Зорабъ былъ неказанно.
 Скорѣй, скорѣй—онъ закричалъ—ведите
 Ко мнѣ коня. И конь, былъ приведенъ.
 Ему Зорабъ давнулъ рукою ешину
 И грянулъ въ голову его

Своимъ тяжелымъ кулакомъ—
 Могучій конь не пошатнулся,
 Лишь, шею вытянулъ, сверкнулъ
 Глазами, врянулъ на дыбы
 И такъ заржалъ,
 Что съ нимъ окрестность вся заржала.
 Зоръ галъ гладить и трепать
 Его, какъ шелкъ, блистающую спину—
 И конь недвижимо стоялъ,
 Лишь окомъ огненнымъ на витязя ко-
 И на него векочилъ Зорабъ, [слеза.
 И конь, легчайшему узды его движенью
 Покорный, вихремъ полетѣлъ;
 Зорабъ же на его спишѣ сидѣлъ такъ крѣпко,
 Какъ на конѣ сидитъ желѣзаномъ,
 Съ нимъ вмѣстѣ вылитый желѣзный
 Истуканъ.
 Конь, накопецъ, подъ сильнымъ съдокомъ
 Усталъ; его дымчалею поздри,
 Съ него катился пыльный потъ.
 Тогда Зорабъ сказалъ ему, разглядивъ
 Его разбросанную гриву:
 Мой добрый конь, теперь намъ мѣръ
 Теперь не будетъ стыдно [открытъ:
 И на глаза Рустему намъ явиться.

VI.

И сталъ Зорабъ къ войнѣ съ Ираномъ
 снаряжаться.
 Когда жь о томъ провѣдали въ Туранѣ,
 Безчисленно къ нему сходились стали
 Охотники; для нихъ его желанье было,
 Какъ солнечный восходъ для темной ночи:
 Давно Туранъ не враждовалъ съ Ираномъ,
 Давно для всѣхъ мученьемъ былъ покой,
 И всѣ кинѣли жаркой жаждой
 Войны, побѣды и добычи;
 Изъ пещла вдругъ великій венихнулъ
 пламень.

Зорабъ приходитъ къ дѣду своему
 И говоритъ: сечь люди у меня—
 Но нѣтъ у нихъ оружія;
 Коня я добраго нашелъ—
 Мои же люди всѣ безконны;
 Итти въ походъ готовы мы—
 Но вьючныхъ нѣтъ у насъ верблюдовъ,
 Чтобъ тяжкій грузъ нести за намъ;
 Хотимъ мы сытно ѣсть и пить
 Въ досужное отъ боя время—

Но нѣтъ у насъ запаса пищи;
 Благоволи твои намъ отпереть
 Конюшни, хлѣбные анбары
 И оружейную палату, гдѣ напрасно
 Сѣдаетъ ржа меча и брони.
 И дѣду старому по сердцу
 Была такая рѣчь отъ внука;
 Охолодѣвшая въ немъ кровь разгорячилась,
 И онъ сказалъ, съ усмѣшкой, про себя:
 Необычайный выбрать способъ
 Отца отыскивать мой внукъ!
 Его онъ взять намѣренъ съ боя.
 И веѣмъ снабдить Зораба царь спѣшить:
 Анбары хлѣбные отворены;
 Для ратниковъ, верблюдовъ и коней
 Запасъ ишена, ячменя и овса
 Огромный собранъ; дѣлъ не поспешилъ
 Своей серебряной и золотой казною [также
 Со внукомъ подѣлитесь;
 И оружейную палату отперъ онъ,
 И далъ на волю брать оттуда
 Мечи, кольчуги, шапмы,
 Стрѣлами полные колчаны,
 Тугіе луки, топоры,
 Въ серебряной оправѣ ятаганы,
 Кривыя сабли съ золотой насѣчкой,
 И палцы съ желѣзными шипами,
 И конья длинныя съ булатнымъ остріемъ.
 Сподвижникамъ раздавъ доспѣхи и казну,
 Зорабъ сказалъ: вотъ все, что я теперь
 Чего жъ не достанеть, [имѣю;
 То мы дополнимъ скоро
 Добычей боевою;
 Когда возьмемъ Иранъ,
 Я веѣхъ васъ съ ногъ до головы
 Иранскимъ золотомъ и серебромъ осыплю.

УІІ.

Турана царь Афразіабъ
 Услышалъ, что съ гнѣва слетѣлъ орде-
 нокъ смѣлымъ,
 Что отроку-богатырю наскучилъ
 Покой безначный дѣтекихъ лѣтъ,
 Что первый пухъ едва пробился
 На подбородкѣ у него—
 А ужъ ему въ пространнымъ мірѣ тѣсно;
 Что молоко обсохнуть не успѣло
 На молодыхъ его губахъ—
 А ужъ нанихъ звучить, какъ въ небѣ громъ,

Тревожный крикъ, зовущій на войну;
 Что онъ замыслилъ Кейкаусовъ
 Тронъ опрокинуть и Иранъ
 Своимъ толпамъ предать на разграбленіе;
 Что стоило ему ногой лишь въ землю
 топнуть,
 И изъ земли вдругъ выскочило войско;
 Что, наконецъ, молва есть, будто онъ
 Рустемовъ сытъ, и будто отъ коня
 Рустемова и конь его родился.
 Афразіабъ, Турана царь, бровей
 Отъ этихъ слуховъ не нахмурилъ;
 Онъ долго самъ съ собою размышлялъ,
 И, размышляя, улыбался;
 И напоследокъ повелѣлъ,
 Чтобъ Баруманъ, его верховный вождь,
 Къ нему явился. Баруману
 Онъ такъ сказалъ: возьми двѣнадцать
 Отборныхъ ратниковъ моихъ, [тысячъ
 И отведи ихъ въ Семенгамъ къ Зорабу.
 Но слушай (что жъ услышишь,
 То пусть въ твоей душѣ, какъ мертвый
 Во гробѣ, тайное лежитъ), [трупъ
 Отдавъ ему мое письмо,
 Его увѣрь, что съ нимъ Афразіабъ
 На жизнь и смерть въ союзъ вступаетъ;
 Раздуй въ немъ пламень боя,
 Чтобъ бѣшено, какъ левъ голодный,
 Онъ устремился на Иранъ:
 Но берегись—отнюдь не допускай
 Его увидѣться съ Рустемомъ;
 Чтобы никто и имени Рустема
 При немъ не смѣлъ произнести.
 Не знаю я, отецъ ли
 Ему Рустемъ или нѣтъ, но оба
 Они мнѣ злѣйшіе враги;
 И ихъ стравить намъ должно, какъ звѣрей.
 Легко случиться можетъ,
 Что грозный, устарѣлый левъ
 Подъ сильной лапой молодого,
 Растерзанный, издохнетъ—
 Тогда Иранъ смирится передъ нами,
 И Кейкаусъ не усидитъ на тронѣ;
 Тогда найдемъ мы средство и Зорабу
 Зажать глаза, чтобъ пересталъ
 Онъ съ жадностью звѣрной
 Смотрѣть на царскіе престолы.
 Извѣстно мнѣ: ему Ирана мало;
 И на Туранъ свои обстричь онъ когти.

И если подлинно онъ сынъ Рустема,
 То пусть волченокъ молодой
 Заѣденъ будетъ старымъ волкомъ;
 Тогда и старый пропадетъ,
 Какъ пропадаетъ, изсыхая
 И тяжкимъ иломъ застываясь,
 Вода въ степиномъ, оставленномъ колодцѣ.
 Такъ говорилъ Афразіабъ;
 Помогъ онъ Баруману
 Вручилъ письмо къ Зорабу,
 Предательской исполненное лестию.
 Но то письмо не съ легкимъ сердцемъ,
 А съ тяжкимъ горемъ принялъ Баруманъ:
 Не славы, а безславья ждалъ
 Онъ отъ войны, въ которой принужденъ
 Былъ сына храбраго на храбраго отца
 Обманомъ хитрымъ наводить,
 Чтобъ разомъ погубить обоихъ.

УШ.

Когда узналъ Зорабъ, что Баруманъ,
 Къ нему, съ письмомъ, съ дарами, съ вой-
 Афразіабомъ посланный, идетъ, [скомъ,
 Немедленно, вооружась,
 Къ нему онъ выѣхалъ на встрѣчу.
 Какъ удивился витязь молодой,
 Когда такое множество народа,
 Оружіемъ блестящаго, увидѣлъ!
 Какъ удивился Баруманъ,
 Когда предсталъ глазамъ его такой
 Красавецъ съ ростомъ великана,
 Съ веселой свѣжестью младенца,
 Съ горячимъ юноши кипѣньемъ,
 Съ желѣзной твердостью мужа!
 Онъ на него внимательно смотрѣлъ:
 Онъ изумленъ былъ несказанно,
 Онъ чувствовать невольный трепеть,
 Въ немъ громко воіяла жалость
 При видѣ красоты, столь бодрой и цвѣ-
 тущей.

И про себя подумалъ старый витязь:
 О ты, прекрасная звѣзда,
 Тебѣ сиять бы въ чистомъ небѣ,
 Не заходя, не померкая;
 Достоинъ ты, мой свѣтлый воинъ,
 Чтобъ былъ орлиный твой полетъ
 Совѣтомъ мудрости направленъ,
 А не предательствомъ зѣбнымъ.
 И, подошедъ къ Зорабу, онъ вручилъ

Ему письмо Афразіаба.
 Прочтя письмо, Зорабъ послѣпно собралъ
 Свои туранскія дружины,
 И, Баруману повелѣвъ
 Для отдыха остаться
 Дни на два въ Семсентамѣ,
 Простился съ матерью и съ дѣдомъ,
 И поскакалъ, воскликнувъ громозвучно:
 Туранъ, за мной! При этомъ клискъ
 Всѣ разомъ всколебалось,
 Знамена развернулись,
 Задрезжали трубы,
 Тимпаны загремѣли,
 Паржали грозно кони,
 Пошли впередъ дружины;
 И быстро полилась война
 Съ убійствомъ, грабежомъ, пожаромъ
 На мирныя поля Ирана.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ХЕДЖИРЪ и ГУРДАФЕРИДЪ.

I.

На самомъ рубежѣ Ирана
 Стояла крѣпость *Бѣлый замокъ*;
 Она Иранъ хранила отъ набѣговъ
 Сосѣдняго врага,
 И ею два повелѣвали
 Вождя; одинъ изъ тѣхъ вождей
 Былъ старый Гедехемъ,
 Правитель опытно-разумный,
 Другой Хеджиръ, набадникъ молодой,
 Рачитель дѣла боеваго.
 И съ Гедехемомъ находилась въ замкѣ
 Его младая дочь,
 По имени Гурдаферидъ,
 Что значить: *витязь безъ порока*;
 И на такое имя
 Она имѣла право:
 Прекрасная, какъ дѣвственная Перя,
 Она была сильна, какъ богатырь;
 Хеджиръ напрасно
 Ей рыцарствомъ неправиться хотѣлъ—
 Она ему ристаньемъ на конѣ,
 И мѣткою стрѣльбой изъ лука,
 И ловкостью владѣть мечомъ
 Была равна; а мужественнымъ дѣломъ
 Противъ врага предъ нею отагачиться
 Не могъ онъ—не было врага.
 Но вдругъ съ высокой башни замка

Увидѣли на краѣ небосклона
Идущее въ густой пыли, какъ въ дымѣ
Великаго пожара,
Туранское безчисленное войско.
Затрепетать отъ радости Хеджирь.
Двойная будетъ мигъ побѣда,
Подумалъ онъ: одна—тамъ въ полѣ падъ
врагомъ,
Другая—здѣсь надъ дѣвою надменной.
И онъ, надѣвъ свои доспѣхи,
Несется быстро на конѣ,
Любовію и мужествомъ стремимый,
На подходящія турапекія дружины;
И велѣдъ за нимъ съ ограды замка
Завѣстливымъ стремится окомъ
Звѣзда красы Гурдаферидъ.

II.

И быстро подскакавъ къ туранскимъ
Дружинамъ, грозно закричалъ
Хеджиръ имъ: кто вы? Кто изъ васъ
Храбрѣйшій? Пусть отвѣдаетъ со мною
Меча, конья или булавы;
Онъ будетъ нынче же съ высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленною головою
На всѣхъ васъ ужасъ паводить.
На этотъ вызовъ ни одинъ изъ турковъ
Не отвѣчалъ: никто изъ нихъ не смѣлъ
На рубежъ Ирана первый
Въ сраженіе выступить. Увидя,
Что всѣ его сподвижники робѣютъ,
Зорабъ, разгнѣванный, схватилъ
Свой мечъ и поскакалъ
Одинъ за всѣхъ на смертный поединокъ.
Какъ тигръ изъ камышей прибрежныхъ,
Такъ изъ густой толпы своихъ онъ прынулъ,
И закричалъ Хеджиру: выходи;
Твои слова хвастливыя нестрашны;
Не на лислицъ ты выѣхалъ, на львовъ;
Знать хочешь: кто мы и зачѣмъ
Пришли въ Иранъ? Узнай же: я Зорабъ,
Сынъ царской дочери Темины
И многославнаго Рустема;
Пришелъ въ Иранъ знакомиться съ отцомъ;
По славі дѣлъ Рустемъ узнаеть сына.
Теперь скажи мнѣ, кто ты самъ?
Но вѣдать напередъ ты долженъ,
Что въ замокъ свой ужъ ты не возвратишься:

Тебя оплачетъ скоро мать,
Или жена, или невѣста.

III.

Не хвастай, подождемъ конца—
Хеджиръ отвѣтствовалъ Зорабу—
Мое ты спрашиваешь имя? Я
Хеджиръ; повелѣваю Бѣлымъ Замкомъ,
И мнѣ товарищъ мудрый Гездехемъ.
А ты смотри, тамъ въ высотѣ
Два черныхъ ворона кружатся;
Они почуяли добычу,
И будетъ имъ добыча;
Тобой насытивъ жадный голодъ,
На сѣверъ полетитъ одинъ,
На полдень полетитъ другой,
На сѣверъ къ твоему отцу,
На полдень къ матери твоей,
И имъ они за угощенье
Прокаркаютъ свое спасибо;
Не догадается отецъ,
А мать пачеетъ рыдать и плакать;
А обо мнѣ моя невѣста
Не будетъ ни рыдать, ни плакать;
На насъ теперь съ ограды замка
Она глядитъ; моя побѣда
Ей славою и угѣхой будетъ.
Такъ говоря, на Бѣлый замокъ
Хеджиръ Зорабу указалъ:
Звѣздою утренней прекрасной
Сіяла тамъ Гурдаферидъ;
Хеджиръ, обманутый любовью,
Подумалъ, что ему она
Идалека привѣтно улыбалась,
И онъ на мигъ забылъ о поединкѣ.
Зорабъ, красавицу, какой никто подобной
Не видывалъ, увидя, обомлѣлъ,
И вся душа въ немъ закипѣла;
И онъ подумалъ: если въ Бѣломъ Замкѣ
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, женихъ, простись съ своей невѣстой,
Ее теперь ты съ жизнью мнѣ уступиши.

IV.

Опомнись, другъ на друга очи
Соперники оборотили,
Схватились бѣшено за конья,
И, разскакавшись, съ быстротою

Двухъ страшныхъ молній полетѣли
 Одинъ противъ другаго. Острый
 Конецъ копья Хеджиръ направилъ
 На грудь Зораба, чтобъ ее
 Наквозь имъ проколоть;
 Но остріе переломилось,
 Ударясь въ твердую колючугу;
 Зорабъ не пошатнулся.
 Тогда свое копьѣ
 Тушимъ концомъ оборотивъ,
 Его онъ, какъ рычагъ,
 Между концемъ и всадникомъ просунулъ,
 Имъ сильно двинулъ—и Хеджиръ,
 Вдругъ сорванный съ сѣдла, былъ взброшенъ
 На воздухъ, грянулся на землю,
 Какъ камень, и паденьемъ былъ
 Такъ сильно оглушенъ,
 Что на землѣ, какъ мертвый,
 Лежалъ недвижимо, утративъ
 Изъ памяти и бѣи, и замокъ, и Зораба,
 И самое Гурдаферидъ.

Зорабъ скочилъ съ коня и обнажилъ
 Свою кривую саблю,
 Чтобъ голову отѣчь врагу;
 Но тотъ, опомнясь, приподнялся,
 И, на руку опершись слабо,
 Къ сопернику другую протянулъ,
 И такъ сказалъ:
 Будь жалостливъ, не убивай;
 Ужъ я убить довольно
 Стыдомъ, которымъ ты меня
 Сразилъ передъ стѣнами замка.
 Какъ будетъ надъ моимъ паденьемъ
 Надменная торжествовать!
 Вотъ смерть моя; тебѣ не нужно
 Своєю саблей отѣкать
 Миѣ голову—ты жизни мою преемь:
 Гурдаферидъ ужъ болѣе не моя;
 Огненнымъ ты мой повелитель.

V.

Умолкнувъ, ждалъ онъ жизни или смерти.
 Но билось кроткое въ груди Зораба сердце:
 Молящаго о милости врага
 Онъ былъ не въ силахъ умертвить;
 И онъ подумалъ: зтогъ ильбиникъ
 Миѣ плашниковъ другихъ добыть поможетъ;
 Онъ въ замокъ миѣ отворитъ входъ;
 Укажетъ въ полѣ миѣ Рустема.

И онъ, связавъ Хеджира,
 Его съ собой повелъ въ туранскій станъ,
 Куда въ тотъ самый часъ вводилъ
 Свои дружины Барумапъ,
 Послѣднимъ вышедшимъ изъ Семенгама,
 Чтобъ, волю шаха исполняя,
 Не выпускать изъ глазъ Зораба.
 И первой встрѣчей Баруману
 Былъ схваченный Хеджиръ; при видѣ
 Огромности и крѣпости врага,
 Обрадованъ и изумленъ
 Былъ песказано старый воинъ;
 Но онъ глаза потушилъ въ землю,
 Почувствовавъ и стыдъ и угрызенье
 При мысли, что назначенъ былъ
 Прекрасной доблести такой
 Предательствомъ готовить гибель.
 А между тѣмъ, при громкихъ кликахъ
 Всего собраннаго войска,
 Которое, увидя, какъ могучъ
 Былъ витязь побѣжденный,
 Съ рукоплесканіемъ встрѣчало
 Побѣдоносца молодого,
 Зорабъ задумчиво-безмолвный
 На босвомъ своемъ копьѣ,
 Не слыша плесковъ, ѣхалъ шагомъ:
 Онъ думалъ объ огцѣ Рустемѣ,
 Онъ думалъ о чудесной дѣвѣ,
 Онъ думалъ сладостно о многомъ, многомъ,
 Чего ему не назначало небо.

VI.

Турекій станъ былъ полонъ ликованья,
 А въ Бѣломъ Замкѣ вопли раздавались:
 Одна Гурдаферидъ безмолвно
 Стояла на стѣнѣ высокой;
 Она съ прискорбіемъ смотрѣла
 На мѣсто, гдѣ иранскій витязь
 Былъ оермленъ копьемъ Турана.
 О стыдъ! воскликнула она,
 Хеджиръ, ты мнилъ быть твердымъ му-
 жемъ—
 И первый встрѣчный сбиль тебя съ сѣдла;
 Конечно, своего копья
 Не отточилъ ты, своему
 Коню подиругъ не подтянулъ.
 Могла довольно бы теперь
 Я надъ тобою посягаться;
 Но вытерпѣть я не могу,

Чтобъ врагъ смѣялся падъ тобою.
 Не доущу хвалиться турку,
 Что былъ имъ съ одного удара
 Нашъ первый витязь опрокинутъ.
 За женщинѣ онъ сочтеть мужей Ирана—
 Пускай же въ женщинѣ теперь узнаетъ
 Я видѣла отсюда, [мужа.
 Какъ улетѣлъ онъ съ мѣста боеваго,
 Побѣдой свѣтелъ, красотою
 Свѣтаѣ утренней звѣзды;
 На замокъ онъ пѣвнательнымъ лицомъ
 Оборотился; на меня
 Оранжевыми глазами посмотрѣлъ...
 Хочу я знать, таковъ ли онъ вблизи,
 Какимъ вдали мнѣ показался.
 И со стѣны Гурдаферидъ
 Сошла носившимъ шагомъ,
 И выбрала въ отповой оружейной
 Доспѣхи: локоны густые
 Покрыла крѣпкимъ шлемомъ,
 Индѣйское забрало на лицо
 Надвинула, свой стройный станъ
 Перетянула кушакомъ,
 И, съ головы до ногъ
 Вооруженная, вскочила
 На легкаго коня,
 И, не протѣсь съ отцомъ,
 Изъ замка въ поле поскакала.

VII.

Съ копьемъ въ рукѣ наѣздница младая,
 Передъ туранскій станъ примчавшись,
 Воскликнула: пришельцы, кто вы?
 Кто вождь вашъ? Я хочу отметить
 За обезславленнаго друга;
 Я въ бой зову того, кто въ плѣнъ увелъ
 Хеджира;
 А если онъ робѣеть, пусть выходятъ
 Другіе за него. Туранъ не думай,
 Что, одолевъ случайно одного,
 Ужъ всехъ онъ одолѣлъ въ Иранѣ.
 Сюда, обидчикъ нашей чести!
 Своею кровью обогрѣяни
 Ты долженъ бѣдный стыдъ Хеджира;
 Я жду тебя.—Услышанъ былъ
 Въ туранскомъ станѣ вызовъ гордый,
 И кинулись охотники толпою
 Къ конямъ; но ихъ Зорабъ предупредилъ;
 Онъ, выскакавъ впередъ, воскликнулъ:

Не трогайся ниго; я началъ, я и кончу.
 И быстро онъ впередъ помчался
 При кликахъ громозвучныхъ стана.
 На выстрѣлъ изъ лука приближась
 Къ противнику, Зорабъ остановился
 И взоръ на крѣпость устремилъ:
 Онъ ушвалъ, что дѣву замка
 Опять увидитъ на оградѣ;
 Но онъ ошибся, на оградѣ
 Ея ужъ не было—она
 Стояла передъ нимъ,
 И онъ того не вѣдалъ.
 Гурдаферидъ, его вблизи увидя,
 Подумала: мой врагъ опасенъ;
 Онъ сильнаго Хеджира одолѣлъ.
 И на своемъ конѣ летучемъ
 Она кружить проворно начала;
 Соперника маля и раздражая,
 Она предъ нимъ, какъ ласточка, летала,
 Была и тамъ и тутъ, и всюду и нигдѣ;
 А, той порою съ тетивы
 Ея тугаго лука
 Стрѣла слетала за стрѣлою,
 И ими былъ весь твердый панцирь
 Зорабовъ псацаранъ,
 И много ихъ въ щитѣ его торчало.
 Съ усмѣшкой онъ ихъ стряхивалъ на землю,
 Но, мнилось, былъ нестоющимъ
 Колчанъ наѣздницы; какъ частый дождикъ,
 Ея лился стрѣлы;
 И, наконецъ, Зорабъ, терпѣнье потерявъ,
 Воскликнулъ: скоро ль дѣтскую игрушку
 Оставишь ты? Нора приняться намъ
 За мужеское дѣло.
 Я вижу, что своимъ досугомъ
 Умѣлъ вы воспользоваться, персы;
 Остро свои вы стрѣлы наточили—
 Но объ туранскій крѣпкій панцирь
 Ломается ихъ остріе.
 Оставь же, другъ, напрасную заботу—
 Изъ своего уяля довольно
 Ты пчелокъ выслалъ на меня,
 Но меду здѣсь онъ не соберутъ;
 Убить своей стрѣлою ты можешь
 Лѣсную пташку, много цаплю;
 Но грифа сильнаго тебѣ не застоѣлтъ;
 И такъ уймись и, если ты
 Не женщина, то подѣвайся
 И беися мужески со мною.

VIII.

При этомъ вызовѣ черезъ плечо
 Закинула свой лукъ Гурдаферидъ,
 И поскакала на Зораба,
 Съ направленнымъ на грудь его копьемъ;
 Не дѣвичій ударъ почувствовала бы витязь,
 Когда бъ съ конемъ не отшатнулся—
 Копье пронзило воздухъ.
 Тогда, свое копье оборотивъ,
 Зорабъ его тупой конецъ
 (Къ которому привинченъ
 Былъ крѣпкій крюкъ желѣзный)
 За поясъ всадницы проворно запустилъ,
 И вмгъ, какъ легкой пухъ,
 Опа слетѣла бы съ сѣдла,
 Когда бы выхватить свой мечъ
 И имъ перерубить копье
 Однимъ ударомъ не успѣла;
 И снова на сѣдло упала
 Она такъ плотно, что съ него
 Взвилась густая пыль: тутъ нояла
 Гурдаферидъ, что не по силѣ ей
 Соперникъ, стиснула колѣнами коня
 И поскакала къ замку.
 Зорабъ за ней; ужъ былъ онъ близко;
 Ужъ слышала Гурдаферидъ,
 Вблизи коня желѣзный топотъ
 Ужъ обдавало ей плеча
 Его горячее дыханье;
 Тутъ вдругъ она оборотилась
 И сбросила съ прекрасной головы
 Желѣзный шлемъ въ надеждѣ побѣдить
 Не силой мужеской меча, [вѣрнѣе
 А дѣвственныхъ волшебствомъ красоты.
 И на лицо ея волнами
 Густые полилися кудри;
 Зорабъ остолбенѣлъ, узнавъ въ ней дѣву
 замка;
 И онъ воскликнулъ: трудно жъ будетъ намъ
 Одолѣвать мужей Ирана,
 Когда иранскія такъ мужественны дѣвы.
 Зачѣмъ, красавица, ты выѣхала въ поле?
 Со мною ль битья, за Хеджира ль
 Мнѣ отмстить хотѣла?
 И что тебя, любовь или жажда славы,
 Изъ замка выйти побудило?
 Прекрасною звѣздой себею
 Издалека ты мнѣ явилась—

Теперь тебя увидѣлъ я вблизи,
 И знаю, что краса
 Небесныхъ звѣздъ ничто передъ твоею.
 Но я тебя не выпущу изъ рукъ;
 Ни одному ловцу еще такая
 Добыча въ сѣти не давалась;
 Ты отъ меня не убѣжишь.
 При этомъ словѣ бросилъ онъ
 Арканъ, и вмгъ была Гурдаферидъ
 Опутана могучей петлей.
 Увидя, что къ спасенью
 Ей средства нѣтъ, красавица прибѣгла
 Къ коварству женскому, чтобъ самого
 Плѣнителя плѣнить, она
 Приподняла свои густые кудри,
 И мѣсяць свѣтлаго лица
 Отъ черной ихъ освободила тучи.
 Оборотясь съ улыбкой на Зораба,
 Она сказала голосомъ волшебнымъ:
 Ты, витязь смѣлый, столь же сильный
 Между людьми, какъ левъ между звѣрями,
 Не жажда славы
 И не любовь къ Хеджиру (что Хеджиръ
 Передъ тобой!) меня изъ замка
 Къ тебѣ на встрѣчу привели.
 Издалека тебя увидя
 Столь мужески прекраснымъ,
 Хотѣла я узнать, таковъ ли
 Ты и вблизи—меня не обманули
 Мои глаза; но въ мысли не входило
 Мнѣ никогда, чтобъ могъ въ Туравѣ
 Такой, какъ ты, родиться витязь.
 Иди же смѣло на Иранъ;
 Ты тамъ плѣнишь
 Не дѣвъ однихъ, но и мужей могучихъ;
 А если самъ, какъ я, того желаешь,
 Чтобъ былъ между тобой и мною
 Союзъ любви, то напередъ
 Мнѣ возврати мою свободу.

IX.

Такъ сладостнымъ напиткомъ льстивой рѣчи
 Коварная хотѣла упоить
 Зораба. Онъ, почти ужъ охмѣлѣнный,
 Спросилъ: но что же будетъ,
 Красавица, порукой за тебя,
 Когда тебѣ отдамъ твою свободу?—
 Мое святое слово
 И имя чистое мое:

Меня зовутъ Гурдаферидъ;
 А мой родитель Гездехемъ
 Повелѣваетъ Бѣлымъ Замкомъ;
 Я обещаюсь, если самъ
 Того желаешь ты, и если
 Согласенъ будетъ Гездехемъ
 (А онъ согласенъ будетъ вѣрно),
 Тебѣ отдать и замокъ и себя.
 Ступай же на гору за мною;
 Ключъ отъ воротъ я вынести не замедлю;
 Но прежде требую свободы.
 И съ этимъ словомъ на Зораба
 Она такъ пѣжно, сладко поглядѣла,
 Что въ этомъ взглядѣ мигомъ на него
 Съ нея перелетѣла петля.
 Довѣрчиво онъ спялъ съ нею арканъ;
 Она ударила коня
 И поскакала къ замку;
 За нею поскакалъ Зорабъ.
 Тѣмъ временемъ, встревоженный, печаль-
 Стоялъ въ воротахъ Гездехемъ; [ный,
 Онъ въ поле съ ужасомъ смотрѣлъ,
 И ждалъ, какой возьметъ конецъ
 Безумно-блженное дѣло
 Безстрашной дочери его.
 Онъ, раздраженный, осмыслъ
 Ея упреками, но въ сердцѣ
 Ея отважностью гордился.
 Вдругъ шумъ послышался—онъ смотритъ,
 И видитъ: скачутъ къ воротамъ
 Гурдаферидъ и вслѣдъ за нею,
 Отставъ немного, скачутъ витязь,
 Хеджира въ полѣ одолѣвшій.
 Вмигъ полворотъ онъ отворилъ;
 Она въ нихъ молніей вскользяла;
 Растворы схлопнулись—одинъ
 Зорабъ остался передъ замкомъ
 Въ сіяньи вечера багряномъ.

X.

И ждалъ Зорабъ, что дѣва замка
 Свое святое сдержитъ слово—
 Напрасно! Вдругъ она явилась на оградѣ,
 И, наклонясь къ нему, сказала такъ:
 Чего ты ждешь, мой храбрый побѣдитель?
 Уже поздно; возвратись въ туранскій станъ;
 Сегодня твой набѣгъ на Бѣлый Замокъ
 Не удался—будь терпѣливъ,
 Удастся завтра. Добрай ночи;

Прости.—Зорабъ, прискорбно посмотрѣвъ
 На дѣву, такъ ей отвѣчалъ:
 О ты, красавица Ирана,
 Какъ жаль мнѣ, что своимъ коварствомъ
 Свою ты прелесть превзошла;
 Я не о томъ тужу, что Бѣлый Замокъ
 И съ нимъ прекрасную невѣсту,
 Въ обманъ поддавшись, выпустилъ изъ рукъ;
 Тужу о томъ, что была *тобой* обманута.
 А замокъ твой не выше неба;
 Но будь и выше неба онъ—
 Войду въ него; на это
 Ключъ отъ воротъ не нуженъ—завтра
 И замокъ и тебя возьму я съ бою.—
 Не горячись, мой свѣтлый, храбрый витязь,
 Гурдаферидъ сказала, усмѣхаясь;
 Тебѣ ключа я выдать не могла;
 Его отецъ изъ рукъ не выпускаетъ;
 Когда же о твоёмъ за тайну сватовствѣ
 Ему я объявила,
 Онъ отвѣчалъ: невѣсты пѣтъ въ Иранѣ
 Для турка. Другъ, исполни мой совѣтъ,
 Не медли здѣсь и возвратись въ Туранъ;
 Прекраснѣйшей изъ всѣхъ невѣстъ пре-
 красныхъ

Достоинъ ты...—но возвратись;
 Царь Кейкавусъ, услышавъ о твоёмъ
 Набѣгѣ, вышлетъ па тебя
 Своихъ вождей—ты ихъ не одолѣешь;
 А если вышлетъ онъ Рустема,
 Тогда... тогда, мой витязь, честь Турана,
 Твоя гибель неизбежна.
 О, возвратись, возвратись
 Въ твоей младой, несокрушенной силѣ!
 Ты здѣсь стоишь на рубежѣ судьбы;
 Какъ будетъ жаль, когда твой цвѣтъ она
 Безжалостно сорветъ своею бурей!
 Я буду горько, горько плакать;
 Я ничего, подобнаго тебѣ
 И болѣе по сердцу моему,
 На свѣтѣ не видала,
 И ничего, подобнаго тебѣ,
 На свѣтѣ не увижу.
 Гурдаферидъ, умолкнувъ, поглядѣла
 Печальнымъ окомъ на Зораба;
 Потомъ сошла съ ограды: а Зорабъ,
 Оставшись одинъ передъ оградой,
 Задумчиво глазами
 За нею слѣдовалъ; когда жъ она

Изъ глазъ его пронала,
 Копя оборотилъ и въ стапъ
 Поѣхалъ медленно, съ нахмуреннымъ лп-
 Надвинувъ брови [домъ,
 На гнѣвно-огненные очи.

XI.

Близъ замка находились наши,
 Сады и огороды, хлѣбомъ,
 Плодами, зеленью и овощами
 Богатыя: они питали замокъ.
 На нихъ Зорабъ свой гнѣвъ оборотилъ;
 Подѣхавъ къ стапу, онъ воскликнулъ:
 Сюда, мои туранцы; разорите
 Здѣсь все; огню предайте нивы;
 Сожгите все деревья;
 Съ землей сравняйте огороды;
 Весь истребите виноградъ;
 Чтобъ прахомъ все и дымомъ разлетѣлось;
 Чтобъ все затренитали въ замкѣ!
 Съ его ограды любите
 Дочь Гедехемова смотрѣть—нускай же
 Она порадуется, видя,
 Какъ мы въ ея работаемъ саду;
 Разойте гряды все, гдѣ розы
 Ея цвѣтуть, и все засыньте
 Ключи, которые питаютъ
 Ея луговъ густую зелень.
 Когда жъ наступитъ день,
 И замокъ мы вверхъ дномъ поставимъ.
 Такъ повелѣлъ онъ, и ушло,
 Какъ съ неба градъ,
 На всю окрестность
 Его неистовое войско—
 И стала вмгъ пустынею окрестность.
 Когда же все исчезло, онъ
 Поѣхалъ въ стапъ обратно;
 За нимъ туда все войско возвратилось.

XII.

Тѣмъ временемъ, какъ въ стапѣ вражескъ
 Гроза сбиралась, Гедехемъ,
 Бѣду почувъ, написалъ
 Письмо такое къ Кейкавусу:
 «Безчисленной толпою
 «Нахлынули на насъ
 «Сосѣдственные турки.
 «Ихъ войско намъ не страшно;
 «Но страшнѣе молодой

«Ихъ войска предводитель.
 «Онъ ростомъ великанъ;
 «Когда на боевомъ онъ
 «Конѣ, вооруженный
 «Желѣзной булавою,
 «Сидитъ въ желѣзной еплѣ,
 «Онъ все земныя силы
 «Считаетъ за ничто.
 «Противника ему
 «Не сыщется въ Иранѣ;
 «Одинъ по силѣ будетъ
 «Ему Руستمъ; зовутъ
 «Его Зорабомъ; онъ
 «Родился въ Семенгамѣ.
 «Хеджиръ, его увидя,
 «Изъ замка, съ шмъ сразиться,
 «Пустыни на конѣ;
 «Но въ замокъ конь обратно
 «Хеджира не принесъ.
 «Когда бы не успѣлъ я
 «Моихъ воротъ проверно
 «Захлопнуть передъ шмъ,
 «Какъ вихоръ бы влетѣлъ онъ
 «Одинъ въ мой крѣпкій замокъ.
 «Ужъ нашу всю окрестность
 «Огонь опустошилъ;
 «Хеджиръ въ плѣну, и замку
 «Не устоятъ; и нынѣ,
 «Какъ скоро ночь наступитъ,
 «Со всей моею дружиною
 «Спасаясь бѣгствомъ я.
 «Тебя же, царь, молю:
 «Сбери скорѣе войско,
 «Чтобъ царство защитить
 «Могучею плотиною
 «Отъ злаго наводненія.
 «Всего жъ необходимѣй,
 «Чтобъ въ войскѣ былъ Руستمъ:
 «Лишь сильному Руستمу
 «Возможно пересилить
 «Такого великана».

XIII.

Письмо съ нарочнымъ Гедехемъ
 Отправилъ въ ту же ночь къ царю;
 Потомъ созвалъ свою дружину;
 Свою казну, свои богатства собралъ,
 И тайнымъ подземельнымъ ходомъ,
 Который велъ далеко въ поле,

Изъ замка вышелъ.
 Гурдаферидъ пошла за нимъ;
 Но шла она, казалось, по неволѣ;
 Была задумчива, какъ будто ей
 Какой-то голосъ тайно
 Шепталь: не уходи;
 Какъ будто съ кѣмъ, ей милымъ,
 Навѣкъ она прощалась.
 И всё ушли... и замокъ опустѣлъ.
 Въ туманѣ занялося утро;
 Зорабъ повелъ свои дружины къ замку:
 И на гору онѣ взбѣжали съ крикомъ;
 И кинулся, какъ бѣшенный, Зорабъ
 Къ тяжелымъ воротамъ.
 Онѣ ждалъ отпора, но отпора
 Не дождался—все было въ замкѣ,
 Какъ въ гробѣ, тихо; на стѣнахъ
 Никто не шевелился. Въ нетерпѣнны
 Зорабъ схватилъ огромный камень
 И имъ ударилъ въ ворота—
 Онѣ свободно растворились:
 Ушедшіе парочко ихъ
 Оставили незапертыми.
 Какъ молнія, Зорабъ ихъ пролетѣлъ—
 Ихъ своды громко повторили
 Его коня гремучій топотъ;
 И все умолкло.
 Свѣозъ сумракъ утренній Зорабъ
 Очами ищетъ
 Людей—но все предъ нимъ
 И пусто, и безмолвно;
 Въ его груди предчувствіемъ тяжелымъ
 Стѣснилось сердце;
 И стѣны онѣ нѣмья вопрошаль:
 Куда ушла моя невѣста? Бури ль
 Ее отсюда унесла?
 Сама ль на крыльяхъ улетѣла?
 Иль призракомъ пропала, не оставивъ
 Слѣда? О гдѣ же ты?
 На мигъ одинъ была
 Ты мнѣ видѣнъемъ чуднымъ...
 И ибѣть тебя;
 И гдѣ найти тебя, не знаю.
 И началъ онѣ прилежно замокъ
 Обыскивать: какъ изстуженный,
 Онѣ бѣгалъ по стѣнамъ,
 На башни лазилъ, пропикалъ
 Въ глубокіе подвалы,
 И безпрестанно возвращался

На мѣсто, гдѣ она ему
 Явилась наканунѣ,
 Въ надеждѣ, что оиантъ
 Тамъ съ нею встрѣтится; и съ высоты
 На безпредѣльную окрестность онѣ смо-
 И звалъ свою невѣсту [трѣль,
 Со вѣхъ концовъ пустаго небосклона;
 И посылалъ за нею вѣтеръ горный,
 И птицъ воздушныхъ,
 И облака лазореваго неба.
 А между тѣмъ окрестъ него
 Все падало, все разрушалось;
 Какъ коршуны расклеиваютъ трупъ,
 Такъ ратники Зораба
 Крушили замокъ;
 Не находя нигдѣ
 Ожиданнаго сокровища,
 Они за то наказывали стѣны.
 Что дѣлалось, Зорабъ не замѣчалъ:
 Его душа была далеко.

XIV.

И къ витязю, невольнику любви,
 Съ упрекомъ строгимъ обратился
 Суровый пѣступъ Баруманъ:
 Для яркихъ глазъ и для густыхъ кудрей
 Ты цѣлый свѣтъ и долгъ свой забываешь.
 Не таковы бывають тѣ, которымъ
 При нихъ и долго послѣ нихъ
 Въ награду дѣлтъ великихъ
 Отечество и всѣ народы
 Дашъ славы и любви приносятъ.
 Самнхъ себя они не отдають
 Мгновенію ничтожному на жертву;
 Не отдають безумно и безпечно
 Во власть любви они ума и сердца.
 И нмѣ случается поймать
 Свою сѣтью легкую газелу,
 Но съ нею въ сѣтъ самнхъ себя
 Не путають ребячески они;
 Орелъ, влюбленный въ солнце,
 Какъ соловей, по розѣ не вдыхасть.
 Теперь твоя добыча тронъ Ирана;
 Возьми его—тогда вѣнецъ любви
 Наградю получишь отъ побѣды.
 Не обнаживъ меча, такую крѣпость
 Ты захватилъ—но цѣль твоя еще далеко;
 На пась свои всѣ силы вышлетъ
 Царь Кейкавусъ, тогда...

Но выслушай, Зорабъ, совѣтъ,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здѣсь враговъ; съ твердынной
Вершины этой всеѣмъ Ираломъ
Ты будешь властвовать; съ нея
Губящія набѣги можешь
Повсюду посылать, и здѣсь
Могучее ихъ войско встрѣтишь,
Могучій самъ—не разорай же
Безумно замка, нѣтъ; его напротивъ въ

честь

Красавицы, въ немъ жившей, укрѣпи;
Но въ честь ея и духомъ укрѣплен.
Когда тебѣ звѣздами
Назначено Иралъ завоевать—
Съ нимъ и она твоею будетъ.
Пускай передъ тобой Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня—тогда ты смѣло можешь
Потребовать, чтобъ выкупомъ свободы
Его была Гурдаферидъ.
Отъ этихъ словъ Зорабъ очнулся;
Они, какъ солнца лучъ, пронзили
Туманъ его души;
И онъ воскликнулъ: такъ!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня, и за его свободу
Заплатитъ мнѣ Гурдаферидъ.
Тутъ на грабителей онъ крикнулъ;
И во мгновеніе грознымъ крикомъ
Быль умирить неистовый грабежъ;
И сталъ, какъ гробъ, снокоенъ Вѣлый
Замокъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РУСТЕМЪ И КЕЙКАВУСЪ.

ССОРА, ШИМИНЕНЕ, ПОХОДЪ.

I.

Когда письмо отъ Гездехема
Голецъ послѣдній Кейкавусу
Въ его столицѣ Истахарѣ
Вручилъ, и сдѣлалось извѣстно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана—
Онъ ужаснулся, и немедля
Созвалъ верховный свой совѣтъ.
И собралися къ Кейкавусу
Его вельможи: Фераторъ
(Сынъ царскій и наследникъ трона),
Гудеръ, Кешвадъ, Шехедемъ, Тусъ, Рохамъ,

Гургинъ, Милать, Фергасъ, Бехремъ и Гефъ;
И, Гездехемово письмо прочтя имъ, царь
Сказалъ: Зорабъ мнѣ этотъ страшенъ;
Онъ овладѣлъ безъ боя Вѣлымъ Замкомъ,
Твердѣйшею защитой нашихъ граней;
Тамъ двухъ вождей надежныхъ мы имѣли—
Но старый убѣжалъ,
А молодой врагу отдался въ руки:
Гудеръ, не можешь похвалиться ты
Своимъ Хеджиромъ; у тебя
Такъ много сыновей—зачѣмъ же
Изъ нихъ мы выбрали такого,
Который былъ не въ силахъ одолѣть
Туранакаго молокососа?
Но правда, пишетъ Гездехемъ,
Что этого молокососа
Одинъ Рустемъ лишь одолѣетъ;
Скажете жъ, вѣрные вельможи,
Что дѣлать намъ? Послать ли за Рустемомъ?
И въ голосъ все воскликнули: послать.
И было рѣшено, чтобъ царь
Письмо къ Рустему написалъ,
И чтобъ съ письмомъ безъ замедленья
Быль Гефъ, Рустемовъ зять, отпращенъ.

II.

И Кейкавусъ письмо такое
Къ Рустему написалъ:
«Ирана щить, Сабула обладатель,
«Великій царскій нехлванъ,
«На насъ гроза съ Турана поднялася;
«Врагами схваченъ Вѣлый Замокъ;
«Ихъ вождь, по имени Зорабъ,
«Лѣтами юноша, а силой
«Пожаръ, землетрясеніе, громъ,
«Отъ Семсгамскихъ проеходить,
«Въ народѣ говорятъ, царей.
«И пишетъ вождь нашъ Гездехемъ,
«Что этого богатыря
«Не одолѣть намъ, что одинъ
«Лишь ты съ нимъ силою сравнишься.
«Я свой совѣтъ верховный собралъ,
«И все совѣтники мои
«Со мной согласны, что тебя
«Намъ должно вызвать изъ Сабула,
«Что лишь твоя рука отъ царства
«Такую гибель отразитъ.
«Итакъ, зову тебя, Рустемъ,
«Вѣнецъ, убранствъ, щить царя,

«Спасительная пристань царства,
 «Твердыня трона, войска слава,
 «Ирана жизнь, Турана смерть;
 «Сибѣши, сибѣши; когда получимъ
 «Мое письмо, сидишь ли—ветанъ,
 «Стоишь ли—не садись;
 «Идешь ли въ замокъ—не входи;
 «Но въ тотъ же мигъ вели подать
 «Дослѣхъ, бросься на коня,
 «И пусть съ тобою конь твой славный,
 «Твой Громъ летитъ небеснымъ громомъ,
 «И ты, Ирана громъ защитный,
 «Будь громомъ бѣдствія Турану».

III.

Царь Кейкавусъ, окончивъ
 И запечатавъ пестрымъ воекомъ
 Свое письмо, послалъ съ нимъ Гефа;
 И Гефъ, какъ изъ лука стрѣла,
 Помчался; день и ночь скакалъ онъ;
 Забывъ о пищѣ и ночлегѣ,
 Не думая о томъ, куда вела
 Дорога, подъ гору пль въ гору,
 И было ль ведро иль ненастье;
 И бодрый конь его не уставалъ,
 Какъ будто чуялъ онъ,
 Куда, къ кому и съ чѣмъ
 Слѣзнуть съдокъ неутомимый.
 Гонца увидя вдалекѣ,
 Руستمъ послалъ къ нему на встрѣчу
 Зевара, брата своего,
 И былъ обрадованъ, когда
 Зеваръ къ нему явился съ Гефомъ.
 Зачѣмъ ты, зять мой дорогой,
 Спросилъ Руستمъ, пожаловалъ въ Сабуль?
 Что мнѣ привезъ? Письмо отъ Кейкавуса?
 Подай. И, прочитавъ письмо,
 Руستمъ задумался; онъ долго, долго
 Сидѣлъ въ молчаньи грустномъ,
 Потувивъ голову и неподвижно
 Глаза уперши въ землю.
 И такъ съ собой онъ говорилъ:
 Я думаю о дняхъ прошедшихъ;
 Все, бывшее давно, воспоминаю;
 Какъ настоящее, опять
 Оно передо мною явитъ,
 Свершнется... невѣроятю,
 Чтобъ этотъ чудный вопль былъ
 Мой сынъ; и если подлинно имѣю

Я въ Семенгамъ сына, онъ
 Еще теперь дитя, еще его
 Игрушки забавляютъ.
 Конечно, быть орломъ орленку суждено;
 Но мой орленокъ испытать
 Еще не могъ своихъ орлиныхъ крыльевъ,
 Еще теперь сидитъ онъ на гнѣздѣ
 И ждетъ своей поры;
 Когда жъ его пора наступитъ,
 Взлетитъ онъ высоко,
 Второго въ немъ Рустема
 Увидитъ свѣтъ. Такъ, если вправду
 Родился сынъ Темигъ отъ Рустема,
 То скоро громкая о немъ
 По всей землѣ молва раздается,
 И онъ придетъ по праву славы
 Сказать мнѣ: я твой сынъ. И не врагомъ
 Онъ встрѣтится со мною въ полѣ,
 А желаннымъ гостемъ постучится въ двери
 Отцовскаго жилища; и ему
 Отворятся праздновать отецъ,
 И будетъ праздновать отецъ,
 Создавши сродниковъ, друзей и ближнихъ,
 Свое свиданье съ милымъ сыномъ;
 И въ немъ моя помолодѣетъ старость.

IV.

Такъ разсуждалъ съ собою грозный вопль,
 И мысли черныя тѣнили
 Его взволнованную душу;
 Но что ея волненья было
 Причиной—онъ того не вѣдалъ.
 Вдругъ онъ очнулся и гонцу,
 Который, вовсе имъ забытый,
 Въ молчаньи ждалъ его отвѣта,
 Сказалъ: слѣзните намъ пужды нѣтъ;
 Ты нынче гость мой; прежде
 Съ тобой мы здѣсь, какъ должно, попируемъ;
 Потомъ и въ путь. Еще большой бѣды я
 Въ случившемся для нихъ не вижу;
 Что страшно намъ, то мнѣ смѣшно;
 И отъ того, что старый сумасбродъ,
 Непуганный турецкимъ смѣльчакомъ,
 Безъ боя сдалъ намъ замокъ норубежный,
 Имъ чудится, что врагъ
 Уже стоитъ передъ столницей,
 И долженъ я ветревоженный ихъ бредомъ,
 Скакать къ нимъ, голову сломя.
 Пусть подождетъ премудрый Кейкавусъ;

Мнѣ нынче пѣтъ охоты восвать:
 Нежданый гость пожаловалъ ко мнѣ;
 Хочу его я на просторѣ
 Повеселить и самъ повеселиться
 Съ нимъ заодно. Забудемъ, милый зять,
 За лѣнной чашею на время
 Военныя тревоги; разскажи
 Поболѣ мнѣ теперь
 О дочери и внучатахъ моихъ,
 И жизни дерево зеленое со мною
 Полейъ виною животворящимъ.
 А ты, Зеварь, найди и учреди
 Скорѣе пиръ богатый;
 Земное все уходитъ легкой тѣнью—
 Хочу съ тобой и нашимъ Гефомъ
 Упиться сладостнымъ виною
 До полнаго забвенья
 О скоротечности земнаго счастья.

V.

Такъ старый воинъ говорилъ;
 На языкѣ его была пиръ веселый,
 А на душѣ лежалъ тяжелый камень
 Предчувствія, похожаго на робость.
 Зеварь пошелъ готовить пиръ;
 А Гефъ пошелъ за тестемъ
 Въ его великолѣпный замокъ;
 И заикнуться не посмѣлъ онъ
 О строгомъ повелѣніи шаха:
 Онъ зналъ, какъ было плохо
 Ломать копы съ упрямыми старикомъ,
 И думалъ: самъ, какъ знаешь, послѣ
 Ты разочтешься съ Кейкавусомъ;
 Съ тобою пировать я радъ;
 Твоимъ виною мой запыленный
 Языкъ я промочу, а завтра
 Конямы прыги придадимъ,
 И быстрота намъ возвратитъ,
 Часы, потерянные лѣтнюю.
 Весь день роскошный длился пиръ
 Въ богато-убраинныхъ залагахъ;
 Какъ розы, пламенно сіяя
 На темной зелени кустовъ,
 Благоухаино угощаютъ
 Звонко-поющихъ соловьевъ,
 Такъ и хозяйина, и гостя
 Младья дѣвы сладкопѣньемъ
 И сладкой пицей угощали;
 Враги, война и Кейкавусъ

Забыты были въ шумѣ пира;
 Однѣ лишь пламенные щеки,
 Однѣ лишь свѣжія уста
 Являлись ихъ очамъ, и не потоки
 Лиющея въ сраженьи крови,
 А пурпуръ благовоный
 Вина сверкалъ предъ ними въ драгоцѣн-
 Ной рукой младыхъ [ныхъ,
 Невольницъ подносимыхъ чашахъ.
 Въ весельи шумомъ день и вечеръ,
 Виною запитые, исчезли;
 Занескрилась звѣздами ночи
 Глубокая пучина неба,
 Занескрились кипучей лѣной
 Вина послѣдняго фялы;
 И, наконецъ, могучій хмѣль
 На мягкомъ ложѣ сладкой силъ
 Сна миротворнаго ихъ предалъ.

VI.

И рано на другое утро
 Явился Гефъ, готовый въ путь.
 Но въ путь еще Руетемъ не собирался.
 На что сѣбнуть, сказалъ онъ, добрый
 И этотъ день съ тобою мы, [гость;
 Откинувъ всякую заботу,
 Въ весельи проведемъ.
 Кто знаетъ, близко ль, далеко ли
 Бѣда и гдѣ ее мы встрѣтимъ?
 Пока подъ кровлей мы домашней—
 Не станемъ помышлять
 О бурѣ, воющей кругомъ.
 Быть можетъ, что ужъ въ этомъ домѣ болѣ
 Мы никогда такъ веселы не будемъ;
 Сдается мнѣ, что здѣсь въ послѣдній разъ
 Моихъ родныхъ и милыхъ ближнихъ
 Я угощаю. Подойдите жъ,
 Мой братъ Зеварь и зять мой Гефъ, ко мнѣ;
 Ты, Гефъ, садися съ правой,
 А ты, Зеварь, садися съ лѣвой
 Моей руки; и помогите пить мнѣ
 Душеусладное вино.
 Мнѣ въ эту ночь все снилось
 О сынѣ, снилось, будто сынъ
 Нашелся у меня; и это мнѣ
 Напомнило, что о Зорабѣ я
 Тебя еще не разспросилъ подробно;
 Садися жъ, Гефъ, и разскажи
 За чашею вина

Мнѣ сказку о Зорабѣ.
 Онъ съѣлъ; по правую съ нимъ руку
 Съѣлъ Гефъ, по лѣвую Зеваръ;
 Вино залѣнилось въ кубкахъ,
 И пиръ съ музыкой, пѣньемъ, пляской,
 Какъ накалилъ, закипѣлъ.
 Подъ шумъ его задумчиво Рустемъ
 Разказы слушалъ о Зорабѣ,
 И думы черныя свои
 Виномъ огнистымъ запивалъ.
 Такъ день прошель, и вечеръ миновался,
 И наступила ночь, и хмѣль могучій
 Опять ихъ предалъ тихой власти
 Миротворительнаго сна.

VII.

На утро такъ же рано,
 Готовый въ путь, пришесть
 Къ Рустему Гефъ; но видя, что Рустемъ
 По прежнему не торопился въ путь,
 Ему сказалъ онъ: выслушай безъ гнѣва
 Меня, отецъ; не раздражай царя;
 Ты вѣдаешь, какъ бѣшено онъ выпыльчивъ;
 Ты вѣдаешь, въ какомъ онъ страхѣ
 Съ тѣхъ поръ, какъ врагъ ворвался въ
 наши грани:
 Не ѣсть, не пить, не спать, не видить
 Нашъ Кейкаусъ; ему вездѣ [и не слышитъ
 Мерещится Зорабъ. Поѣдемъ,
 Рустемъ; позволю мнѣ Грома осѣдлатъ;
 Твоимъ упорнымъ замедленьемъ
 Жестоко будетъ шахъ прогнѣванъ.—
 Не бойся, Гефъ, отвѣтствовалъ Рустемъ,
 Никто мнѣ въ свѣтѣ не указчикъ;
 И твердо знаетъ Кейкаусъ,
 Что царствуетъ въ Иранѣ онъ
 По милости Рустема;
 Онъ знаетъ, что моя рука
 Всегда его вытаскивать умѣла
 Изъ ямъ, въ которыя своей виною
 Онъ безразсудно попадалъ.
 Но я согласенъ; памъ пора
 Отправиться въ дорогу;
 Вели мнѣ Грома осѣдлатъ,
 И ѣдемъ. Такъ сказавъ, Рустемъ
 Виномъ наполнилъ кубокъ,
 Окинулъ мрачными глазами
 Палату пировую
 И всѣхъ своихъ домашнихъ,

Вино все разомъ выпилъ,
 И, кубокъ въ дребезги разбивъ,
 Велѣлъ трубить походъ.
 На громкій зовъ Рустемовой трубы
 Выигъ собрались Рустемовы дружины.
 Окинувъ ихъ желѣзнымъ строй глазами,
 Рустемъ подумалъ: съ ними
 На цѣлый свѣтъ могу войною выйти.
 И, за себя Зевару поручивъ
 Начальство надъ сабульскою ратью,
 Онъ съѣлъ на Грома
 И носкакалъ впередъ
 Самъ другъ съ отважнымъ Гефомъ.
 И трубы загремѣли,
 Знамена развернулись,
 Заржали грозно кони,
 Пошли впередъ дружины.

VIII.

Когда молва достигла въ Истахаръ
 О приближеніи Рустема,
 Всѣ первые вельможи: Фераборъ,
 Гудеръ, Кешвадъ, Шехедемъ, Тусъ, Рохамъ
 Геразъ, Гургинъ, Милатъ, Ферхабъ, Бехремъ
 На день пути къ нему на встрѣчу вышли.
 Сынъ шаховъ Фераборъ и вождь верховный
 Сошли съ коней, его увидя; [Тусъ
 Сошелъ съ коня, увидя ихъ, Рустемъ;
 И сбѣжали привѣтствіе другъ другу.
 Влестящей ихъ толпою окруженный,
 Рустемъ въ столицу въѣхалъ,
 И съ торжествомъ его ввели они
 Въ палату, гдѣ великій царь
 Ихъ ждалъ, сидя на тронѣ.
 Но было сумрачно и гнѣвно
 Его лицо; не отвѣчалъ ни слова
 На поздравительные клики
 Своихъ вельможъ, онъ грозно закричалъ,
 Оборотивъ на Гефа и Рустема:
 Кто ты, Ру.темъ,
 Чтобъ съ дерзостью такою
 Топтать ногами
 Святыя царскія слова?
 Когда бы въ мой рукѣ былъ мечъ,
 Къ монямъ ногамъ бы во мгновение
 Твоя унала голова.
 Ты, вождь мой Тусъ, закуй ихъ въ цѣпи,
 И чтобъ теперь же тещъ и зятъ
 На висѣльницѣ оба

Передъ народомъ залясали.
 Такъ въ изступленіи гнѣва
 Кричалъ на тронѣ Кейкавусъ;
 И всѣ кругомъ его вельможи
 Въ отбѣнѣннѣи стояли.
 Когда жъ увидѣлъ шахъ,
 Что повелѣнье медлилъ
 Его исполнить Тусъ,
 Онъ крикнулъ съ трона, какъ орелъ
 Кричить съ высокаго утеса:
 Предатель самъ, кто руку наложитъ
 На дерзкаго предателя не смѣетъ!
 Бери ихъ, Тусъ, я повторю;
 И съ ними съ глазъ моихъ долой;
 Чтобъ мигомъ не было ихъ духу!
 И чтобъ никто не смѣлъ мнѣ прекословить!

IX.

Такъ онъ вопилъ; и было горько Тусу
 Его исполнить повелѣнье;
 Онъ за руку Рустема взялъ,
 Чтобъ изъ очей озлобленнаго шаха
 Его увести и дать свободу
 Утихнуть бѣшенству царя —
 При этомъ видѣ всѣ вельможи
 Затренитали. Но Рустемъ,
 Не замѣчая ничего,
 Смотрѣлъ горящими глазами,
 Какъ левъ увидѣвшій змѣю,
 На шаха; онъ, казалось, вдругъ
 Сталъ цѣлою головою выше,
 Сталъ вдвое шире грудью и плечамъ;
 И онъ сказалъ: а ты кто, чтобъ меня
 Такъ дерзостно позорить?
 Ты шахъ, но шахъ по милости моей.
 Грози же петлею не мнѣ,
 А своему Зорабу. Развѣ я
 Твой подданный? Я царства нехлеваю;
 Я князь Сабулистана вольный;
 Иль ты не знаешь, что, когда
 Я топаю ногою—нодо мной
 Дрожитъ земля; когда мой скачетъ конь—
 Огъ тонога его шумитъ все небо,
 И, быстротѣ его чудяся,
 Потокъ бѣжать перестаетъ?
 Иль ты забылъ, что я Рустемъ,
 Что мой престолъ сѣдло, что шлемъ мой
 корона?
 И кто же ты, чтобъ петлей мнѣ грозить?

И кто твой Тусъ, чтобъ руку на Рустема
 Поднять въ повиновенье
 Безумной ярости твоей?
 При этомъ словѣ онъ такъ сильно
 Ударилъ Туса по рукѣ,
 Что тотъ упалъ на землю, оглушенный.
 Черезъ лежачаго Рустемъ
 Перешагнувъ, толпу раздвинулъ
 И вышелъ съ Гефомъ изъ палаты.
 И всѣ вельможи, Кейкавуса
 Оставивъ одного на тронѣ,
 Пошли поснѣжно за Рустемомъ.
 Они его нашли передъ крыльцомъ
 Сидящаго на Громѣ. Онъ съ сѣдла
 Имъ закричалъ: простите всѣ; простите,
 Иранъ. Въ Сабуль я возвращаюсь;
 Въ Сабуль я такой же царь,
 Какъ здѣсь въ Иранѣ Кейкавусъ.
 Теперь, какъ знаете, съ Тураномъ сами
 Ведите свой расчетъ; Сабуль
 Я отстою. А если здѣсь съ царемъ Ирана
 Случится то же, что съ Хеджиромъ,
 И если царскій Истахаръ,
 Какъ Бѣлый Замокъ, будетъ схваченъ
 Врагами, въ томъ не обвиняйте
 Рустема. Горе, горе царству,
 Когда царемъ владѣеть нетерпѣнье
 И необузданная ярость!
 Сказавъ, онъ крикнулъ—Громъ помчался;
 Рустемъ исчезъ, какъ привидѣнье.
 Недалеко отбѣхавъ по дорогѣ
 Въ Сабуль, остановился онъ
 Въ гостиницѣ, чтобъ на ногахъ тамъ
 Дождаться брата
 Съ дружинами Сабулистана.

X.

Изъ глазъ Рустема потерявъ,
 Вельможи—безъ него, какъ стадо
 Безъ пастуха, оставшіеся—обратились
 Къ Гудерсу и ему сказали:
 Теперь лишь ты одинъ, Гудерсъ,
 Помочь въ бѣдѣ великой можешь;
 Твои совѣты любить шахъ;
 Пойди къ нему и въ волны
 Его погубительнаго гнѣва
 Пролей твоихъ совѣтовъ
 Мирительное масло.
 А ты скажи за тестемъ, Гефъ;

И догони его, пока Сабула
 Онъ не достигъ. И Гефъ пустился въ путь.
 Гудерсъ пошелъ къ царю.
 Его увидѣлъ онъ, уединенно
 Сидящаго на тронѣ;
 Онъ былъ угрюмъ, но тихъ; онъ былъ
 Подобенъ тучѣ громовой,
 Готовой, отблеставъ и отгремѣвъ,
 Дождемъ свѣжительномъ пролиться.
 И такъ ему дерзнулъ сказать Гудерсъ:
 Могучій повелитель,
 Царь голова, а царство тѣло;
 Но въ головѣ для тѣла долженъ быть
 Совѣтникомъ разсудокъ; у кого же
 Совѣтникъ свой молчитъ,
 Тотъ слушайся чужаго,
 И не стыдись исправить зло,
 Послѣднее сдѣланное въ гнѣвѣ;
 Изъ устъ неосторожно бросилъ
 Ты оскорбительное слово—
 Пошли за нимъ мирительное велѣдъ;
 Обиду ты нанесъ строптивой рѣчью
 Тому, кого шадить велитъ разсудокъ—
 И ею былъ не онъ одинъ обиженъ:
 Ты пристыдилъ насъ всѣхъ его стыдомъ;
 Рустема въ петлю! А Рустемъ
 Тебя на тронъ отцовскій посадилъ.
 И онъ же трона
 Твердѣйшая опора;
 Чтожъ будетъ намъ, когда Рустема въ петлю?
 И что же съ царствомъ будетъ безъ Рустема?
 Теперь изломанъ мечъ Ирана,
 Исохла мужества рука.
 Плотины нѣтъ на вражьи наводненья.
 Всѣ наши витязи извѣстны Геадехему—
 А что намъ пишетъ Геадехемъ?
 «Что ни одинъ изъ насъ противъ Зораба
 «Не устоитъ, что на него
 «Одна гроза—Рустемъ». Но гдѣ же
 Теперь Рустемъ? За промедленье
 Двухъ дней тобой онъ изгналъ навсегда.
 Меня къ тебѣ твои вельможи
 И съ ними сынъ твой Фераборъ
 Прислали умолять, чтобъ ты
 Благоволилъ съ Рустемомъ примириться.
 Никто, ни Фераборъ твой сынъ—
 Сколь онъ ни силенъ, ни отваженъ—
 Ни бойрѣй твой воспачальникъ Тусъ,
 Ни я съ осемидесятью сыновьями

Тебя не защитимъ. Одинъ Рустемъ
 Твоя надежная защита.
 Сказавши такъ, Гудерсъ умолкнулъ.

XI.

И къ сердцу принялъ Кейкавусъ
 Отъ сердца сказанное слово;
 Онъ отвѣчалъ: пословица святую
 Намъ правду говоритъ, что стариковъ
 Совѣта полныя уста
 Вѣрнѣйшіе хранители царей.
 Я самъ теперь раскаиваюсь горько,
 Что оскорбительное слово
 Въ кипѣныи гнѣва произнесъ.
 Ступайте жъ все къ Рустему, и зовите
 Его обратно въ Истахаръ
 На миръ и доброе согласье
 Съ своимъ царемъ. — Хвала царю! вос-
 Гудерсъ. И возвратиться [кликнулъ
 Онъ послѣдшій къ вельможамъ, ожидав-
 Его съ великимъ нетерпѣньемъ. [шимъ
 Царевъ сердце ненадежно
 (Такъ разсуждали межъ собою
 Они въ невѣдѣнны, смирился ль шахъ или
 Одно и то же слово можетъ [нѣтъ);
 Въ немъ гнѣвъ и милость возбудить.
 Подобно маслу наше слово;
 Царевъ жъ сердце то огонь,
 То море бурное—огню
 Даетъ двойную силу масло,
 А море бурное оно поконитъ.
 Такъ царскіе вельможи говорили;
 Но мрачныя печалью лица ихъ
 Вдругъ стали радостію свѣтлы,
 Когда принесъ имъ вѣсть благоую
 Гудерсъ. Теперь Иранъ снасенъ!
 Они воскликнули. Поѣдемъ
 Скорѣй все вмѣстѣ за Рустемомъ;
 Его догнать намъ должно прежде,
 Чѣмъ онъ достигнетъ до Сабула.

XII.

И все они отправилися въ путь;
 И ѣхали весь день, всю ночь;
 И той гостиницы достигли,
 Гдѣ выбралъ свой ночлегъ Рустемъ,
 Гдѣ Гефъ его нагналъ, и гдѣ
 Онъ на покоѣ ждалъ Зевара
 Съ дружинами Сабулестана,

Рѣшась упорно, вопреки
 Вестьмъ убѣдленьямъ Гефа,
 Не возвращаться въ Метакарь.
 Но вмѣсто брата, онъ увидѣлъ
 Передъ собой вельможъ Ирана.
 Они къ нему смиренно подошл;
 Почтительно отвѣтали, чтобъ ихъ принять.
 И выступя впередъ, сказали ему Гудерсъ:
 Руземъ, мы приехали отъ шаха,
 Тебя просить, Ирана пехлеванъ,
 Чтобъ ты съ нимъ примирился.
 О томъ же просимъ мы
 И именемъ всего Ирана, просимъ
 За нашихъ юношей; въ бою
 Себя еще не испытывшихъ;
 За нашихъ опытныхъ мужей,
 Съ тобой ходившихъ на врага
 За славою, побѣдой и добычей;
 За нашихъ хилыхъ стариковъ;
 За нашихъ женъ, дѣтей и внучатъ;
 За весь народъ, за весь Иранъ;
 Ты ихъ твердыня, ихъ надежда;
 Не отдавай же царства въ жертву
 Свирѣному Турану за одно
 Тебя обидѣвшее слово.
 Ты вѣдаешь, какъ опрометчивъ,
 Какъ безразсудно гибнень шахъ:
 На слово снъ ругательное скорь,
 Но такъ же скорь и на признание
 Своей вины; съ раскаяніемъ онъ
 Свою тебѣ протягиваетъ руку;
 Не отвергай ся, Руземъ.
 Тебя ужалившее слово
 Не ядомъ напоенный мечъ,
 А легкій звукъ—забудь, Руземъ,
 О легкой, не смертельной ранѣ,
 И возвратися въ Метакарь,
 Гдѣ ждеть тебя нетерпѣливо
 Съ удвоеннымъ благоволеніемъ шахъ.

XIII.

Руземъ отвѣтствовалъ утровою:
 Скажите шаху Кейканусу,
 Что мнѣ ни вѣсталицъ его,
 Ни царскихъ милостей не нужно.
 Въ Сабуль я ѣду; тамъ я царь,
 Такой же царь, какъ онъ въ Иранѣ.
 Мнѣ надошло воевать;
 Довольно я игралъ

Своею жизнью и чужою
 На службѣ шаха—онъ меня
 И наградилъ по милости своей.
 Спасибо. Мы съ нимъ кончили расчетъ.
 Къ тому же въ этотъ разъ мнѣ было
 Невесело съ Сабуломъ разставаться;
 Мой Громъ на самомъ рубежѣ
 Ирана спотыкнулся; я впервые
 Почувствовалъ, что шлемъ и панцырь
 Мнѣ тяжелы—когда жъ обратно
 Поѣхалъ я, мой конь запрыгалъ
 И радостно заржалъ. Простите жъ, добрый
 Вамъ путь, но я вамъ не попутчикъ. —
 Руземъ, сказалъ Гудерсъ, не можетъ быть,
 Чтобъ это былъ послѣдній твой отвѣтъ.
 Тебя твой царь обидѣлъ, правда;
 Но руку онъ на примиренье самъ,
 Признавъ себя виновнымъ, подаетъ —
 Чего жъ еще желаешь болѣ?
 И что подумаетъ Иранъ,
 Такой отвѣтъ услышавъ?
 Не скажутъ ли: Руземъ,
 Состарѣвшійся левъ, бѣжитъ
 Отъ львенка молодого;
 Руземъ Зораба испугался;
 Орелъ нашъ крылья опустилъ;
 Не смѣетъ онъ летѣть на высоту:
 Тамъ носится другой орелъ,
 Его моложе и отважнѣй;
 Вотъ отъ чего ему такъ было
 Невесело съ Сабуломъ разставаться;
 Вотъ отъ чего и Громъ на рубежѣ
 Ирана спотыкнулся, и впервые
 Рузему шлемъ и панцырь стали
 Такъ тяжелы. Потерпишь ли, Руземъ,
 Чтобъ про тебя молва такая
 Вдругъ по всему Ирану разнеслася,
 И чтобъ она постыднымъ о тебѣ
 Преданіемъ перешла къ потомкамъ?—
 Руземъ, сверкнувъ глазами тигра,
 Воскликнулъ: Гефъ, подай мнѣ Грома.
 И, слова не сказавъ Гудерсу,
 Онъ на кнуцатаго коня
 Вскочилъ и носкакалъ путемъ обратнымъ;
 И все за нимъ во сабдъ
 Толпою шумною помчался.

XIV.

Съ Руземомъ примирившись,

На пиръ веселый Кейкавусъ
 Сзвалъ своихъ вельможъ. И длился
 Ихъ пиръ до самой поздней ночи.
 А той порой, когда въ царевыхъ
 Палатахъ праздновали гости,
 Веселая Молва
 По городу гуляла,
 Во всё входила домы,
 Неснящимъ улыбалась,
 Заснувшихъ пробуждала,
 Разглаживала всёмъ
 Приятной вѣстью лица.
 Вдругъ ей попала кто-то
 На ветрѣчу, столь же грустный
 И мрачный, сколь она
 Была въ своемъ полетѣ
 Свѣтла и весела.
 И, громко засмѣявшись,
 Летунья у него
 Спросила: кто ты, плакса?
 Меня, онъ отвѣчалъ ей,
 Зовуть Печальнымъ Слухомъ;
 Я по всему разнесъ Ирану,
 Что шахъ поссорился съ Рустемомъ,
 И что Рустемъ оставилъ Истахаръ;
 И всёхъ мои тревожатъ вѣсти.
 Зажми же ротъ, сказала
 Веселая Молва;
 Съ Рустемомъ примирился
 Твой гнѣвный Кейкавусъ;
 Они теперь пируютъ
 И сору запиваютъ
 Виномъ благоуханнымъ.
 Нечальный Слухъ съ сомнѣнемъ покачалъ
 Своей косматою головою;
 За это рассердилась
 Веселая Молва,
 И началась драка.
 Нечальный Слухъ былъ неуклобъ,
 Веселая Молва
 Была легка, проворна;
 И мигомъ былъ Нечальный Слухъ,
 Прибитый, изъ города выгнанъ;
 И снова начала она
 По улицамъ летать,
 И гдѣ ни пролетала,
 Воздушную летунью
 Старикъ и молодой,
 Здоровый и недужный,

И бѣдный и богатый,
 Ласкали, миловали;
 Кому жъ на сонъ грядущій
 Услышать удавалось
 Ея живое слово,
 Тотъ сладко засыпалъ,
 Обвѣянный толпою
 Веселыхъ сновидѣній.

XV.

Когда на слѣдующій день
 Явилось солнцу, и, раздернувъ
 Востока занавѣсъ пурпурный,
 Среди лазореваго неба
 Свое воздвигло золотое
 Всесообщающее знамя,
 Когда на пажитяхъ земли
 Подъ пѣсню жаворонковъ звонкихъ
 Стада пространно занумѣли —
 Труба военная столицу огласила,
 И весь народъ на площадь Истахара
 Шумящею толпою побѣжалъ:
 Тамъ, раздѣлясь на дружины,
 Шло войско мимо Кейкавуса;
 И передъ каждою дружиной
 Былъ вождь ея; а позади
 Всей рати, отдѣлясь отъ прочихъ,
 Великій царства пехлеванъ,
 На грозномъ Громѣ ѣхалъ
 Рустемъ одинъ. Не велъ дружины онъ;
 Но въ пемь одномъ была душа
 Всего безчисленнаго войска.
 Его сабульскою дружиной
 Военачальствовалъ Зеваръ;
 А главнымъ воеводой рати
 Былъ Тусъ, испытанный боями.
 Когда же царь все войско осмотрѣлъ —
 Знамена заиграли,
 Тимпаны загремѣли,
 Задрезжали трубы,
 Заржали грозно кони,
 Пошли впередъ дружины.
 И, разлившись широкимъ наводненьемъ,
 Шло войско къ рубежамъ Ирана;
 Подъ нимъ земля стонала и тряслася;
 Отъ тона конскаго дрожали горы;
 Отъ кликовъ тучи расшибались;
 Сотысячию ликъ солнца отражался
 На панцыряхъ, на конскихъ збруяхъ;

Какъ на пригоркахъ въ бурю
 Волнуются вершины сосенъ,
 Такъ волновались перья и султаны
 На пиннакахъ и на турбанахъ;
 И тамъ земля, какъ нестрѣй зугъ, сіяла,
 Гдѣ войско шло; но гдѣ оно прошло,
 Тамъ все явилось голой стѣною,
 Тамъ были все ключи иссушены
 И въ пыль растоптаны все пивы.
 И скоро войско на границѣ
 Ирана станъ свой утвердило
 Въ виду горы, на высотѣ которой,
 Окрестности владыка, Бѣлый Замокъ
 Стоялъ, какъ туча громовая,
 И въ глубинѣ той тучи громовой
 Таился молвія Зораба.

книга пятая.

ПИРЬ ВЪ БѢЛОМЪ ЗАМКѢ.

I.

Зорабъ обрадованъ былъ вѣстью
 О приближеніи къ замку персовъ;
 Ему наскучило давно
 Сидѣть безъ дѣла за стѣнами
 И ждать прибытія гостей...
 Вотъ наконецъ пожаловали гости.
 И было все готово къ ихъ приему:
 И замокъ, слова укрѣпленный,
 И рать, и мужество Зораба.
 И вмѣстѣ съ Баруманомъ
 Зорабъ, взошедъ на башню,
 Окликнулъ, какъ орелъ,
 Очами всю окрестность—
 Очамъ его открылось
 Идущее вдали,
 Дружина за дружиной,
 Безчисленное войско.
 Какъ смѣлый радуется ястребъ,
 Увидя стадо голубей,
 Въ которомъ онъ любаго
 Изъ множества въ добычу выбрать можетъ,
 Такъ храбраго Зораба
 Обрадовала слеза
 Идущаго противъ него врага.
 Но Баруманъ отъ страха поблѣднѣлъ;
 И, страхъ его замѣтя,
 Зорабъ сказалъ съ улыбкой:
 Не бойся, наведи
 На щеки прежній ихъ румянецъ.

Смотри, какой огромный рядъ дружинъ!
 Какъ онъ оружіемъ сверкаетъ!
 Какъ много ихъ сюда пришло,
 Чтобъ здѣсь мнѣ дать побѣды славу!
 И слава та навѣкъ моею будетъ!
 Но если бѣ я и гибель встрѣтилъ
 Въ борьбѣ съ такой великой силой—
 Все будетъ мнѣ хвалою отъ людей,
 Что я дерзнулъ надѣяться побѣды.
 Противъ утеса одного
 Ихъ море цѣлое стеклося;
 При имени моемъ затрепеталъ
 Въ своей столицѣ Кейкавусъ;
 Все витязи Ирана,
 Которыхъ мужество и силу
 Повсюду славятъ въ громкихъ пѣсняхъ,
 Сошлись здѣсь противъ Зораба.
 Скажи, о Баруманъ,
 Не видишь ли въ толпѣ
 Тамъ витязя такого,
 Съ которымъ было бѣ славно
 И радостно сразиться,
 Который лишь на сильныхъ
 И славныхъ подымаетъ
 Прославленный свой мечъ,
 Которому въ бою не уступить
 Великой честию озарило бѣ
 Мои молодые годы?
 Скажи, о Баруманъ,
 Не видишь ли въ толпѣ
 Тамъ витязя такого?
 Такъ спрашивалъ Зорабъ;
 Но онъ не смѣлъ
 По имени того назвать,
 Отъ чьей руки такъ скоро
 Ему судьба назначила погибнуть.

II.

И Баруманъ отвѣтствовалъ Зорабу:
 Тамъ много витязей, съ которыми сразиться
 Тебѣ великой было бѣ славою;
 Но знать хочу, о комъ ты мыслишь самъ?
 О! благородно пламенѣть,
 Какъ факелъ, ночи озаритель,
 Твоей души отважность молодая!
 Но берегись, чтобъ не упалъ
 Твой факелъ въ воду—въ хладной влагѣ.
 Онъ заклокочетъ, зашпичитъ,
 И задимится, вдругъ погаснетъ;

Не вѣдай страха, но врага
 Не презирай: непостоянно счастье;
 За нимъ твой конь летить, какъ на
 крылахъ,
 Но мигъ одинъ—во рву и конь и всад-
 никъ.

Былъ миръ, война спала—
 Ее теперь ты разбудилъ;
 Но знаешь ли, какую схватить
 Она добычу жадными когтями?
 Не удивляйся жъ, примащая,
 Что я дрожу—не за себя дрожу я,
 Дрожу за всѣхъ, чей будетъ вынуть жребій,
 И за тебя—судьбина прихотлива,
 Она всегда бросается на лучшихъ.
 Иди же въ бой, Зорабъ,
 Не опрометчивымъ ребенкомъ,
 А твердо-осторожнымъ мужемъ.
 Благодаря Афразиаба,
 Что сильною тебя снабдилъ онъ ратью;
 Стой съ нею здѣсь, прикрытый крѣп-
 кимъ замкомъ,

Упершися въ него ея крыломъ—
 И врагъ тебя не одолѣетъ; если жъ
 Захочешь славы—пусть тобой
 На поединокъ вызванъ будетъ
 Тотъ витязь, кѣмъ стоить Иранъ,
 И кто, сраженный, увлечетъ
 Въ свое паденіе всю силу
 И все величіе Ирана.
 Такъ говорилъ Зорабу,
 Мѣшая медь совѣта
 Съ отравою измѣны,
 Коварный Варуманъ;
 Но не посмѣлъ и онъ назвать
 По имени Рустема; онъ блѣднѣлъ
 При этомъ имени—пѣмъна,
 Какъ тайная змѣя,
 Его сосала сердце.
 Безъ подозрѣнья, безъ тревоги,
 Полюбовавшіеся на блестящій
 Равнину всю покрывшій ставъ,
 Зорабъ пошелъ съ подозрѣній башни,
 И миръ велѣлъ роскошный приготовить,
 Чтобъ весело, при звукѣ флейтъ и арфъ,
 При звонѣ кубковъ, при шипѣнн
 Злато-пурпурнаго вина,
 Отпраздновать съ друзьями
 Враговъ желанное явленіе.

III.

Тѣмъ временемъ въ широкой ставъ
 Иранское сдвигалось войско;
 Сперва казалось, что коньямъ,
 Слонамъ, верблюдамъ будетъ тѣсно
 Все безпредѣльное пространство;
 Но наконецъ—когда разросся
 Огромный лѣсъ шатровъ и протянулись
 Рядами улицы и на широкихъ
 Межъ ними площадяхъ—
 Живая разлилась торговля—
 Въ спокойное пришелъ устройство
 Кипѣвшій бурно безпорядокъ.
 Когда жъ на западное небо
 Склонилось солнце и зашло
 За край земли—утихло все,
 И каждый ратникъ подъ своимъ
 Заснулъ шатромъ и въ высотѣ
 Одинъ раскинулся надъ всѣми
 Шатеръ небесъ, звѣздами ночи
 Усыпанный необозримо.
 И въ этотъ часъ, пришедши къ шаху,
 Ему сказалъ Рустемъ:
 Я не могу безъ дѣла оставаться;
 Хочу идти къ Зорабу въ гости;
 Хочу увидѣть, кто навелъ
 На васъ такой незаный ужасъ;
 Хочу взглянуть въ лицо богатыря,
 Передъ которымъ весь Иранъ
 Такъ задрожалъ; хочу своимъ
 Глазами видѣть, стоило ль труда
 Съдлатъ мнѣ Грома, надѣвать
 Свой старый шлемъ, и будетъ ли какаѣ
 Мнѣ честь его убить моею рукою.
 Туралъ я часто посѣщаль;
 Я знаю ихъ языкъ и ихъ обычай:
 Турецкое надѣвши платье,
 Прокрасться я намѣренъ въ Бѣлый Замокъ,
 И все тамъ осмотрѣть. Я у тебя,
 Державный шахъ, пришелъ просить
 На то соизволенья. Кейкавусъ
 Съ улыбочкой отвѣчалъ: Рустемъ,
 Ты и въ турецкомъ платьѣ будешь
 Красой и славою Ирана.
 Рука всей рати въ день сраженья,
 Ты хочешь быть и зорисмъ окомъ
 Ея во тѣмъ почной. Иди,
 И будь тебѣ проводникомъ Всевышній.

IV.

Одѣвшись туркомъ, осторожно
 Отправился въ свой путь Рустемъ.
 Хотя въ шатръ онъ все свои досѣлхи,
 Свой панцырь, шлемъ и даже мечъ по-
 Но безоруженъ не остался: [кинулъ—
 Его рука была, какъ булава
 Желѣзная, крѣпкая. Во мракѣ почп
 Онъ къ Вѣлому подходитъ Замку—
 Тамъ были слышны крики пированья;
 И близъ воротъ незатворенныхъ
 На стражѣ не стоялъ никто. Какъ левъ
 Въ тогъ часъ, когда, забывъ [голодный,
 Заграду затворить, безопасно настухи
 Шумягъ на праздникъ почномъ,
 Врывается въ средину стада,
 И изъ него сильнѣйшаго быка
 Уноситъ—ревъ услыша, настухи
 Бѣгутъ за хищникомъ; но онъ
 Съ добычею, погони не страшая,
 Медлительно идетъ въ свой страшный логъ,
 А настухи назадъ приходитъ въ горѣ,
 И во все ихъ ночной разстроенъ праздникъ—
 Такъ въ замокъ грозный левъ Рустемъ
 Прокрадея ширъ разстронть турковъ.
 Тамъ дворъ широкій весь былъ озаренъ,
 Огнями; онъ шумѣлъ
 Отъ говора пирующихъ, отъ звона
 Виномъ кипящихъ чашъ,
 Отъ пѣнья, отъ бряканья струнъ,
 Отъ бѣшено-веселой пляски:
 Враговъ явленье праздновалъ Зорабъ,
 И все съ нимъ праздновало войско.
 И, притаяя въ темномъ
 Угау, на все смотрѣлъ
 И видѣлъ все изъ темноты
 Никѣмъ не видимый Рустемъ.

V.

На пиществѣ безпечно
 При факелахъ зажженныхъ
 Зорабъ сидѣлъ съ гостями;
 На немъ не шлемъ желѣзный,
 А праздничный изъ свѣжихъ
 Цвѣтовъ сѣялъ вѣнокъ,
 И онъ, самъ яркій блескъ,
 Былъ яркимъ окруженъ
 Блесташемъ, былъ прекрасенъ,

Какъ цвѣтъ благоуханный
 Надежды, и въ его
 Груды кипѣла младость;
 И голову младую
 Онъ бодро подымалъ
 И, обѣгая окомъ
 Воспламененнымъ праздникъ,
 Съ весельемъ горделивымъ
 Считалъ съ нимъ пировавшихъ
 Сподвижниковъ. И, вида
 Его передъ собою
 Прекраснаго такъ чудно,
 Они позабывали
 Вино, и клики ихъ
 До неба возносили
 Его хвалу и славу.
 А той порой изъ неба
 Съ благоволеньемъ звѣзды
 Смотрѣли на него,
 И на небѣ о немъ,
 Земной звѣздѣ прекрасной,
 Назначенной такъ скоро
 Въ своей краѣ угаснуть,
 Печалплися звѣзды.
 Тогда одна изъ нихъ
 Своимъ сестрамъ небеснымъ
 Печальная сказала:
 Какъ жаль, что этотъ цвѣтъ
 Такъ скоро, скоро долженъ
 Увянуть! На землѣ
 Прекраснаго явилось
 Намъ много... и очей мы
 Отвести не умѣвали,
 Какъ ужъ съ земли оно
 Скрывалось—но доселѣ
 Еще намъ не случилось
 Тамъ видѣть ничего
 Прекраснѣй и мгновениѣй
 Той прелести, какая
 Такъ сладко въ этотъ мигъ
 Собою насъ утѣшастъ,
 И такъ своею быстрой
 Копчиною печалить.
 О какъ онъ милъ! Какъ весель!
 Поплсѣмъ въ сѣянья нашихъ
 Очей, имъ веселимыхъ,
 Видѣніе туда,
 Гдѣ мать о немъ тоскуеть,
 Куда уже къ ней онъ

Не возвратится вѣчно;
 Пускай его она
 Хоть разъ еще увидить
 Живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ
 Отваги и надежды...
 Его, быть можетъ, завтра
 Придетъ схватить судьбина.

VI.

Такъ говорили звѣзды неба
 О милой праздника звѣздѣ.
 И вотъ онѣ паровъ и блеска —
 Въ прострaнствѣ воздуха разлитыхъ
 Межъ небомъ и землею — взяли
 И свили сонъ...
 И этотъ сонъ подобенъ
 Былъ разноцвѣтному коврау,
 Блестящему шелкама,
 Какой женихъ издалека
 Невѣстѣ милой посылаетъ;
 На немъ она въ землѣ своей
 Все видить, что въ землѣ далекой
 Ея возлюбленнаго очи
 Встрѣчаютъ: горы снѣговья,
 И многоводные потоки,
 И чудныхъ птицъ на неизвѣстныхъ
 Деревьяхъ. И когда
 На тотъ коверъ невѣста
 Глядитъ — ей мнится, что сама
 Она съ нимъ странствуетъ, что близъ нея
 Онъ, возвратясь, отдыхаетъ.
 Такую тгaнь видѣиий
 Изъ блеска и паровъ
 Соткали звѣзды въ высотѣ;
 И дали воздуху онѣ
 Ее нести и съ нею тихо
 Летѣть въ Туранъ,
 Чтoбъ снящей матери лицо
 Она неслышимо покрыла;
 И воздухъ полетѣлъ;
 И матери привидѣлся прекрасный,
 Какъ утро свѣтлый, сонъ;
 И въ этомъ снѣ увидѣла она
 Сидящаго на прѣшествѣ почномъ
 За полнымъ кубкомъ сына;
 Его горѣли щеки,
 Его уста цвѣли,
 Его сверкали очи,
 Онъ полонъ былъ отваги;

И таяло отъ радости въ ней сердце.
 Казалось ей, что онъ,
 Въ немногіе разлуки дни,
 Изъ отрока созрѣлъ
 Могущественнымъ мужемъ;
 И вокругъ него, казалось, много
 Знакомыхъ ей и незнакомыхъ
 Сидѣло витязей. Но въ сторонѣ,
 Она увидѣла, стоялъ Рустемъ
 Одинъ; и, притаясь, изъ темноты
 Смотрѣлъ на праздникъ онъ сурово;
 Ей стало чудно и прискорбно,
 Что къ сыну выйти не хотѣлъ
 Отецъ на свѣтъ; по горе скоро
 Провѣяло, какъ легкій воздухъ;
 Ей стало весело, что къ сыну
 Отецъ такъ близко, и что онъ,
 Свою узнавъ повязку,
 Изъ мрака выйдетъ и ему
 Съ любовію протянетъ руку.

VII.

Тѣмъ временемъ, какъ матери душа
 Была такимъ прекраснымъ сновидѣніемъ
 Лелѣма, Зорабъ
 Съ гостями праздновалъ безпечно;
 И пили все кипучее вино.
 И два изъ нихъ сидѣли рядомъ,
 Одинъ по правую, другой
 По лѣвую съ нимъ руку:
 Былъ слѣва Баруманъ,
 Къ нему не изъ любви, не для храненія
 Преправленный Афразіабомъ;
 А справа Синдъ; его
 Послала въ слѣдъ за сыномъ мать,
 Чтoбъ, съ глазъ Зораба не спускала,
 Онъ былъ ему въ чужой землѣ
 Хранителемъ и вѣрнымъ другомъ.
 Онъ былъ изъ рода семепгамскихъ
 Царей, былъ крѣпокъ силой, ростомъ
 Высокъ; былъ чутокъ слухомъ,
 И такъ очами зорокъ,
 Что ночью видѣть могъ, какъ днемъ;
 И это побудило мать
 Ему надзоръ за сыномъ вѣрить,
 Дабы, когда имъ встрѣтятся Рустемъ,
 Онъ могъ немедля
 Его Зорабу указать;
 (Остался въ памяти у Синда

Черты Рустема съ той поры,
 Когда царемъ онъ въ Семенгамѣ
 Былъ такъ роскошно угощенъ,
 И бракомъ сочетался
 Съ царевною Теминой).
 И Синдъ на праздникъ Зораба
 Сидѣлъ, вино изъ кубка пилъ,
 И молча думалъ: завтра
 Ему я укажу Рустема.

VIII.

Но рысьими глазами Синдъ
 Увидѣлъ вдругъ, что кто-то въ темнотѣ
 Стоялъ и прятался. Онъ всталъ,
 И къ мѣсту темному пошелъ
 Послѣднимъ шагомъ, чтобъ своими
 Его глазами осмотрѣть.
 Онъ тамъ увидѣлъ великана,
 Огромнаго, какъ слонъ;
 Не помнилось ему, чтобъ кто подобный
 Его глазамъ когда встрѣчался;
 Такимъ онъ видѣлъ одного Рустема;
 Но этотъ былъ въ турецкомъ платьѣ,
 Хотя и замѣчалъ
 Въ немъ Синдъ какъ будто что чужое.
 Кто ты? воскликнулъ Синдъ; зачѣмъ
 Здѣсь спрятался и выступи на свѣтъ
 Не хочешь? Покажи свое лицо
 И дай отвѣтъ. Но не далъ
 Ему Рустемъ отвѣта.
 Тогда могучею рукою
 Его за платье Синдъ схватилъ,
 Чобъ вытянуть на свѣтъ изъ темноты;
 Но булаву руки тяжелой
 Рустемъ взмахнулъ,
 И грянулъ Синда кулакомъ
 По головѣ—и Синдъ упалъ,
 Не крикнувъ, мертвый. Той порой,
 Зорабъ, примѣтивъ, что ушедшій
 Не возвращался долго Синдъ,
 Послалъ провѣдать, гдѣ онъ?
 И посланный, его увидя
 Бездыханно лежащаго, обратно,
 Какъ изступленный, приближалъ,
 Крича: убили Синда! Синдъ
 Убить! Затрелставъ, Зорабъ
 Вскочилъ; вскочили съ нимъ всѣ гости,
 И съ факелами побѣжали
 Толпою къ мѣсту роковому.

Тамъ на землѣ недвижимъ Синдъ лежалъ;
 Онъ былъ убитъ—по кѣмъ?
 Никто того не вѣдалъ.

IX.

О горе! возопилъ Зорабъ,
 Въ заграду волкъ ворвался
 И лучшаго зарѣзалъ въ стадѣ
 Овна; а настухи
 Съ собаками дремали.
 Скорѣе всѣ въ погоню за убійцей!..
 Но некого ужъ было догонять,
 Исчезъ ночной убійца. Возвратись,
 Зорабъ печально сѣлъ за столъ;
 Кругомъ его печально сѣли гости;
 И онъ сказалъ: не радуешь меня
 Теперь мое на этомъ пирѣ мѣсто;
 Направо отъ меня мопмъ
 Ближайшимъ другомъ занятое
 Вдругъ стало пусто. Былъ мнѣ данъ
 Онъ милой матерью моею:
 И могъ одинъ въ Иранѣ указать мнѣ
 Рустема; онъ одинъ изъ насъ
 Его видалъ. Кто мнѣ теперь
 Его укажетъ?—То услыша, покраснѣлъ
 Сидѣвшій слѣва—покраснѣлъ
 Предатель Баруманъ,
 Не изъ любви, не для храненья
 Приставленный къ нему Афразіабомъ;
 Какъ Синдъ, Зорабу
 Онъ могъ бы указать Рустема;
 Но было то ему запрещено,
 И рабски онъ служилъ измѣнѣ.
 Зорабъ, поднимая высоко
 Виною наполненную чашу,
 Воскликнулъ: пью послѣдній кубокъ пра;
 Онъ не виною, а клятвою кровавой
 Наполнивъ, клятвою отмстить
 Убійцѣ Синда. Кто бъ онъ ни былъ, я
 Его найду, и будетъ отъ меня
 Ему убійство за убійство.
 Когда жъ моей я клятвы не исполню
 Пускай въ отраву обратится
 И въ жилахъ кровь мою сожжетъ
 Вино въ послѣдней этой чашѣ,
 Мной осушаемой до дна.
 Съ такою клятвой мнѣнья
 (Противъ кого? о томъ не вѣдалъ онъ)
 Зорабъ вино изъ кубка выпилъ,

И въ дребезги расшибъ, ударивъ оземь,
 кубоюъ.
 Потомъ все гости встали съ мѣтеъ,
 Чтобъ Сида въ землю опустить;
 И свѣтлый пиръ сталъ мрачнымъ погре-
 бенемъ.

X.

Тѣмъ временемъ Рустемъ достигнулъ стана
 Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ на стражѣ Гефъ.
 При видѣ турка, Гефъ его окликнулъ,
 И вся его дружина стала въ строй;
 Рустемъ, узавъ по клику зятя,
 Ему знакомый подалъ голосъ;
 И Гефъ, его впусивъ въ заграду стана.
 Спросилъ съ великимъ изумленьемъ:
 Гдѣ былъ ты, старый богатырь?
 Зачѣмъ одинъ въ такую пору бродишь?
 Съ духами ль темными почую
 Весѣду ты завелъ? въ союзъ ли съ ними
 Вступилъ, чтобъ чародѣйствомъ
 Себѣ придать передъ сраженьемъ силы?
 Мы знаемъ, съ демонами тмы
 Давно ты водишься; и вѣрно
 Отъ нихъ ты занялъ черное искусство
 Быть невредимымъ, что теперь
 Такъ беззаботно, безоружный,
 Одишь, переодѣтый туркомъ, ходишь
 Почной порой между шатровъ Прана.
 Рустемъ сказалъ: не въ этомъ дѣло;
 Я былъ въ гостяхъ, я навѣстилъ Зораба;
 Издалека его увидѣлъ я,
 И буду радъ, когда вблизи увижу.
 Но мнѣ лазутчику другой лазутчикъ
 Нежданый помѣшалъ; насильно
 Меня хотѣлъ онъ вытащить на свѣтъ;
 Я въ темнотѣ ударомъ кулака
 Его убилъ—себѣ иначе
 Помочь не могъ я—но о немъ
 Непостижимо грустно мнѣ, и я готовъ
 Почти заплакать. Гефъ, найди скорѣе
 Перидекій для меня уборъ;
 Замаранное кровью это платье
 Несносно мнѣ; да и собаки здѣсь
 Со всехъ сторонъ сбѣгутъ съ лаемъ
 На турка, вернутъ шатровъ перидекихъ
 Ходящаго почнымъ дозоромъ.
 Вздохнувъ глубоко, снялъ съ себя
 Рустемъ турецкую одежду.

Какой-то жалобный въ немъ голосъ
 Противъ почпаго дѣла вопиалъ;
 Невольно онъ жалѣлъ о Сидѣ;
 Какъ будто чувствовалъ, что въ немъ убилъ
 Свое спасенье отъ чего-то,
 Непзбѣжимаго теперь.

И не пошелъ онъ къ шаху съ донесеньемъ;
 Къ себѣ въ шатеръ онъ возвратился,
 И легъ, и тяжело спалъ всю ночь.

книга шестая.

ЗОРАБЪ И ХЕДЖИРЪ.

I.

Когда взошла заря на небо,
 Зорабъ взошелъ на башню замка;
 Съ ея площадки могъ онъ весь
 Иранскій станъ, какъ на ладони, видѣть.
 И онъ велѣлъ позвать Хеджира.
 Онъ думалъ: Сида нѣтъ; Хеджиръ
 Рустема вѣрно знаетъ; мнѣ
 Его укажетъ онъ. Хеджиръ
 Окованный былъ приводець. Оковы
 Съ него своей рукою снявъ, Зорабъ
 Сказалъ: Хеджиръ, желѣза плѣна
 Я золотомъ свободы замѣню,
 Когда ты мнѣ по правдѣ дашь отвѣтъ
 На все, о чемъ тебя спрашивать я стану;
 Будь откровененъ; съ чистымъ,
 А не съ подмѣшальнымъ виномъ
 Подай теперь свою мнѣ чашу.—
 Я не солгу, отвѣтствовалъ Хеджиръ;
 Готовъ я на твои вопросы
 Все объявить, что самому
 Извѣстно мнѣ.—Богатые шатры
 Я въ станѣ вижу, продолжалъ Зорабъ;
 Какому витязю, скажи мнѣ, каждый
 Назъ тѣхъ шатровъ принадлежить?
 Когда о томъ поистинѣ мнѣ скажешь,
 Тебя осыплю золотомъ и честью;
 Когда же нѣтъ, не усидитъ
 Твоя на шеѣ голова.—
 Чего же медлишь? возразилъ
 Хеджиръ; спрашивай, я буду
 По правдѣ отвѣчать; лжецомъ
 Я не бываю, а смерти не страшуся.

II.

И началъ спрашивать Зорабъ:
 Тамъ въ серединѣ самой стана

И вижу золотой шатеръ;
И отъ него идутъ во все концы
Дороги; и по тѣмъ дорогамъ
Одни къ шатру медлительно подходятъ,
Какъ будто съ робкимъ ожиданьемъ.
Другіе весело отходятъ отъ шатра,
Какъ бы съ исполненной надеждой.
И весь онъ отъ подошвы
До маковки сіяетъ,
Какъ солнце, золотомъ; у входа
Лежатъ, какъ двѣ ручныя
Собаки, левъ и тигръ; а на вершинѣ
Сидитъ орелъ; и держитъ онъ
Въ когтяхъ распущенное знамя
Съ изображеньемъ солнца.
Такой шатеръ не видязо простому
Принадлежитъ; скажи мнѣ, чей онъ?—Гордо
Поднявши голову, сказалъ Хеджиръ:
Въ немъ шахъ Ирана обитаетъ.
Передъ его престоломъ день и ночь
Дружина вѣрная стоитъ
Тѣлохранителей. И никакой
Не страшнъ врагъ великому царю.—
Надъво, продолжалъ Зорабъ,
Разбитъ серебряный шатеръ;
Онъ къ золотому обращенъ
Своимъ открытымъ входомъ;
У входа барсъ и леопардъ;
А наверху я вижу грифа:
Широко вѣющее знамя
Съ изображеніемъ луны
Въ когтяхъ серебряныхъ онъ держитъ.—
Тамъ обитаетъ, отвѣчалъ
Хеджиръ, сынъ шаха Фераторъ, ближайшій
Къ престолу и къ цареву сердцу.—
На то Зорабъ сказалъ: имъ честь и слава!
Когда одна душа въ отцѣ и въ сынѣ,
Они всю землю завоюютъ.

III.

И продолжалъ разсиранивать Зорабъ:
Направо тамъ отъ золотого
Шатра стоитъ, я вижу, черный;
Онъ окруженъ безчисленною стражей;
И безпрестанно скачутъ
Къ нему и отъ него гонцы.
У входа слонъ, покрытый пышнымъ
Ковромъ, и на его спинѣ
Огромныя тимпаны войска;

А наверху шатра сіяетъ
Драконъ; въ его разпнутую часть
Водружено распущенное знамя;
Оно усыпано звѣздами,
И разстиается, какъ небо,
Широко вѣя, надъ шатрами.
Кому такая почесть?
Кто раздѣляетъ власть съ державнымъ
Его воспачальникъ Тусъ, [шахомъ?—
Отвѣтствовалъ Хеджиръ; онъ еродникъ
И право онъ имѣетъ родовое [шаха,
Въ сраженіи мѣсто заступать царя;
На зовъ его сошлось это войско,
Грознящее гибелью тебѣ.
А надъ шатромъ воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь.
Его воздвигъ великій Феридунъ,
Убивъ Согака, на плечахъ
Носившаго живыхъ, прирешенъ къ нимъ
Къ святой хоругви этой [драконовъ;
Приковала побѣда:
Она въ союзника отважность проливаетъ,
Влѣдѣетъ врагъ, ее увидя.—
Зорабъ при этомъ словъ улыбулся,
И продолжалъ: а этотъ пурпуровый
Шатеръ кому принадлежитъ?
И кто съдой, могучій воинъ,
Передъ его сидящій входомъ?
Толпою ратниковъ онъ окруженъ;
Одни изъ нихъ ужъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Другіе молоды, и все
Къ нему лицомъ обращены,
И передъ нимъ стоятъ благоговѣнно,
Какъ сыновья передъ отцомъ?—Изъ сердца
Хеджирова, какъ острый
Кинжалъ, въ немъ глубоко сидѣвшій,
Исторгся вздохъ, когда онъ отвѣчалъ
Зорабу: это старецъ
Гудеръ; онъ мудръ и кротокъ рѣчью,
Мечомъ прозвитель и крѣпокъ.
Онъ сильный царь въ своей семьѣ,
И можетъ царство защитить
Одинъ, собравъ своихъ домашнихъ;
Съ семидесятью девятью
Онъ сыновьями въ войско шаха
Пришелъ противъ тебя... а я
Осмидесятый; я меня
Въ строю ихъ нѣтъ.—Зачѣмъ дался ты
въ пѣнь?

Сказаль Зорабъ. Открой мнѣ правду,
И пынче жь будешь вмѣстѣ съ ними.

IV.

Но чей, скажи, зеленый тотъ шатеръ,
Который, какъ дремучимъ лѣсомъ
Покрытая гора, межъ невысокихъ
Холмовъ стоящая, надъ всѣми
Шатрами поднялся? И такъ же твердъ онъ,
Какъ та гора: на ней растущій лѣсъ
Дрожитъ, шатаемъ бурей,
Она жь не двинется, и шаткѣй лѣсъ
За корни, въ грудь ея вонзивніеся, держитъ.
Конечно, тотъ шатеръ великій
Сильнѣйшему въ праскомъ войсѣхъ
Принадлежитъ? Передъ шатромъ
Сидятъ, я вижу, воинъ; близъ него
Стоитъ, я вижу, конь;
Тотъ воинъ великанъ;
Тотъ конь чудовище; и воинъ
Сидитъ не на высокомъ мѣстѣ,
А всѣхъ, кругомъ стоящихъ,
Онъ перевысилъ головой;
Всѣ на него почтительно глядятъ;
А онъ глядитъ съ любовью на коня,
Товарица испытаннаго въ битвахъ;
Коньгомъ конь нетергививымъ
Разбрасываетъ землю, а когда
Къ нему протягиваетъ руку
Его могучій господинъ—
Онъ чутко уши подымаетъ
И фыркаетъ; когда же
Его вопиющую онъ треплетъ гриву—
Конь бѣсится, кругомъ
Стояціе приходятъ въ ужасъ,
А господину весело и любо.
Къ его бедру привѣшенъ мечъ,
Прислонена къ его колѣну
Дубина; ихъ никто другой не сможетъ
Поднять; когда дубиной онъ
Надъ головою конской машетъ,
Нлъ изъ пожегъ до половины
Выхватываетъ мечъ—
Конь прыгаетъ, слышиша свистъ дубины,
И громко ржетъ, увидя блескъ меча.
Мнѣ никогда такой сѣдокъ,
Мнѣ никогда подобный конь
Не попадался—копъ, который
Однимъ такимъ лишь сѣдокомъ

Обузданъ можетъ быть; сѣдокъ,
Котораго такому лишь коню
Поднять и вынести можно. Вѣрно
О сѣдокъ и о конѣ
И старъ и малъ въ Иранѣ знаютъ.
Скажи, Хеджиръ, ихъ имена.
Онъ замолчалъ, какъ будто убѣжденный,
Что эти имена: Руستمъ и Громъ;
Но онъ услышать ихъ
Хотѣлъ изъ устъ Хеджира.

V.

Хеджиръ задумался; ему пришло на память,
Что, съ нимъ вступающаго въ бой, Зорабъ
Своимъ отцомъ назвалъ Руستمъ;
И про себя Хеджиръ подумалъ:
Когда тебѣ Руستمъ отецъ,
Не мною съ нимъ ты будешь познакомлепъ;
Его узнавъ, съ нимъ въ бой ты не пойдешь;
Тебя узнавъ, не бузаву
Желѣзную онъ на врага подыметъ,
А нѣжною прижметъ рукою
Къ отеческому сердцу сына.
Нѣтъ! Отъ Рустемовой руки
Тебя спасать я не намѣренъ.
Такъ разсуждалъ съ самимъ собой Хеджиръ.
Что жь ты умолкъ? спросилъ его Зорабъ;
О чемъ бормочешь самъ съ собою?
Со мною говори.—И думаю, сказалъ
Хеджиръ, и не могу придумать,
Кто этотъ чудный втязъ.
Его мнѣ знаки неизвѣстны;
Конечно, онъ въ отсутствіе мое
Въ столицу шаха прибылъ:
Къ намъ слухъ дошелъ, что сильный бо-
Назъ Индіи далекой [гатырь
Царемъ на помощь вызванъ—
Быть можетъ, это онъ.
И подлинно въ немъ что-то есть чужое.—
Но какъ зовутъ его, спросилъ Зорабъ?—
Не знаю, отвѣчалъ Хеджиръ.—
Не можетъ быть! ты долженъ знать;
Скажи, я требую.—Не знаю,
Твердилъ Хеджиръ упорно.
И въ тяжкомъ былъ Зорабъ недоумѣнъ;
Рустемовы все признали онъ видѣлъ,
Ему и сердце говорило,
Что былъ въ глазахъ его Руستمъ—
Но имени желаннаго не могъ онъ

Или просьбой, или угрозой вырвать
 Из непреклоннаго Хеджира.
 И снова сталъ разширивать его
 Зорабъ: кому принадлежить
 Тотъ свѣдородовый шатеръ? —
 Его назвать могу я, отвѣчалъ
 Хеджиръ; могучему Гуразу. —
 А эточъ желтый чай?—Гургиновъ.—
 А эточъ голубой?—Въ немъ Гефъ живетъ,
 Руستمовъ зять.—При этомъ на Хеджира
 Зорабъ разгнѣванные очи
 Оборотилъ: теперь мнѣ лживо,
 Что ты безстыдный лжецъ; мнѣ всѣхъ
 Назвалъ ты, объ одномъ Руستمѣ
 Ни слова. А Руستمъ душа Ирана,
 И безъ него сраженій не бываетъ.
 Между шатровъ тамъ нѣтъ ни одного
 Прилежащаго Рустему; гдѣ же
 Руستمъ? Его съ намѣреньемъ скрываешь
 Ты отъ меня. Но чудный вонъ тотъ
 Передъ шатромъ зеленымъ—онъ конечно
 Руستمъ. Скажи, Хеджиръ; скажи, что это
 Всѣ признаки Рустемовы я вижу; [онъ!
 Недостаетъ мнѣ только убѣжденья;
 Но я изъ всѣхъ, кого тамъ видѣлъ,
 Желалъ бы, чтобъ Руستمомъ былъ
 Одинъ лишь этотъ. О! скажи,
 Скажи, Хеджиръ, что это онъ! и ты
 Немедря въ станъ къ отцу и братьямъ бу-
 Отцупицѣ съ честью и дарамъ.— [дешъ
 Зачѣмъ, спросилъ Хеджиръ,
 Ты такъ, Зорабъ, петирибно
 Узнать Рустема хочешь? Мой совѣтъ:
 Не выходи противъ него. Тебѣ
 Передъ Рустемовой ужасной силой
 Не устоять; когда Руستمъ
 На Громъ въ поле выѣзжаетъ,
 И левъ и крокодилъ приходятъ въ трепеть;
 Онъ взглядомъ посылаетъ смерть;
 Его дыханье бури; онъ, какъ прутья,
 Ломастъ крѣпкія деревья;
 И, кто бъ его противникъ ни былъ,
 Хотя бъ онъ тверже былъ кремнистой
 Горы, его Руستمъ растончетъ,
 Какъ слонъ траву сухую, въ пыль.
 Но, къ счастью своему, грозы
 Ты избѣжалъ: Рустема въ войскѣ нѣтъ;
 Съ царемъ поссорясь, онъ
 Въ Сабунстанъ свой возвратился,

И тамъ, о битвахъ позабывъ,
 Въ роскошномъ розовомъ саду
 Пируетъ весело съ гостями,
 И ждетъ спокойно за виномъ,
 Чѣмъ кончится набѣгъ на насъ Турана.
 Такъ говорилъ Хеджиръ Зорабу:
 Его хотѣлъ онъ обмануть,
 Придумавши вражду царя съ Руستمомъ;
 Но вмѣсто лжи сказалъ случайно правду.

VI.

Ты надо мной ругаешься, воскликнулъ
 Съ негодованіемъ Зорабъ;
 Молчи, презрѣннѣйшій изъ всѣхъ
 Гудеревыхъ осемидесяти сыповей!
 Повѣрю ли, чтобъ пехлеванъ Ирана,
 Чтобы Руستمъ, властитель боя,
 Отъ боя убѣжавъ, лѣниво
 Подъ кровлею домашней пировалъ?
 Тогда бъ и женщины и дѣти
 Его достойно осмѣяли.
 Поссориться онъ могъ, конечно, съ шахомъ,
 Когда, забывшись, шахъ его,
 Завоевавшаго ему отцовскій
 Престолъ, чѣмъ оскорбилъ; но Кейкавусъ
 Еще не потерялъ разсудка;
 И если подлинно онъ въ ссорѣ былъ съ Русте-
 То ужъ они навѣрно примирились: [можъ,
 Кто замѣнитъ Рустема Кейкавусу?
 Что значить туча громовая
 Безъ молніи и грома? Безъ Рустема
 Что ваше войско, что и весь
 Иранъ вашъ значить? Говори жъ
 Немедря, кто Руستمъ? Или вмигъ твоя
 Перелетитъ черезъ ограду замка
 Къ шатрамъ иранскимъ голова.
 Хеджиръ отъ злости поблѣдѣлъ.
 Ты изъ меня, подумалъ про себя онъ,
 Насиліемъ не вырвешь слова,
 Котораго сказать я не хочу.
 Не страшны мнѣ твои угрозы;
 Меня убьешь ты—отъ того
 Не потемнѣетъ день и въ кровъ
 Вода не превратится;
 Гудереу только изъ своихъ
 Осемидесяти сыповей
 Придется вычестъ одного;
 За то съ семидесятью девятью
 Онъ выйдетъ мстителемъ кровавымъ

Противъ Хеджирова убійцы.
 И онъ сказалъ: зачѣмъ, Зорабъ,
 Ты такъ бѣснуешься напрасно?
 Меня убить грозилъ ты —
 Убей, ты властель; имя жь,
 Которое такъ жадно хочешь слышать,
 Останется во мнѣ, какъ запертое
 Въ могилѣ; я не вымолвлю его,
 Хотя бь и зналъ стократно, кто и гдѣ
 Рустемъ. Убей меня—пусть кровью заплачу
 За стыдъ, что былъ ничтожнѣйшимъ изъ
 Гудерсовыхъ осмидесяти сыновей. [всѣхъ
 Такъ онъ сказалъ. Зорабъ въ кинжаль гнѣва
 Схватилъ свой мечъ, чтобъ грудь прон-
 зить Хеджиру;
 Но онъ одумался, и только по щекѣ
 Его съ такой ударилъ силой,
 Что онъ безъ чувствъ упалъ на землю.
 Когда никто—воскликнулъ онъ —
 Не хочеть мнѣ Рустема указать,
 Мой мечъ къ нему прочистить мнѣ дорогу.

VII.

Зорабъ сбѣжалъ, пылая гнѣвомъ, съ башни,
 Вооружился, на коня,
 Крылатога дракона, прынулъ
 И поскакалъ, какъ буря, къ стану.
 Онъ страшень былъ—кругомъ его
 Клубился, выбитый копеймъ,
 Изъ нѣдръ земли кипучій, вихоръ пыли;
 И въ этой черной тучѣ,
 Какъ молнія, броня его сверкала,
 И громомъ въ ней тяжелымъ раздавалось
 Кони топчущаго ржалъе.
 И прямо на шатры Ирана
 Летѣла туча громовая;
 И всѣ, покинувшіе станъ,
 Чтобъ подышать свободно въ полѣ,
 Въ испугѣ бросились назадъ,
 Сидѣша укрытыя за окопомъ.
 Такъ на луку, заграду табуша
 Покинувъ, скачутъ жеребята;
 Но вдругъ, бѣгущаго увидя льва,
 Пугаются его косматою гривы,
 И шумно ломятся въ заграду;
 Такъ, ужасомъ объятые, къ шатрамъ
 Всѣ кинулись, увидѣвши Зораба.
 Но, мелкаго врага не замѣчая,
 Онъ вихремъ мчался къ валу стана,

Чтобъ, на него взлетѣвъ съ конемъ,
 Храбрѣйшаго изъ витязей Ирана
 На смертный вызвать поединокъ;
 И съ высоты окна закричалъ
 Зорабъ такимъ гремищимъ кликомъ,
 Что отъ него и мертвый бы въ могилѣ
 Перевернулся: Шахъ великолѣпный,
 Ты чудной пышностью блистася
 За крѣпкою оградой стана;
 Но покажись, каковъ ты въ чистомъ полѣ.
 Зачѣмъ съ своимъ могучимъ войскомъ
 Ты спрятался тамъ отъ меня,
 Какъ за плетнемъ отъ вола
 Съ овцами прячется пастухъ?
 Съ моимъ конемъ противъ тебя
 Я выѣзжаю; въ Вѣломъ Замкѣ
 Былъ умерщвленъ разбойнически Сидъ;
 И за виномъ кровавую далъ клятву
 Разбойнику за друга отомстить,
 И въ ясный день убить убійцу,
 Столь храбраго лишь темной ночью.
 Когда его ты знаешь, повели,
 Чтобъ шель со мной сразиться;
 Когда жь тебѣ невѣдомъ онъ, то вышли
 Инаго—лучшаго въ смертельномъ дѣлѣ боя.
 Но если изъ твоей заграды
 Никто противъ меня не выйдетъ, самъ я
 Въ твой станъ проникну и къ шатру,
 Гдѣ ты таишься недоступно,
 Себѣ мечомъ прощину достигну.
 Не утрущать меня твои два стража,
 Твой левъ и тигръ; до солнца твоего
 Мое копье крылатое допрянетъ;
 И выронитъ орелъ твой изъ когтей
 Ирана царственное знамя;
 Я на тебя шатеръ твой повалю,
 И ты отъ сна безпечнаго проснешься.

VIII.

При этомъ кликѣ шахъ въ испугѣ
 Векочилъ. Бѣгите за Рустемомъ,
 Онъ закричалъ. Какъ этотъ звѣрь провѣдалъ,
 Что въ золотомъ шатрѣ я пребываю?
 Скорѣй, скорѣй позвать Рустема!—
 Рустемъ сидѣлъ передъ шатромъ зеленымъ,
 Когда гонецъ предъ нимъ явился
 И задыхаясь возопилъ:
 Зорабъ ворвался въ станъ; на царскій
 Шатеръ налаетъ грозится онъ;

Спѣши, Рустемъ; на помощь царь зоветъ.
 Рустемъ, не покидай мѣста,
 Сказаль: служить пакладно Кейкавусу;
 Показь нѣтъ ни днемъ ни ночью;
 Я прошлую провелъ въ работѣ ночь,
 Теперь хочу день цѣлый отдыхать.
 Но вотъ второй гонецъ примчался
 За первымъ, третій за вторымъ, четвертый
 За третьимъ; быстро,
 Какъ за стрѣлою изъ лука стрѣла,
 Они лѣглы другъ за другомъ,
 И каждый повторяль: Рустемъ!
 Зорабъ вернуться хочетъ въ станъ;
 Вѣги скорѣй къ царю на помощь.
 Увидя общую тревогу,
 Рустемъ сказалъ: да развѣ небо
 Упало? Вѣсь дрожатъ передъ однимъ!
 Отъ одного такой пожаръ всемирный!
 Но вдругъ предъ нимъ явился
 Вельможа, посланные шахомъ.
 Верховный воевода Тусъ
 И самъ царевъ наследникъ Фераторъ;
 И все его доспѣхъ принесли
 Они съ собой. Въ молчаніи угрюмомъ
 Онъ далъ имъ волю; Тусъ надѣлъ
 Тяжелый панцирь на него,
 Гургии поножя; шлемъ
 Былъ поданъ Фераторомъ;
 Гуразъ принесть колчанъ и лукъ;
 Съ коньемъ, мечомъ и булавой пришли
 Три сына стараго Гудерса;
 И наконецъ съ могучимъ Громомъ,
 Советемъ осѣдланымъ явился зять
 Рустемовъ Гэфъ. Увидя,
 Какъ бѣшено, почувя бой, кипѣлъ
 И придавъ Громъ, его товариць вѣрный,
 Рустемъ воспламенился;
 На Грома онъ вкочилъ,
 И, грозно крикнуть, поскákatъ...
 И всеъ очами вслѣдъ за нимъ
 Въ глубокомъ страхѣ устремились.

книга седьмая.

РУСТЕМЪ и ЗОРАБЪ.

первый бой.

I.

Онъ поскákatъ туда, гдѣ богатырь,
 Съ нимъ однокровный, ждать, гдѣ сынъ
 его родной

Стоять, противъ отца вооруженный.
 Завидѣвши одинъ другаго, оба
 Заржали громко пламенные кони,
 Рустемовъ Громъ и конь Зорабовъ,
 Сынъ Грома—тогъ, отца принесшій
 На убѣе сына; зтогъ,
 Принесшій сына, чтобъ погибъ
 Рукой отца: но какъ родные
 Они прлвѣтственнымъ другъ друга ржашь—
 Окликнули... О горе! Неразумнымъ [смъ
 Звѣрямъ былъ внятень голосъ крови,
 А въ глубину души отца и сына
 Онъ не проникъ—такъ бѣдный человекъ,
 Въ безуміи страстей своихъ, и звѣря
 Слѣпорожденнаго слѣпый бываетъ—
 Для витязей то родественное ржанье
 Призывомъ было въ бой свирѣпый,
 И въ нихъ зажглось удвоенное пламя.
 Остановясь одинъ противъ другаго,
 Отецъ и сынъ издалека другъ друга
 Смертельнымъ окомъ молча озирали.
 А той порой двѣ рати съ двухъ сторонъ,
 Свидѣтелямъ поединка,
 Въ порядкѣ вышли боевомъ:
 Ведомые могучимъ Туеомъ,
 Полки блестящія Ирана
 Построились передъ шатрами;
 А Баруманъ туранскія дружины
 По склоду вытянули горы,
 Однимъ крыломъ ихъ къ замку присло-
 И тихимъ рати строемъ [ивши.
 Одна противъ другой стояли,
 Какъ двѣ надвухъ концахъ противныхъ неба
 Стоять грозой чернѣющія тучи;
 Желанье бои только въ двухъ
 Избранныхъ витязяхъ горѣло;
 А вокругъ ихъ все молчало, рокового
 Событія со страхомъ ожидая.

II.

И начали богатыри съѣзжаться,
 И сблизилсь, и видѣли другъ друга
 Уже въ лицо. Зорабъ,
 Къ отцу влскомый тайной силой,
 Съ весельемъ руки потирая,
 Воскликнулъ: здравствуй, старый богатырь,
 Какому я подобнаго и сонный
 Не видывалъ! моя завидна участь:
 И лѣтами еще полуробенюкъ,

А мнѣ съ такимъ одержанымъ въ бою
 Желѣзнымъ воинно досталось
 Впервые силу испытать.
 Великъ твой ростъ, плечами ты широкъ;
 Но много взяли силъ твоихъ
 И годы и сраженья;
 Съ моею молодостью крѣпкой,
 Сѣдой боецъ, твоя не сладить старость.—
 На щеки розовыя сына
 Взглянувъ, Рустемъ сказалъ: не горячись,
 Прекрасный, огненный младенецъ;
 Земля тверда, хотя и холодна:
 А воздухъ теплый, но уступчивъ.
 Я на своемъ вѣку немало
 Полей сраженья перешелъ,
 И многимъ войскамъ, гордымъ силой,
 Помогъ въ сырую землю лечь;
 Ихъ много спитъ, въ ея глубокомъ лонѣ
 Моей рукою погребенныхъ;
 Ты скоро самъ то испытаешь,
 Когда тебя съ другими положу я
 Убитаго во глубь земли холодной.
 Когда же паче ожиданья
 Моей руки ты избѣжишь,
 То ужъ тебѣ нипто, ни человекъ,
 Ни крокодилъ, ни левъ не будутъ страшны.
 Но слушай, милое дитя,
 Мнѣ жаль тебя, мнѣ жаль такую
 Младую душу изъ такого
 Прекраснаго исторгнуть тѣла;
 Ты съ туркомъ, нальма красочнъ,
 Не сходишь; я подобнаго тебѣ
 Не знаю и въ самомъ Иранѣ;
 Мнѣ жаль тебя.—Такую рѣчь
 Привѣтнѣею услышавъ,
 Зорабъ почувствовалъ, что въ немъ
 Вся внутренность затрещала.
 И онъ сказалъ: о добрый старецъ мой,
 Я объ одномъ спрошу тебя смиренно;
 Отвѣтствуй мнѣ поправдѣ: кто ты?
 У нашихъ праотцевъ благой
 Обычай былъ себя передъ сраженьемъ
 Именоватъ.... какой-то голосъ
 Мнѣ тайно говорить, что ты
 Рустемъ, зеленаго шагра
 Владѣтель.—Такъ сказалъ Зорабъ.....
 И такъ надъ ними близко,
 Неузнанное пролетѣло
 Мгновеніе, которымъ гибель

Могла бѣ въ свассиѣ обратиться,
 И злоба въ нѣжную любовь...
 Но темный духъ нашель тутъ на Рустема;
 Онъ отвѣчалъ: я не Рустемъ;
 И знать тебѣ пѣтъ нужды о Рустемѣ.
 Я поданный, а онъ державный князь;
 Тебѣ жъ не съ нимъ считаться, а со мною;
 Я у тебя въ долгу: вчера я, вѣдай,
 Во время пира, въ Бѣломъ Замкѣ
 Ночное совершилъ убійство.

III.

При этомъ словѣ гнѣвомъ вспыхнулъ,
 Какъ туча молніей, Зорабъ,
 И разомъ оба поскакали,
 Зорабъ направо отъ Рустема,
 Рустемъ направо отъ Зораба;
 И, откакавъ во весь опоръ
 На выстрѣлъ изъ лука, оборотили
 Копей; и быстро полетѣли
 Другъ противъ друга двѣ грозы.
 И начался межъ сыномъ и отцомъ
 Упорный бой. Сперва на всемъ скаку
 Они пустили копьа—
 Со свистомъ пронизали
 Они щиты, подставленные пмъ,
 И, пролетѣвъ сквозь нихъ, воткнулись
 Тутъ обнаженными мечами [въ землю.
 Они разитъ другъ друга принялися—
 Мечи, скрестяся на ударѣ,
 Переломились разомъ оба;
 Они, мечей обломки бросивъ,
 Жѣлѣзныя схватили булавы.
 Чего конь не тронуло, то мечъ
 Разсѣлъ; чего не тронулъ мечъ,
 То раздробила булава—
 Такъ билися витязи, упорствомъ
 И силою одинъ другого стоя;
 И оба тягостно стонали;
 На шлемахъ блеска не осталось,
 Все перья съ гребней облетѣли,
 И ни одно кольцо на ихъ колючугахъ
 Не уцѣлѣло; все избито
 Ихъ были члены; потъ ручьями
 Бѣжалъ съ ихъ жаркихъ лицъ;
 Подъ шипи кони ихъ дымилась.
 Такъ на небѣ двѣ тучи громовыя,
 Сшибаяся, блистаютъ и гремятъ
 И молнии на молнии бросаютъ;

Онъ другъ друга истребить,
 Не могутъ, но подь ихъ войною
 Земля приходитъ въ трепеть,
 Ихъ градъ тяжелый губитъ жатву,
 И вся подь ними сторона
 Становится пустыня, какъ великимъ
 Сраженіемъ растоптанная нива;
 Когда жъ ихъ силы истощатся,
 Онѣ расходятся и грозно
 Издадека другъ на друга сверкаютъ
 И глухо, ронотно гремятъ.
 Такъ вьязы, истративъ силы,
 На время бой упорный прекратилъ.

IV.

Отецъ и сынъ избиты были оба.
 Сопедъ съ коней, они имъ дали волю
 Вздохнуть; а сами разошлася,
 И издали дивилися другъ другу.
 Такъ говорилъ съ самимъ собой Зорабъ:
 Не можетъ быть, чтобъ этотъ звѣрь,
 Столь яростно меня терзавшій,
 Былъ мой отецъ; хотя и вижу въ немъ
 Всѣ признаки описанные мнѣ,
 Но о такой неизмовѣрной злости
 Мнѣ мать не говорила; въ ней
 Любовь къ нему родиться не могла бы,
 Когда бъ ея очамъ явился онъ
 Съ такимъ лицомъ чудовищнаго тигра.
 Но онъ и самъ назвалъ себя
 Убийцей Сивда... нѣтъ! онъ не Руستمъ;
 Я клятвы долгъ святой исполню,
 И отомщу убійствомъ за убійство.
 Въ то время и Руستمъ съ собою
 Такъ разсуждалъ: не отъ простой
 Онъ матери; она конечно
 Не человѣческой, а великанской
 Породы: въ возрастѣ его
 Подобной силы не имѣлъ я.
 Руستمъ, Руستمъ, остерегись;
 Сбери всю крѣпость, старый богатырь;
 Два войска смотреть на тебя;
 Вѣда и стыдъ, когда съ тобою
 Турченокъ безбородый сладитъ
 И, возвратясь въ Семенгамъ,
 Разскажетъ сыну твоему
 О поношеніи отца его Рустема.
 Такъ, отдыхая, размышляли
 Отецъ и сынъ. Тѣмъ временемъ ихъ кѣни,

Усталие отъ жаркой схватки,
 Но пощажепные въ бою,
 Провѣтрившись, остыли, оевѣжились
 И приготовлялся снова
 Своихъ могучихъ сѣдковъ
 Нести на смертный подпикъ.

V.

Еще усталые, чтобъ силы обновить,
 Они за дуги и за стрѣлы
 Схватились. Двѣ первыя стрѣлы
 На воздухъ слетѣлись остриями
 И обезспленные пали
 На землю; въ слѣдъ за ними частымъ
 Дождемъ другія зашумѣли;
 Такъ вихремъ сыплются сухіе
 Съ деревьевъ листья при осеннемъ
 Свѣтящемъ вѣтрѣ; такъ
 Кругомъ ульевъ, когда согрѣетъ ихъ
 Лучомъ весенняго солнца,
 Сверкаютъ и жужжатъ, роясь, ичелы.
 И непереставно въ ихъ рукахъ
 Сгибались и разгибались дуги,
 Визжали рѣзко тетивы;
 И съ нихъ стрѣла слетала за стрѣлою;
 И вслѣдъ за каждой изъ очей
 Взоръ смертоносный вырывался.
 Но то была лишь шутка боевая:
 Отъ нацѣлрей отпрыгивали стрѣлы,
 Ихъ острие ломалось объ щлемы,
 Въ щиты воззаяся, на нихъ
 Онѣ густей щетиною торчали;
 Такъ солища острые лучи,
 Гранитъ могучій осыпая,
 Ему пронзить не могутъ твердой груди,
 И лишь ея поверхность разжигаютъ.
 Истративъ стрѣлы, наконецъ
 Противники свои пустые
 Кочмапы бросили и на коней
 Вскочили оба, чтобъ начать
 Войну губительную снова.

VI.

Слетѣвшися на копьяхъ, они
 Видѣлись крѣпкими руками
 Другъ другу въ кушаки. Руستمъ
 Сидѣлъ на Громѣ, какъ желѣзный;
 Что онъ ни схватывалъ рукою,
 Сжималось въ ней, какъ мягкій воскъ;

Но онъ, схвативъ Зораба за кушакъ,
 Былъ изумленъ его сопротивленьемъ:
 Какъ не колеблется утесъ,
 Обвитый кольцами удава,
 Такъ былъ Зорабъ неколебимъ,
 Обхваченный Рустемовой рукою.
 Но и Зорабъ напрасно мышцы
 Напрягъ, чтобъ пошатнуть Рустема:
 Какъ не колеблется земля,
 Обвитая струей воздушной,
 Такъ былъ Рустемъ неколебимъ,
 Обхваченный Зорабовой рукою.
 И вдругъ, кушакъ отцовъ покинувъ,
 Какъ бѣшеный, Зорабъ выплеснулъ руками
 Въ его серебряныя кудри,
 Разсыпанныя по плечамъ,
 Въ сраженьи вылавъ изъ-подъ шлема;
 Онъ мнилъ, что вдругъ сорветъ его съ сѣдла;
 Но онъ на немъ, какъ вылитый изъ мѣди,
 Не покачнувшись, усидѣлъ;
 Одишь лишь клочъ серебряныхъ сѣдякъ
 Въ своихъ рукахъ Зорабъ увидѣлъ;
 Онъ задрожалъ при этомъ видѣ.
 Ты, богатыйр неодолимый
 Подъ сѣдяками старика!
 Воскликнулъ онъ, зачѣмъ, зачѣмъ
 Съ моею молодостью спальной
 Свою выводилъ старость въ бой?
 О! сердце у меня въ груди поворотилось,
 Когда въ моей рукѣ остались
 Твои сѣдые волосы!
 Миѣ показалось, что обидѣлъ
 Богопреступною рукою
 Я голову отца святую!
 О! для чего же мы другъ друга
 Должны такъ яростно губить?
 Уже ль другихъ здѣсь не найдется
 Противниковъ, чтобъ уснеговить
 Въ пазъ жажду огненную боя?
 Такъ воинъ молодой сказала;
 А старый мрачно и безмолвно
 Отворотилъ грозящее лицо.

VII.

И вдругъ, какъ волкъ, врывающійся въ
 Овецъ, онъ кинулся съ мечомъ [стадо
 На рать туранскую. Зорабъ
 При этомъ видѣ повернулъ
 Коня и яростный, какъ тигръ,

Изъ тростника въ табуны коней
 Однимъ влетающій прыжкомъ,
 Явился межъ дружинъ Ирана;
 И началъ мечъ его сверкать,
 Какъ молнія, направо и налево;
 И люди вокругъ меча валялись,
 Кто безголовый, кто пронзенный
 Насквозь, кто пополамъ
 Пересѣченный. Той порой
 Рустемъ, уже достигшій строя
 Дружинъ туранскихъ, вдругъ остановился,
 И, обративъ глаза на рать Ирана,
 Увидѣлъ, что въ ся рядахъ
 Разстроенныхъ происходило;
 Подумалъ онъ о бѣшенствѣ Зораба,
 Подумалъ онъ о страхахъ Кейкавуса.
 И быстро, не взглянувъ на турковъ,
 Къ своимъ на помощь поскакалъ.
 Онъ тамъ въ толпѣ густой увидѣлъ,
 Какъ разсыпалъ рубины крови
 На яркй поля изумрудъ
 Своимъ мечомъ Зорабъ. И онъ воскликнулъ:

Остановись! зачѣмъ на слабыхъ
 Такъ бѣшено ты нападаешь?
 Чѣмъ провинилися они передъ тобою,
 Что вдругъ на нихъ ты кинулся нежданый,
 Какъ зѣбрь голодный на добычу?
 Зорабъ, его увидя, изумился.
 А ты, мой старый богатыйр,
 Воскликнулъ онъ, за что на бѣдныхъ тур-
 Такъ яростно ударилъ? Чѣмъ они [ковъ
 Тебя обидѣли? Но вижу,
 Что снова ты въ сраженье вызвалъ
 Меня желань—я готовъ.
 На то Рустемъ отвѣтствовалъ: ужъ день
 Сѣѣнила ночь; она покою
 Принадлежитъ, а не сраженью.
 Послушаемся ночи; завтра,
 Лишь на востокѣ солнце, витязь неба,
 Свой мечъ подыметъ золотой и землю
 Имъ облесеть, мы бой возобновимъ;
 Будь здѣсь, а я здѣсь буду:
 Мы вѣщие, борьбою
 И боемъ рукопашнымъ дѣло
 Начатое окончимъ; оба войска
 Сраженья свидѣтелями будутъ;
 Увидимъ мы, которое изъ двухъ
 Богатыря оплатитъ своего.

VIII.

Они растались; сумраченъ былъ вечеръ,
И темное тревожилось небо:
Оно какъ будто въ погребальный
Покровъ заранѣ облакалось.
Но весело Зорабъ вводилъ
Свои дружины въ Бѣлый Замокъ.
Онъ на пути спросилъ у Барумана:
Что этотъ левъ, который такъ измѣялъ
Мои бока тяжелой лапой,
Надѣлалъ здѣсь своимъ набѣгомъ? Много ль
Погибло отъ него народа?—
Ты повѣлъ, чтобъ войско было тихо
(Такъ Баруманъ отвѣтствовалъ); и войско
Стояло строемъ неподвижнымъ,
Готовое къ сраженію; вдругъ,
Мы видимъ, кто-то, чудный, грозный,
Невѣдомый, какъ будто изъ земли
Родившійся, незанно
Ударилъ въ самую средину
Испуганной такимъ явленіемъ рати;
Всѣ приготовились къ отвору;
Но онъ, какъ будто утраченный,
Коня поворотилъ, назадъ
Помчался вихремъ и пропалъ,
Какъ привидѣніе.—Громко засмѣявшись,
Сказалъ Зорабъ: итакъ, онъ только
Васъ навѣстилъ по милости своей;
Напрасно жъ онъ коня тревожилъ.
А я тѣмъ временемъ мой мечъ
Полакомилъ франской кровью;
Насъ темнота ночная развела;
Но завтра на разсвѣтъ
Опять начнется бой нашъ; завтра
Увидимъ мы, который устоитъ
Изъ насъ двоихъ, который ляжетъ мертвымъ.
И обѣ рати стануть въ строй,
Чтобъ быть свидѣтелями битвы.
Придется ль вамъ меня похоронить
Иль встрѣтить съ ликованиемъ—это
Намъ скажетъ завтрашнее утро;
А нынче намъ приличнѣе, всѣ забывъ
Тревоги, влить виномъ душистымъ силу
Въ усталые отъ боя члены,
И освежить языкъ, сожженный зноемъ.
Скорѣй, премудрый Баруманъ,
Вели намъ ширъ обильный приготовить.

IX.

Тѣмъ временемъ, достигнувъ станъ,
Рустемъ въ шатръ царя,
Съ нимъ и съ его вождями,
За освѣжительнымъ виномъ
О жаркомъ боѣ вспоминалъ.
Была тамъ рѣчь лишь только о Зорабѣ.
Зачѣмъ ему, спросилъ Рустема царь,
Ты волю далъ напасть на наше войско?
Когда бы къ намъ на помощь
Ты во-время не подошелъ,
Вѣда великая могла бы насъ постигнуть.
Но что же самъ, скажи, о немъ ты мыслишь?
И, зависти не вѣдая, Рустемъ
Сказалъ: такого богатства,
Такого льва въ такомъ младенцѣ
Еще я въ жизни не встрѣчалъ;
Онъ богъ войны, не человекъ,
И не уступитъ мнѣ ни въ силѣ, ни въ
[искусствѣ;
А свѣжей младостью своей
Мою онъ старость превосходить.
Мнѣ предстоитъ съ нимъ завтра тяжкій бой.
Я испыталъ сперва мое конье,
Потомъ мой мечъ, потомъ и булаву—
Все отразилъ онъ; панослѣдокъ, вспомнивъ,
Что въ старину я многихъ силачей
Одной рукою схватывалъ съ едла,
Ему въ кулакъ я руку запустилъ
И силой всей его рванулъ, но онъ
Не пошатнулся. Насъ теперь
Ночная тьма съ нимъ разлучила—
Не знаю, мной остался ль онъ доволенъ?
А я доволенъ черезъ мѣру имъ.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постою за честь Иража,
И за свою, до сихъ поръ безъ пятна
Мнѣ сохранившуюся, славу.
Какъ нынѣ, завтра оба войска
Свидѣтелями боя стануть въ строй;
И въ этотъ часъ ужъ будетъ завтра вѣсѣмъ
Извѣстно, кто изъ насъ двоихъ
Ляжетъ убитый, кто живой остался;
Теперь же здѣсь, покуда мы еще
Всѣ на-лицо, озолотимъ
Безпечнымъ пированіемъ
Банушъ спокойный роковаго,
Быть можетъ, бѣдственнаго дня.

Державный шахъ, благоволитъ
Насъ угостить твоимъ виномъ душистымъ.

X.

Такъ говорилъ Рустемъ; и рѣчь его
Задумчивость мгновенную на сердце
Съ нимъ пированныхъ навела.
Но снова съ блескомъ зашипѣло
Вино; за славу и побѣду
Рустема сдвинулися чаши,
И, накопецъ, по долгомъ пированьи
Всѣ по патрамъ на сонъ и на покой
Подухмѣльные разошлись.
Въ зеленый свой шатеръ вошедши,
Рустемъ Зевару такъ сказалъ:
Зеварь, мой братъ, ты видѣлъ, пылъ,
Каковъ былъ этотъ бой; что будетъ завтра,
О томъ изъ насъ не вѣдастъ никто.
Я завтра рано выйду къ дѣлу;
А ты, мой братъ, меня предавъ
Во власть Всевышнему, останься здѣсь,
И стражемъ будь моеи сабульской рати.
Когда изъ рукъ судьбы мнѣ выпадеть
побѣда,

Не стану я на мѣстѣ крови медить,
И ты меня въ шатрѣ увидишь скоро.
Но если мнѣ иное суждено
Отъ неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою пемедя
Веди въ Сабуль; дорогой же и дома
Всѣмъ говори: ему былъ рокъ погибнуть.
Отъ юности. А матери скажи:
«Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоихъ
Глазахъ состарѣлся и онъ;
И ты его пережила;
Живи же долго, но о немъ
Не сѣтуй; онъ великихъ дѣлъ
Довольно совершилъ; немало имъ
Истреблено чудовищъ, великановъ;
Немало крѣпкихъ замковъ онъ
Разрушилъ и сравнялъ съ землею;
Немало войскъ предъ нимъ погибло —
Теперь настала чередъ и для него.
Къ желѣзнымъ смерти воротамъ
Конь жизни рано или поздно
Со всадникомъ своимъ — кто бъ ни былъ онъ,
Могучій, слабый, храбрый, робкій —
Примчится; каждому изъ насъ

Въ тѣ ворота въ свой часть придется стукъ—
И каждому отворятся они; [путь,
На увольненье здѣсь отъ смерти
Онъ запиши отъ неба не имѣлъ;
На вѣчное подданство ей
Мы всѣ укрѣплены судьбою».
Такъ матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина послѣднюю мнѣ чашу
На сонъ грядущій, братъ Зеварь,
И спи спокойно; остальное
Звѣздамъ на волю отдадимъ.
Рустемъ умолкнувъ, поданное выпилъ
Вино, раздѣлся, легъ,
И въ сонъ глубокий погрузился.

книга осьмая.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.
второй вой.

I.

Когда павили денницы распустилъ
Широко хвостъ свой разноцвѣтный,
И голову подъ черное крыло
Угрюмый воронъ ночи спряталъ,
Рустемъ проснулся, онаясь
Губительный свой мечъ,
И, боемъ дышанцй, вскопчилъ
На огнедышанаго Грома;
И бурю на избранное мѣсто онъ
Помчался. Какъ звѣзда, пророкъ
Великихъ бѣдствй, пламеннымъ хвостомъ
На небесахъ блистаетъ ночью темной,
Такъ бѣдоносно племъ косматый
Блесталъ на головѣ Рустема;
Прибывъ на мѣсто, съ изумленьемъ
Онъ озирается, по Зораба
Тамъ не было: Зорабъ въ то время,
Какъ гибельный его отецъ
Ждалъ въ полѣ, утреннимъ виномъ,
При звукѣ лютни, безпечно утѣшался.
И такъ сказалъ онъ Баруману:
Со мною этотъ старый левъ
И крѣпостію мышцъ, и ростомъ,
И храбростію равенъ;
Когда смотрю на грудь его, на руки,
И на плеча, мнѣ кажется, что вижу
Я въ зеркалѣ себя; невольно
Приходитъ въ мысли мнѣ, что самъ
Такимъ я буду, если звѣзды
Мнѣ столько жъ лѣтъ отчислятъ въ жизни.

Взглянувъ ему въ геройское лицо,
 Я чувствую какую-то тревогу,
 Мнѣ стыдно, я красивю, въ грудь мою
 Вѣспяется глубоко
 Неодолимая тоска.
 О Баруманъ, ужъ не Рустемъ ли онъ? Скажи
 Мнѣ правду; Баруманъ, спаси
 Меся; не дай мнѣ быть отцеубийцей
 На ужасъ всей землѣ. Что, возвратясь,
 Скажу я матерѣ? Скажу ли,
 Что руки я свои умылъ
 Въ крови отца? Всѣ знаки, сю
 Мнѣ данные, согласны съ тѣмъ, что видятъ
 Мои глаза, не достаетъ
 Лишь одного мнѣ убѣжденья. Если онъ
 Рустемъ, то я еще ему въ глаза
 Сказать не смѣю: я твой сынъ!
 То имъ самимъ запрещено;
 Лишь слава дастъ на то мнѣ право.
 Когда же не Рустемъ онъ... О! какая
 Была бъ мнѣ честь явиться предъ отцомъ,
 Богатыря такого одолевши!
 Кто разрѣшитъ мое недоумѣлье?
 Когда вчера такъ звѣреки
 Со мной онъ бился, мысль, что онъ
 Отецъ мой, показалась мнѣ
 Мечтой несбыточной; но въ эту ночь
 Я видѣлъ сонъ... я видѣлъ, что лежу
 Въ его объятіяхъ, такъ нѣжно,
 Такъ весело, съ такой любовью дѣтскою.....
 Нѣтъ! Не могу и не хочу съ нимъ биться.

II.

Покорствуя тому, что повелѣлъ
 Афразіабъ, коварный Баруманъ
 Отвѣтствовалъ: ты видѣлъ сонъ,
 Проснулся—вотъ и все. Уже ль, повѣри
 Мечтѣ, начата такъ славно
 Не довершить? Ты слово далъ,
 И долженъ выручить его, иль вѣчнымъ
 Стыдомъ себя покроеши. Въ полѣ
 Тебя онъ ждетъ, и вѣрно, торжественно
 Ужъ думаетъ: передо мной робѣетъ
 Мой недоверливыи богатырь.
 Такъ и Иранъ съ нимъ имѣетъ сказать;
 То повторится и въ Туранѣ.
 Тогда съ какимъ покажешься лицомъ
 Ты на глаза Рустему? Не забудь,
 Что на тебѣ лежитъ святая клятва

Отметить за Синда; самъ же онъ сказалъ
 Тебѣ, что Синдъ убить его рукою.
 А для чего свое таятъ онъ имя,
 Не знаю; мой совѣтъ: не любопытствуй
 И ты о томъ узнашь; убей и уничтожь
 Его, пока онъ самъ тебя убить
 И уничтожить не успеетъ—
 Тогда избѣгнешь посярательства,
 Заслужишь честь и клятвы не нарушишь.
 Такъ искуситель говорилъ;
 Его слова звучали глухо;
 Онъ поглядѣвъ въ лицо не смѣлъ Зорабу
 И блѣденъ былъ, какъ полотно;
 Но все сомнѣнья онъ разрушилъ
 Въ душѣ Зораба. Мицнемъ закинувъ,
 Поспѣшно витязъ молодой
 Вооружился, на коня
 Лихаго прынулъ
 И полетѣлъ на битву роковую.

III.

Когда сошлись соперники на мѣстѣ,
 Назначенномъ для поединка,
 Двѣ рати съ двухъ сторонъ,
 Свидѣтелями боя,
 Въ порядкѣ вышли боевомъ:
 Ведомые могучимъ Тусомъ,
 Басетиціе полки Ирана
 Построились передъ шатрами;
 А Баруманъ туранскія дружины
 По склону вытянулъ горы,
 Однимъ крыломъ ихъ къ замку присло-
 нивши.

Къ сопернику приблизившись, Зорабъ
 Его спросилъ, привѣтны улыбувшись:
 Покойно ль спать ты эту ночь,
 И весело ль проснулся? Рано, рано
 Ты поднялся, мой старецъ многоликий:
 Прекрасенъ этотъ день—таковъ ли будетъ
 Прекрасенъ вечеръ, мы не знаемъ.
 Но посмотри, какъ утро молодое
 Вершины горъ озолотило;
 Цвѣты все утреннимъ виномъ
 Напосны, и утренняя свѣжесть
 На паству манитъ пастухозъ:
 Невидимо подъ вѣтвями деревь
 И видимо въ лазури неба
 Поютъ проснувшіяся птицы;
 Ручьи сіяя льются;

На солнцѣ блещутъ берега;
 Трава росой сверкаетъ...
 Приличенъ ли такой всемірный праздникъ
 Кровавому убійству? День такой
 Не лучше ль милой жизни
 Еще намъ уступить? Послушай, другъ,
 Сойди съ дракона своего
 На этотъ свѣжій деривъ; заключимъ
 Въ виду обѣихъ нашихъ ратей
 Здѣсь перемиріе, забудемъ
 На этотъ день и мщение и злобу:
 Пусть будетъ поле крови
 Для насъ палатой пировою.
 Я знакъ подамъ—и передъ нами
 Вино заблещетъ въ кубкахъ,
 И пиръ устроится роскошный,
 И звонко заиграютъ струны,
 И дружно мы отпразднуемъ съ тобою
 День возрожденія прекрасной,
 Веселюющей весны;
 Желѣзный шлемъ ты снимаешь съ головы.
 А я вѣнкомъ живыхъ цвѣтовъ украшу
 Твой мѣхъ милыхъ сѣдлинъ;
 И, сидя за виномъ, мы будемъ
 Бесѣдовать радушно о войнѣ,
 О бражныхъ подвигахъ, и ведемъ, что знаю,
 Я подвѣлюсь съ тобою отъ сердца;
 А ты свою откроешь мѣхъ породу,
 И славное свое мѣхъ скажешь имя—
 О! не упорствуй, другъ; скажи,
 Скажи его—мы не должны
 Такъ чужды быть другъ другу; насъ
 Съ тобою вчера побратовала битва.

IV.

Такъ съ откровенностью младенца
 Рустему говорил Зорабъ—
 Ему во грудь изъ водъ, изъ глубины
 Небесъ, изъ зелени полей
 Проникнулъ тайный голосъ
 Природы; на щекахъ его
 Горѣло жаркое желанье;
 Такъ раскрывается младая
 Распуколька отъ тепла весны
 Дыханія; но если на нее
 Дохнетъ морозомъ бурный сѣверъ,
 Она сжимается и увядаетъ;
 Такъ отъ морозныхъ словъ Рустема
 Увядла вдругъ въ душѣ Зораба

Едва зацвѣтшая надежда.
 Дитя мое, сказалъ Рустемъ, не для того
 Сюда пришли мы, чтобы, роскошно
 На луговомъ коврѣ покоемъ,
 Бесѣдовать; на смертный бой
 Пришли мы. Если ты
 Еще годами отрокъ,
 То я ужъ не дитя. Ты видишь,
 Что для борьбы кушакъ стянулъ я тугю;
 И здѣсь давно я жду, чтобъ боевую
 Съ тобой начать работу, чтобъ нарвать
 Съ тобой тѣхъ розъ, какія только въ нашемъ
 Саду родятся. Свѣжесть утра
 Для ратнаго благоприятна дѣла;
 Она моимъ состарѣвшимся членамъ
 Живую крѣпость придаетъ.
 Итакъ, пока не настудилъ
 Палящій зной, начнемъ
 Свой мужественный споръ. Я не слышать,
 Чтoby для однихъ разсказовъ о бояхъ
 Соперники на мѣстѣ боя,
 Вооруженные, сходились;
 Я бьюся дѣломъ, не словамъ.
 По имени жъ себя не прежде назову,
 Какъ положивъ тебя въ крови на землю:
 Тогда узнаешь, чья рука тебя убила.

V.

Зорабъ, воспламененный гнѣвомъ,
 Восклицалъ: будь по-твоему, упрямый
 Старикъ! своей судьбы никто
 Не избѣжитъ; и мы увидимъ скоро,
 Кто здѣсь кого принестъ ей въ жертву
 должень.

На землю сирянулъ опъ съ коня,
 И громко зазвучало
 Его оружіе. Рустемъ
 Сошелъ поспѣшно съ Грома; тяжкій
 Звукъ отъ меча его раздался,
 И изъ ноженъ до половины
 Опъ выпрыгнулъ. Въ молчаньи оба
 Къ бѣжавшему вблизи потока
 Они пошли съ конями. У воды
 Росло тамъ дерево; къ нему
 Они коней ретивыхъ привязали;
 И тамъ Рустемовъ Громъ
 Оставленъ былъ съ конемъ Зораба.
 Привѣтливо они другъ друга
 Обфыркали и, ознакомься,

Между собой нѣмую завели
Бесѣду; какъ друзья давнишніе, они
Подожную траву щипали вмѣстѣ,
И головы протягивали дружно
Къ ручью за свѣжою водою,
И шеями другъ друга обнимали,
Какъ будто угадавъ,
Какое близкое родство межъ ними было.
А между тѣмъ отецъ и сынъ
На мѣсто боя грозно шли,
Другъ другу смерть въ душѣ готовя.

VI.

Они плотнѣй стянули кушаки,
И рукава до самыхъ плечъ
Могучихъ засучили;
Ужасно ихъ наморщились лица,
И загорѣлись глаза,
И, разомъ бросясь другъ на друга,
Какъ разозлившіеся тигры,
Какъ руками обхватились:
Два тѣла вдругъ слились въ одно,
Вокругъ котораго четыре
Желѣзные руки, какъ змѣи,
Въ него вдаваясь, перенетались.
Какъ будто сплавленные крѣпко
Они другъ друга, грудь на грудь,
Тѣснили, перли, гнули, жали—
Напрасно; камень и желѣзо
Могли бы руки ихъ расклевнущуть,
Но пошатнуть не могъ ни сына
Отецъ, ни сынъ отца; дыханье
Спиралось въ ихъ груди; глаза ихъ, кровью
Налитые, какъ уголья горѣли;
Ихъ ноги были врыты въ землю—
Но ни одинъ не могъ другаго
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть съ мѣста;
Напрасны были ихъ порывы,
Напрасны были ихъ напоры,
Напрасно было ихъ боренье,
Ихъ трепетанье, ихъ кинѣнье—
Неодолимъ, неколебимъ
Остался каждый. Наконецъ,
Отбросивъ тщетную борьбу,
Они рѣшились испытать,
Кому кого удастся
Поднять съ земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разомъ отскочили

Отецъ и сынъ, и, разомъ снова
Обѣжавшись, какъ крыльца, руки
За кушаки засунули другъ другу.
И вдругъ Руستمъ трихнулъ Зораба
Такъ сильно, что съ земли
Взорвалъ его на воздухъ; какъ свинець,
Всей тяжестью Зорабъ на грудь отца
Обрушился и повалилъ
Его на землю подъ себя.
Не зная самъ, какъ могъ онъ очутиться
На немъ, его къ землѣ онъ придавилъ
Колѣномъ, выхватилъ кинжалъ,
И былъ готовъ пронзить имъ грудь
Подъ нимъ лежавшаго Рустема.

VII.

Руستمъ, увидя надъ собою
Желѣзо, возопилъ: остановись,
Что хочешь дѣлать? Если ты
Породой знаменитъ, не осрамляй
Ни самого себя, ни предковъ
Поэтычнымъ дѣломъ: межъ суровыхъ
Родяся турковъ, ты не знаешь
Обычаевъ Ирана—знай же,
Что здѣсь никто, кому въ борьбѣ
Соперника удастся одолѣть,
Его не умерщвляютъ, но ему
Даютъ съ собою испытать
Въ другой разъ силу; если жъ и тогда
Онъ побѣдитъ, то властенъ онъ
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таковъ святой иранскій нашь обычай;
И стыдъ тому, кѣмъ будетъ онъ нарушенъ!
Такъ говорилъ Руستمъ, прибѣгнувъ
(Чтобъ отъ себя погибель отвратить)
Къ обману.—И, отвѣтствовать Зорабъ,
Не слыхивалъ, чтобъ гдѣ такой обычай
Водился; по скажи мнѣ, соблюдалъ ли
Его Руستمъ?—На это возразилъ
Руستمъ: какое дѣло намъ
До твоего Рустема? Если жъ
Ты хочешь знать, то и Руستمъ
Обычаю Ирана былъ покоренъ.
При этомъ словѣ опустилъ
Зорабъ кинжалъ, и руку подаль
Лежачему, чтобъ онъ съ земли поднялся.
Легко повѣрилъ онъ: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, какъ младенецъ, былъ онъ

Великодушень, какъ герой;
 А темная рука судьбы
 Его къ погибели стремилла неизбежно.
 Обманомъ спасшіи Рустемъ
 Негодовалъ, что для спасенья
 Былъ принужденъ обманъ употребить;
 Поднявшися съ земли, онъ отряхнулся,
 И противъ воли покраснѣлъ,
 Взглянувъ на сына; а Зорабъ
 Ему сказалъ съ усмѣшкой: отдохни,
 Мой старый богатырь; я скоро
 Опять здѣсь буду, и тогда,
 Какъ слѣдуетъ, пачагое мы кончимъ.
 Съѣвъ на коня, онъ поскакалъ
 Въ ту сторону, гдѣ по горѣ
 Туранское стояло строемъ войско;
 Вдругъ передъ нимъ вкочила аягилопа,—
 И весело за нею онъ погнался,
 Забывъ о близкомъ часѣ роковомъ.

книга девятая.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ТРЕТІЙ БОЙ.

I.

Рустемъ, избавясь отъ бѣды,
 Одинъ остался; нѣсколько мгновений
 Онъ былъ объять глубокой думой; вдругъ—
 Какъ будто что напомнилось ему—
 Пошелъ послѣднимъ шагомъ
 Къ потоку, гдѣ его могучій Громъ
 Подъ деревомъ привязанный стоялъ.
 Была недалеко оттуда
 Утесистая дебрь. И много лѣтъ
 Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой дебри
 Имѣлъ Рустемъ свиданье съ горнымъ духомъ.
 Въ то время былъ онъ одаренъ
 Такою непомѣрной силой,
 Что не врагамъ однимъ и самому
 Ему она была во вредъ:
 Его земля не выносила;
 Когда онъ шелъ по каменному кряжу,
 Какъ на нескѣ, глубокіе слѣды
 Отъ ногъ его на камняхъ оставались.
 Такъ нѣкогда съ тяжелою добычей
 Огнятою у турковъ, онъ
 Во мракѣ ночи пробирался
 Съ трудомъ великимъ тою дебрюю;
 При каждомъ шагѣ увязали
 Его по щиколотку ноги въ землю;

Онъ ее, какъ плугъ желѣзный, рыл.
 Вдругъ близъ него во тьмѣ раздался
 Осиный хохотъ. Кто хохочетъ? гнѣвно
 Спросилъ Рустемъ. Глухой отвѣтъ былъ: я!—
 «А ты кто?» — Горный духъ. — «Чему
 смѣнешся?» —

Смѣюсь тому, что ты, силачъ,
 Съ своей не можешь сладить силой;
 Она чрезмѣрна для тебя.
 Отдай на сохраненье мнѣ
 Я излишекъ; если—
 Когда отъ лѣтъ твоихъ разслабнуть члены—
 Она тебѣ понадобится снова,
 Приди сюда и кликни—я откликнусь,
 И отъ меня ее сполна опять
 Получишь ты безпрекословно.
 И духу горному Рустемъ
 На сбереженье отдалъ
 Излишекъ силы. И теперь,
 Когда отъ лѣтъ его разслабн члены,
 Пришелъ онъ въ дебрь, у духа взять
 Обрато въ вѣрннй залогъ;
 Онъ чувствовалъ, что силой половинной
 Ему не одолѣть Зораба.
 И въ ярости съ собой онъ говорилъ:
 Онъ жить не долженъ; имъ въ виду
 Права былъ я опозоренъ;
 Онъ смѣлъ колѣномъ стать на грудь
 Упавшаго къ ногамъ его Рустема;
 И имъ къ постыдному обману
 Рустемъ, долотѣ безпорочный,
 Былъ приневоленъ, чтобъ спасти
 Свою обруганную жизнь.
 Не потерплю, не потерплю,
 Чтобъ на одной землѣ со мною
 Хоть мигъ одинъ могъ продышать
 Создатель моего позора.

II.

Такъ думалъ онъ, вступая въ глубину
 Утесистой, пустынной дебри.
 Тамъ на престолѣ скалъ мохнатыхъ
 Сидѣлъ могучій духъ. И онъ увидѣлъ,
 Что кто-то, мрачный, озираель
 По сторонамъ, уцѣляемъ шель;
 И понялъ духъ, что путникъ
 Некаль свиданья съ нимъ; густою мглой
 Была его покрыта голова,
 Какъ шлемомъ; онъ дохнулъ, и мгла

Слетѣла съ головы; и духъ
 Сталъ видимъ, хмурый и туманный;
 И онъ спросилъ: къ кому пришелъ ты?—
 Къ тебѣ, отвѣтствовалъ Рустемъ.
 Я узнаю тебя; ты все таковъ же,
 Какимъ давно на этомъ мѣстѣ
 Со мною встрѣтился впервые;
 Не угарѣлъ, не посядѣлъ; а ты
 Меня узналъ ли?—Темный духъ
 Отвѣтствовалъ: съ трудомъ; ты сталъ
 И старъ, и сѣдъ. Скажи жъ, зачѣмъ тебя
 Твои хилбюющія ноги
 Въ мою пустыню принесли?
 Рустемъ сказалъ: отдай обратно
 Мою мнѣ силу. И донынѣ
 Доволенъ былъ однимъ ея участкомъ;
 Теперь она пужна мнѣ вся.
 Отдай мнѣ, духъ, ея излишекъ,
 Оставленный тебѣ на сохраненье.
 Духъ отвѣчалъ: Рустемъ, навѣки
 Теряешь силу человекъ,
 Когда она его сама съ годами,
 Медлительно, несдержимо
 И невозвратно покидаетъ;
 Но ты свою мнѣ силу,
 Во цвѣтъ лѣтъ, по доброй волѣ
 На сбереженье отдать самъ—
 И мной тебѣ она сбережена;
 Въ груди гранита моего
 Цѣлѣе, чѣмъ въ твоей груди,
 Незмѣннная, она
 Лежитъ. Но для чего, Рустемъ,
 На плечи дряхлыхъ свои
 Такой великій грузъ ты хочешь
 Такъ поздно возложить? Остерегись,
 Сбдой боецъ; ты на себя
 Кладешь бѣду. Твое желанье
 Исполнить я не отрекуся,
 И если ты рѣшился твердо
 Взять отъ меня залогъ свой роковой,
 Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
 А на губительное дѣло.
 Еще не поздно; мой совѣтъ
 Спасителенъ; прими его, Рустемъ:
 Оставь свою въ покоѣ силу;
 Ты славныхъ дѣлъ немало совершилъ—
 Доволенъ будь; страшуся я,
 Что на себя своимъ послѣднимъ дѣломъ
 Ты бѣдствіе великое накличешь,

И самъ своею силой
 Свою погубишь силу.

III.

Тѣмъ временемъ Зорабъ, съ охоты
 На мѣсто боя возвратясь,
 Въ недоумѣніи стоялъ и озирался—
 Рустема не было. И онъ не зналъ,
 Дождаться ли его или удалиться.
 А съ пеба день ужъ начиналъ
 Сходить, и тѣни становились
 Длиннѣе. Но... Зорабовъ часъ ударилъ;
 Зорабъ остался; онъ подумалъ:
 «Сперникъ мой меня
 Здѣсь дозго утромъ ждалъ—
 Я вечеромъ его дождаться долженъ.
 А вечеръ вышелъ не таковъ,
 Какимъ его намъ утро обѣщало,
 И солнце сѣло, въ небесахъ
 Зарю кровавую оставя.
 Но гдѣ же онъ?..» И въ этотъ мигъ
 На заревѣ заката отразился,
 Какъ темный метеоръ, огромный станъ
 Зорабъ невольно содрогнулся. [Рустема;
 Какъ будто чародѣйной силой
 Преображенный, чудно
 Блнстающій, помолодѣлый,
 Представился очамъ его Рустемъ.
 Онъ на него глядѣлъ въ недоумѣньи,
 И, не посмѣвъ спросить, гдѣ онъ такъ долго
 Промедлялъ, шопотомъ сказалъ: должны ли
 Мы продолжать? До наступленья ночи
 Успѣемъ ли?.. Усибѣмъ, перебилъ
 Его слова Рустемъ сурово.
 И вышли—яростный отецъ
 На сына съ силою двойною,
 И на отца оторопѣлый сынъ
 Съ полуразрушенною силой.
 Восходить день, когда нисходить ночь,
 Восходить ночь, когда нисходить день—
 Такъ и теперь настала чередъ Рустему.
 Вечерней мглою затянувшись,
 День удалившийся простеръ
 Полутуманное мерцанье
 Надъ мѣстомъ бѣдствія и крови;
 Два воинства стояли тамъ
 Безмолвными свидѣтелями боя...
 Но какъ онъ былъ? И что свершилось?
 Того ни чье не зрѣло око...

Они сошлись—и вмгъ всему конецъ;
 Руستمъ рвануль—Зорабъ упалъ къ его
 ногамъ;
 Руستمъ дагнуль—и въ грудь Зораба
 Глубоко врѣзался кинжалъ.

IV.

Зорабъ, смертельно пораженный,
 Сказалъ: о ты, невѣрный обольститель!
 Такая ль отъ тебя награда

За то, что былъ ты мною пощажень?

Ты небылицей о Руستمъ,

Ты мнѣмъ Рустема жизнь мою,
 Какъ воръ ночной, укралъ. Но будь

Ты птицей въ воздухъ или рыбою въ водѣ,

Не избѣжишь, хоти и въ гробѣ

Лежать я буду, мщенья отъ Рустема,

Когда раздастся всюду слухъ

(А отъ раздастся скоро),

Что здѣсь предательски зарѣзанъ

Тобою сынъ Рустема и Темнины.

Отъ этихъ словъ затрепеталъ

Руستمъ, какъ будто вдругъ ударомъ грома

Пронзенный, съ головы до ногъ.

Что говоришь ты, сынъ бѣды?

Воскликнулъ отъ. Скорѣ отвѣчай:

Кто твой отецъ?—Я сынъ Рустема и
 Темнины.

Съ блеснувшей гордостью на блѣдномъ
 Лицѣ сказалъ Зорабъ.

Отецъ мой стражъ Ирана многославный;

А мать моя краса и слава Семснгама.

И сю былъ сюда я посланъ

Отыскивать отца, столь много дѣтъ

Съ ней разлученнаго. Чтобъ могъ

Меня Руستمъ признать за сына,

Я долженъ былъ ему повязку, на прощальи

Имъ данную Темниѣ, показать;

И чтобъ оберечь се вѣрнѣй,

Не на рукѣ, а на груди

Всегда носилъ я ту повязку;

Открой мнѣ грудь—увидишь самъ.

Такъ говорилъ отъ; отъ страдающа

Душа рвалася изъ Рустема.

Дрожа, какъ листъ, одежду отъ раскрылъ...

И тамъ (увидѣлъ отъ) сидѣлъ,

Какъ жаба черная на бѣлыхъ розахъ,

Въ груди кинжалъ, до рукояти

Въ нее вонзенный, какъ въ поны.

Его Руستمъ изъ рапы вынулъ;

И быстро побѣжала съ жизнью

Струя горячей крови;

И яркимъ пурпуромъ ея

Рустемова повязка облясла.

Отъ поблѣдѣлъ, ее увиди,

И глухо прошепталъ,

Какъ будто задушенный:

Зорабъ, ты слышь мой... я Руستمъ!

V.

И долго, ужасомъ окамененный,

Смотрѣлъ отъ мутными глазами

На сына. Вдругъ отъ дико застопалъ...

Такъ стонеть тигръ: въ кусты залезши,

Ярмый жаждой крови, ждеть отъ,

Чтобъ мимо быкъ изъ стада пробѣжалъ

Его когтямъ въ добычу.

И вдругъ его единственный тигренокъ,

Имъ въ логѣ брошенный, шумя

Въ кустахъ, бѣжитъ: и на него,

Сѣпной отъ голода, отецъ въ остервененіи

Бросается, его когтями

На части рветъ и вдругъ,

Узнавши, кто такъ жалко

Тренецетя подъ лапами его,

Пускаетъ стоить, какого никогда

Не издавалъ дотолѣ, стоить

Разорваннаго сердцемъ тигра—

Таковъ былъ страшный стонъ Рустема;

Такъ застопавъ, со вѣхъ отъ ногъ,

Какъ будто вдругъ убитый наповаль,

На сына грянулся. Всю память поте-
 ривъ,

Впервые сердцемъ сокрушенный,

Недвижимымъ, окостѣлымъ

Лежалъ отъ мертвецомъ. Его холодной

Рукою стиснутый, смертельно блѣдный,

Смертельно раненый, лежалъ съ нимъ

Еще его лилася кровь, [рядомъ сынъ;

Еще приподымало грудь ему

Дыханіе; отъ чувствовалъ; отъ видѣлъ;

Отъ радовался, умирая,

Что близко былъ отецъ,

Его отецъ, его убійца,

Котораго такъ жадно отъ желалъ,

Такъ сплился найти, и, наконецъ, такъ

страшно

Нашелъ... И отъ теперь (какъ наканунѣ

Ему привидѣлось во снѣ)
 Въ его объятяхъ лежалъ съ любовью
 дѣтской.

VI.

Тѣмъ временемъ, не видя ничего,
 Въ вечернемъ мракѣ оба войска
 Стояли, молча. Вдругъ отъ мѣста боеваго
 Дошелъ до нихъ протяжный стонъ;
 И все опять утихло;
 И каждый угадалъ,
 Что тамъ бѣда великая свершилась.
 Но долго заглянуть туда
 Не смѣлъ никто; когда же, наконецъ,
 Напались отважные и подойти
 Дерзнули къ мѣсту роковому,
 Они сперва тамъ встрѣтили коней,
 Подъ деревомъ стоявшихъ праздно.
 Увидя, что престолъ Рустемовъ Громъ
 Былъ пустъ, они пришли въ великій ужасъ,
 И опростыю въ станъ
 Всѣ бросились, крича: Рустемъ
 Убить! на Громъ иѣтъ Рустема!
 Тогда нашелъ на войско трепеть;
 Какъ море въ бурю, тяжело, глубоко
 Оно завоевалось; страшный
 Мятежъ въ немъ загремѣлъ;
 И шумною волною
 Оно все хлынуло впередъ.
 Но прежде, чѣмъ оно прийти успѣло къ
 Достигъ туда его далекій шумъ; [мѣсту,
 И имъ Рустемъ близъ сына
 Отъ сна смертельнаго къ смертельному
 Былъ пробужденъ; и тяжело [страданью
 Онъ застоналъ—но тихимъ словомъ сынъ
 Его смирилъ. Последнее дыханье,
 Последній свѣтъ души своей онъ собралъ,
 И на его блѣднѣющихъ устахъ
 Чуть слышную музыкой зазвучала
 Прискорбно-сладостная рѣчь;
 И тихо рѣчь лилась,
 Какъ теплая, слабѣющая кровь,
 Все медленнѣй бѣжавшая изъ груди.

VII.

«Отецъ, пока еще во мнѣ
 Есть жизнь, пока еще отсюда
 Никто не подошелъ—къ мнѣ словамъ
 Склони твой слухъ. О! лучшее изъ нихъ,

Мое сладчайшее, мной въ первый разъ
 Произносимое на свѣтѣ слово:
 Отецъ! произношу
 Въ послѣдній жизни часъ; имъ горечь
 Услаждена, за гордое желанье [смерти
 Но славъ подвиговъ достойнымъ
 Рустемовымъ назваться сыномъ,
 И за надежду нѣкогда съ нимъ вмѣстѣ
 Надъ всею властвовать землею,
 Которой самъ теперь я сталъ подвластенъ,
 Недорого я заплатилъ. О чѣмъ же,
 Рустемъ, крушишься? О! не плачь!
 Не ты, не ты меня убилъ;
 Въ утробѣ матери на то
 Я былъ звѣздами предназначенъ;
 На то и Синдъ напрасно ею
 Былъ посланъ, чтобъ отца мнѣ указать;
 На то и ты былъ долженъ Синда ночью
 Убить, чтобъ ужъ никто не могъ
 Насъ во-время другъ съ другомъ позна-
 Когда молва о гибели моей [комить.
 До милой матери достигнуть,
 Заплачетъ жалобно о сынѣ
 Безъ жалобъ на отца она.
 Ты ей пошли мои доспѣхи,
 И возврати повязку роковую,
 Напрасно данную тобою ей,
 А ея ибѣ; позволяй, чтобъ Баруманъ
 Назадъ отвѣтъ мой дружины съ миромъ,
 Онѣ сюда пришли за мною,
 И безъ меня къ сраженью не пойдутъ;
 Не метя Хеджиру за упорство,
 Съ какимъ онъ, вопреки
 Моимъ всемъ просьбамъ и угрозамъ,
 Тебя назвать отрекся... Ахъ! о томъ
 Я умолялъ напрасно и, тебя;
 Пускай вопли останутся Гудерсу
 Его все восемьдесятъ сыновей,
 Тогда, какъ твой единственный лежать
 Здѣсь будетъ мертвый; пусть владѣть
 Хеджиръ и Вѣлимъ замкомъ;
 Пускай и дѣва красоты,
 Представшая очамъ моимъ, какъ сонъ,
 Гурлаферидъ себя отдастъ Хеджиру,
 Но слово данное исполнить:
 Оплакать мой безвременный конецъ.
 Мое же тѣло повели
 Отнести въ Сабулъ и положить
 Туда, гдѣ все положены

Мои прославленные предки;
 А здѣсь пускай раскинуть надо мною
 Рустемовъ царственный шатеръ.
 Такъ навсегда съ землею я прощаюсь...
 Пришель, какъ молнія; ушелъ, какъ вѣ-
 терь...
 А ты, Рустемъ, въ послѣдній разъ теперь
 На отходящее дитя свое взгляни,
 И прежде, чѣмъ оно утратить силу слышать,
 Промолви вѣдухъ: Зорабъ, ты сынъ Рустема.

VIII.

Такъ, умирая, говорилъ
 Прекрасный юноша. Рустемъ молчалъ;
 Напрасно силился уста
 Онъ растворить, они загвождены
 Желѣзной судорогой были.
 И молча онъ смотрѣлъ, какъ тихо гасла
 Вдругъ догорѣвшая лампада.
 Такъ на послѣднюю струю
 Зари вечерней смотреть путникъ;
 Когда жъ п слѣдъ ея на небесахъ
 Исчезнетъ, одинокъ, въ пустынѣ темноты
 Онъ остается, и ему
 Ужъ никакое на пути
 Не руководствуетъ сіянье—
 Такъ для Рустема жизни сыгъ
 Съ душой Зораба газъ навѣки.
 Тѣмъ временемъ и громъ и шумъ
 Дружинъ обѣгущихъ приближался;
 Рустемъ въ разстройствѣ скорби
 Непетово отъ сына поднялся,
 И къ войску выступилъ навстрѣчу,
 Окровавленный, весь въ пылъ,
 Съ могильной блѣдностью лица,
 Обезображеннаго гюремъ.
 Его никто въ Иранѣ столь ужаснымъ
 Не видывалъ... но громозвучнымъ крикомъ
 По войску радость пробѣжала,
 Когда предъ нимъ Рустемъ, живой, явился.
 Такой подъемлетъ крикъ дружина,
 Увидя надъ собой внезапно
 Свою хоругвь, спасенную изъ рукъ
 Ея схватившаго врага:
 Она изорвана въ лохмотье,
 Но спасена. Такъ все заливовато
 Рустема встрѣтившее войско.
 И, ставъ предъ нимъ, растерзанный печалью,
 Томимый гордостью, волнуемый стыдомъ,

Рустемъ сказалъ: сюда, вожди Ирана,
 Сюда, вельможи Кейкавуса!
 Смотрите всѣ, какую службу
 Рустемъ Ирану отслужилъ;
 Вотъ онъ лежитъ, вамъ грозный богатырь;
 Моей рукой разрушенъ страхъ Ирана.
 Я много боевъ совершилъ,
 Я бился днемъ, я бился ночью,
 Но никогда еще я не припесъ
 Такой, какъ пынь, жертвы славы:
 Смотри, Иранъ! Рустемъ своей рукою
 Здѣсь за тебя убилъ роднаго сына.
 Такъ говорилъ Рустемъ, и голосъ
 Его не трепеталъ; и были сухи
 Его глаза; и былъ онъ странно тихъ.
 Тогда они увидѣли въ крови
 Простертаго героя молодого;
 Еще за часъ двѣгущій, какъ весла,
 Прекрасный, какъ живая роза,
 И полный силы, какъ орелъ—
 Теперь онъ передъ ихъ очами
 Лежалъ безгласный, недвижный,
 Покрытый блѣдностью смерти.
 Рустемъ взглянулъ ему въ лицо...
 Еще онъ живъ! воскликнулъ онъ;
 Скорѣй гонца отправьте къ шаху
 Молить, чтобъ мнѣ прислалъ немедля
 Три капли чуднаго бальзама,
 Всѣ исцѣляющаго раины,
 Который онъ всегда съ собой имѣеть...
 Три капли, чтобъ спасти Зораба,
 Чтобъ милый сынъ мнѣ живъ остался.

IX.

На крыльяхъ къ шаху прилетѣлъ
 Гонецъ, и такъ сказалъ: Рустемъ
 Убилъ Зораба, но Зорабъ
 Рустемовъ сынъ; о немъ отецъ
 Рыдаеть горько, и его печалью
 Всѣ пораженные, рыдаютъ; ими
 Къ тебѣ я присланъ, шахъ державный,
 Молить, чтобъ ты благоволилъ немедля
 Три капли дать бальзама,
 Который при себѣ
 Всегда имѣешь;
 Три капли, чтобъ спасти Зораба,
 Чтобъ живъ Рустему сынъ остался.
 Но шахъ отвѣтствовалъ на это,
 Не торюясь: благодаренье богу!

Руستمъ спасенъ, а врагъ нежить убитъ;
 Ему покойно, я тревожить
 Его не стану: вѣмъ моимъ бальзамомъ
 Пожертвовать готовъ я для Рустема;
 Но капли дать не согласусь для турка.
 Ирану и одной ужъ силы
 Рустемовой довольно черезъ мѣру;
 Когда же съ нимъ такой могучій
 Соединится съиъ, ихъ обоихъ
 Не выдержать Ирану.
 Но если такъ Руستمъ желаетъ,
 Чтобы я въ бѣдѣ ему помогъ,
 Пускай свою отлежитъ гордость,
 И самъ сюда придетъ,
 И проситъ милости у шаха на козѣняхъ.
 Голецъ, увидя, сколь упоренъ
 Былъ даръ, не сталъ терять безъ пользы
 И носившій съ его отвѣтомъ [словъ,
 Къ Рустему. При такомъ жестокомъ
 Отказѣ все пришла въ волнение
 Душа Рустемова; борьба
 Межъ скорбію и гордостью въ ней
 Такая началась, что паръ
 Отъ головы богатыря поднялся;
 Опъ судорожно трепеталъ;
 Не могъ пойти, не могъ остаться;
 Но, наконецъ, передъ судьбою
 Смиренно голову склонилъ,
 И въ землю пасть за сына передъ шахомъ
 Пошелъ... по десяти шаговъ переступить
 Онъ не успѣлъ, какъ ужъ его
 Настыгла вѣсть: все кончилось; Зорабу
 Теперь ничто не цужно, кромѣ гроба.

книга десятая.

РУСТЕМЪ.

I.

Руستمъ пришелъ обратно; тою порой
 Онъ ужъ мертвого покрыли.
 Была кругомъ тройная ночь:
 На небесахъ, въ душѣ отца,
 И въ скиинѣ пустой,
 Гдѣ такъ недавно
 Душа Зорабова сіяла —
 Поднявъ въ молчаніи покровъ,
 При слабомъ звѣздѣ сіяннѣ,
 Отецъ увидѣлъ
 Умершаго лицо:
 Оно отъ темноты,

Какъ блѣдный призракъ, отдѣлялось
 Своею смертною бѣлизной;
 И холодъ ужаса въ него проникъ;
 Покровъ на мертвого опять онъ наложилъ,
 И шопотомъ, какъ будто разбудить
 Заснувшаго остерегаясь,
 Сказалъ: я часто смерти
 Глядѣлъ въ глаза, и никогда
 Мнѣ не было предъ нею страшно,
 И никогда она не представлялась
 Мнѣ столь прекрасною, какъ здѣсь,
 На этомъ образѣ прекрасномъ...
 Но я теперь дрожу. О горе! горе
 Тебѣ, Руستمъ! Всей славою своею
 Не выкупишь ты этой милой жизни
 У смерти, ею завладѣвшей.
 Что подвиги твои теперь?
 Вѣдь прежніе послѣдній онозорилъ.
 О милый сынъ мой; сынъ моей души!
 Такую ль встрѣчу твой отецъ
 Тебѣ быть долженъ приготовить?
 Тебя съ младенчества привычалъ
 Погибельный, невѣрный призракъ;
 Рустемовы дѣла
 Въ твою гремѣли душу;
 Они къ отцу тебя стремили;
 Твою гордостью, надеждой,
 И радостью и жизнью было
 Упастъ на грудь отца... ты на нее упалъ,
 Но объ нее расшибся; ты насильно
 Въ мои объятія ворвался —
 И былъ въ нихъ задуманъ.
 Тебѣ я, какъ врагу, дивился,
 Завидовалъ... слѣпой безумецъ!
 Обманомъ я разжалобилъ твою
 Безхитростно-довѣрчивую душу,
 Чтобы у тебя украсть изъ рукъ
 Остатокъ дряхлой жизни,
 Маѣ самому теперь презрѣнной,
 И чтобы потомъ разбойнически младость
 Твою убить въ союзъ съ темной силой.
 И наконецъ я за тебя, мой сынъ,
 Пошелъ на стыдъ и униженіе,
 Пошелъ унасть къ ногамъ надменнымъ
 Но тѣмъ отъ рукъ желѣзныхъ смерти [шаха,
 Тебя не спасъ я... О! пусть будетъ этотъ
 Мирительный упиатъ за все, [стыдъ
 Что сотворилъ тебѣ въ обиду
 Отецъ твой... такъ рѣшили звѣзды:

Я возмечталъ до неба вознестися—
И было мнѣ, въ урокъ смиренья, небомъ
Ниспослано сыноубійство.

II.

Такъ сѣтоваль Рустемъ во тьмѣ почной.
И все вожди и все вельможи,
Съ нимъ вмѣстѣ сѣгую, сидѣли
Кругомъ его, забывши о вечерней
Транезѣ. Нхъ Рустемъ
Не замѣчалъ; онъ мертвыми очами
На сына мертвого глядѣлъ
И, роковую стиснулъ
Въ рукахъ повязку, такъ
Ей говорилъ: ты, золотая,
Холодная, коварная змѣя!
Ты сокровенностью своею,
Какъ жаломъ смерти ядовитымъ,
И сыну грудь пронзила,
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты во-время сама разорвалася
И выпала передо мною
Изъ-подъ одежды роковой!
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ осторожно
Тебя таялъ онъ на груди?
Зачѣмъ и ты сама ему
Такъ крѣпко обнимала грудь?
Увы! зачѣмъ и я съ такою
Неумолимостью отвергнулъ
Его горячія молитвы?
Зачѣмъ я такъ безжалостно покинулъ
Мою жену и вѣсти никакой
Ни о себѣ ей не давалъ,
И отъ нея имѣть не мыслилъ?
О! для чего она сама
Съ такой упорностью таила
Рожденье сына отъ меня?
А ты, мой конь, мой вѣрный Громъ!
Ты первая всему причина:
Зачѣмъ меня ты спящаго оставилъ
И въ руки туркамъ отдался,
И тѣмъ дорогу указалъ мнѣ
Къ погибельному Семенгаму?
Когда бы туда я не входилъ—
Я никому не даровалъ бы,
Ни у кого бы не отнялъ жизни.
Ахъ! конь мой, конь мой, въ черный день
Меня пошесъ ты на охоту—
Въ добычу намъ досталася Бѣда.

Теперь твоя окончилася служба;
Отнышѣ ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую.

III.

Такъ сѣтоваль во тьмѣ почной Рустемъ.
Настало утро. Самъ тогда
Явился шахъ. Рустему
Хотѣлъ сказать онъ слово утѣшенья,
Чтобъ своей отказъ жестокий оправдать;
Но было холоднѣй мороза
Его безчувственное слово.
Зачѣмъ, онъ говорилъ, ты здѣсь,
Ирана пехлеванъ великій,
Лежишь въ пыли и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы никакою нашей силой—
Хотя бы могли съ подошвы гору сдвинуть
Или шатеръ небесный повалить
На землю—не воротимъ
Ни одного ушедшаго съ земли.
За нашей жизнью—дичью легконогой
Гоняется охотникъ смерть;
Проворна жизнь, но смерть проворнѣй;
Она ее догонитъ наконецъ:
Послѣдній часъ всегда въ распахъ пасъ
Я самъ издадека дивился [ловить.
Его великой силѣ,
Его плечамъ широкимъ,
Его могучимъ членамъ
И исподшеской красотѣ;
И думалъ я: не уроженецъ
Турана этотъ богатырь;
Въ немъ кровь царей. Но могъ ли кто
Подумать и во снѣ, [пзъ насъ
Чтобъ былъ онъ сынъ Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
Въ Иранѣ отъ руки отца?
Теперь ему не пужень болѣ
Мой жизненный бальзамъ; по дорогимъ
Я ароматами покрою
Его безжизненное тѣло;
Великодушнымъ погребеньемъ
Его почту и въ немъ тебя, великій
Ирана пехлеванъ; и будетъ въ Истахарѣ
Надгробный памятникъ ему
Изъ золота и мрамора воздвигнуть.
Теперь мнѣ дай лицо его увидѣть.

IV.

Такъ говоря, онъ подошелъ,
 Чтобъ мертвому лицу открыть, по тяжелой
 Рукой прижалъ къ лицу покровъ Рустемъ;
 И, головы не подымая, шаху
 Сказалъ онъ: видѣть Кейкавусъ
 Рустемова не будетъ сына. Удались,
 Державный царь, оконченъ пиръ, гостямъ
 Здѣсь мѣста болѣе нѣтъ; а сына самъ я
 Похороню. Туранское же войско
 Пускай назадъ поидеть свободно:
 Его душа исчезла. Такъ же
 И ты, могучій Кейкавусъ,
 Не медли здѣсь; иди въ свой Истахаръ,
 И расскажи, когда тамъ будешь,
 Какую легкую побѣду
 Здѣсь одержалъ, и какъ разбито было
 Здѣсь войско цѣлое, когда убилъ я сына.
 Идите все; меня здѣсь одного
 Съ мнѣ оставьте сокрушеньемъ.
 Онъ замолчалъ, и отъ покрова
 Руки не отпаялъ, головы не поднималъ,
 И не взглянулъ на шаха; на землѣ
 Близъ сына онъ лежалъ, не отводи
 Отъ мертваго очей. Оборотись
 Къ вельможамъ и вождямъ, сказалъ
 Имъ Кейкавусъ: его желанье
 Исполнить мы должны; прискорбно видѣть,
 Какъ сътуетъ Ирана Нехлевапъ—
 Но мы ему помочь не въ силахъ; онъ
 желаетъ
 Остаться здѣсь одинъ; пойдемъ. И шахъ
 Пошелъ; и все пошли за нимъ,
 Храня молчаніе; и въ полѣ
 Рустемъодяиъ остался съ мертвымъ сыномъ.
 И векоръ все пришло въ движеніе войско;
 Шатры попадали, и шатъ исчезъ—
 Какъ будто міръ какой великій
 Разрушился. И все заколебалось;
 Знамена развернулись,
 Заржали звучно кони,
 Задрезжали трубы,
 Тимпаны загремѣли,
 Въ обратный путь пошли дружины.

V.

Съ земли подыавишия отъ сына,
 Рустемъ увидѣлъ вдаль
 Лишь только пылъ, подъемлемую войскомъ
 На краѣ небосклона; поле,

Гдѣ былъ разбитъ персикій шатъ,
 Ужь было пусто, одиноко
 Среди его стоялъ зеленый
 Шатеръ; а въ сторонѣ шатры Сабула,
 Гдѣ полководствовать Зеваръ.
 Рустемъ, къ себѣ призвавши брата,
 Ему сказалъ: теперь всему конецъ.
 Иди, Зеваръ, и отъ меня
 Турану миръ съ Ираномъ объяви.
 Хеджиру возврати свободу,
 И власть ему вручи надъ Бѣлымъ Замкомъ,
 Примолвишь: «отъ Зораба
 Въ награду за твою правдивость».
 Потомъ ты скажешь Баруману:
 «Зорабъ тебя за добрые совѣты
 И за любовь къ царю Афразибу
 Отсюда съ миромъ отпускаетъ».
 И самъ его до рубежей Турана
 Съ отборною сабульскою дружиною
 Потомъ ты проводи; когда жъ проводишь,
 Въ сосѣдній городъ Семенгамъ
 Иди и дочеря царя,
 Темишъ эту золотую
 Отдай повязку; но смотри,
 Чтобъ кровь съ нея не стерлась:
 То матери единственный остатокъ
 Отъ сына. Такъ же ей отдай
 И все Зорабовы доспѣхи—
 Пускай они печаль ея насытятъ;
 А ты, увидя, какъ она
 Безъ утolenья будетъ плакать,
 И рваться въ судорожномъ горѣ,
 И сына тѣстно призывать,
 Скажи въ отраду ей, какимъ
 Меня ты здѣсь оставилъ...
 Ты день пробудешь въ Семенгамѣ;
 Потомъ сюда о ней живу ю въѣтъ
 Миѣ принесешь. Иди жъ немедля;
 Я день и ночь тебя здѣсь буду ждать.
 Когда же возвратишься,
 Свое сокровище тебѣ я въѣрю,
 И ты его въ Сабулистанъ
 Отсюда съ честью понесешь,
 Рустемовымъ сонутетвѣемымъ войскомъ.

VI.

Немедленно Зеваръ пустился въ путь.
 Тогда сказалъ оставшимся Рустемъ:
 Принести сюда зеленый мой шатеръ!
 Отъ мѣста, на которомъ мною

Былъ сынъ убить, а не пойду.
 Но онъ живой хотѣлъ, чтобы надъ нимъ
 Стоялъ шатеръ отца — пускай надъ нимъ и
 Стоитъ онъ. И шатеръ воздвигся [мертвымъ
 Надъ юношей, спокойно погуженнымъ
 Въ непробудимый смерти сонъ,
 Его отецъ на пурпурный коверъ,
 Межъ ароматовъ благовопныхъ,
 Своими положилъ руками,
 Накрывъ парчой, потомъ всего
 Цвѣтами свѣжими осыпалъ —
 Такъ, окруженный прелестями жизни,
 Онъ тамъ лежалъ, объятый холодной смертью.
 Потомъ Рустемомъ похоронный
 Былъ учрежденъ обрядъ:
 Соединивъ передъ шатромъ
 Всю рать Сабунистана,
 Онъ повелѣлъ, чтобъ каждый день она —
 И поутру, когда выходило солнце,
 И ввечеру, когда садилось солнце —
 Торжественно, въ порядкѣ боевѣмъ,
 Знамена расцуетивъ,
 При звукѣ трубъ, съ тимпаннымъ громомъ,
 Въ сіяющихъ доспѣхахъ проходила
 Передъ шатромъ; и были гривы
 Коней обстрижены; тимпаны
 И трубы траурною тканью
 Обвиты, луковъ тетивы
 Ослаблены, и конья острыми
 Внизъ опрокинуты. Рустемъ
 Не ѣхалъ впередъ: надъ сыномъ
 Сидѣлъ онъ, скорбію согбенный,
 И съ мертвымъ, какъ съ живымъ,
 Бесѣду безотвѣтно велъ.
 Онъ утромъ говорилъ:
 «Зорабъ, мой сынъ,
 Звучить труба... ты слышишь».
 А вечеромъ онъ говорилъ:
 «Зорабъ, мой сынъ,
 Ужъ землю солнце покидаетъ;
 И ты покинешь скоро землю».
 Такъ девять сутокъ онъ провелъ
 Безъ сна, безъ лица,
 Неутѣшимой преданный печали.

VII.

Въ одинъ изъ этихъ сутокъ — былъ ужъ близко
 Разсвѣтъ зари — какъ неподвижный
 Желѣзный истуканъ, сидѣлъ
 Рустемъ во глубинѣ шатра

Надъ сыномъ, сонный и несонный; полы
 Шатра широко были
 Раздернуты; холоднымъ полусвѣтомъ
 Едва начинавшагося утра
 Чуть озаренное пустое небо
 Межъ ними было видно.... Будить
 На этой блѣдной пустотѣ
 Явился бѣлый образъ: отъ нея
 Онъ отдѣлился, и безшумно,
 Какъ будто вѣющей, проникъ
 Въ шатеръ... — то былъ прекрасный образъ
 Увидя мертвого, она [дѣвы.
 У ногъ его простерлася на землю,
 И не вставала долго,
 И слышалось въ молчаньи ночи
 Ея рыданіе, какъ лепетъ тихій
 Ручья. Съ земли поднявшись,
 Она приблизилася къ тѣлу
 И, сплывъ съ лица покровъ,
 Смотрѣла долго
 На блѣдное лицо,
 Которымъ (безотвѣтно
 На все земное) обладала смерть:
 Зажаты были очи, нѣмы
 Уста, и холодно, какъ мраморъ,
 Чело. Она его въ чело, уста и очи
 Поцѣловала, на голову свѣжій
 Вѣнокъ изъ розъ и лавровъ положила,
 Потомъ, лицо опять одѣвъ
 Покровомъ, тихо удалилася,
 И въ воздухѣ починомъ,
 Какъ будто съ нимъ сѣянная, пропала.
 И стало пусто
 Опять въ шатрѣ, лишь на востокѣ
 Багряный сдѣлалася небо,
 И одиноко тамъ горѣла
 Денницы тихая звѣзда.
 Рустемъ не зналъ, что видѣлось ему;
 Въ безсонномъ забытій сидѣлъ онъ,
 И думалъ смутно: это сонъ.
 Когда жъ при восхожденіи солнца
 Онъ снялъ съ умершаго покровъ,
 Чтобъ утренній привѣтъ свой
 Ему сказать — на головѣ его
 Увидѣлъ онъ вѣнокъ изъ розъ и лавровъ.

VIII.

Въ десятый день изъ Семелгама
 Зеваръ съ дружиной возвратился.
 Вступивъ въ шатеръ, увидѣлъ онъ,

Что тамъ сдѣль падь мертвымъ сыномъ
 Руستمъ, припикнувъ головою
 Къ его холодному челу—
 И волосы его сѣдые
 Лежали въ дикомъ безпорядкѣ
 На блѣдныхъ мертваго щекахъ.
 При входѣ брата, приподнялъ
 Опъ голову. Зеваръ
 На тѣло, молча, положилъ
 Окровавленную повязку.
 При этомъ видѣ содрогнувшись,
 Руستمъ спросилъ: зачѣмъ, мой братъ Зе-
 Принесъ назадъ мою повязку?— [варъ,
 Зеваръ отвѣтствовалъ: тамъ никому
 Она ужъ болѣ не нужна.—Пошавъ
 Значенье этихъ словъ, въ молчаньи
 Прижалъ опять лицо свое Руستمъ
 Къ челу Зораба. И никто
 Не смѣлъ его ужаснаго покои
 Нарушить. На другое утро,
 Когда, съ зарей поднявшись,
 Все войско стало въ строй, Руستمъ,
 Всю ночь безъ сна проведши
 Надъ сыномъ, такъ сказалъ Зевару:
 Зеваръ, мой братъ, теперь шатеръ зеленый
 Надъ головой моею опрокиньте,
 И отъ меня возьмите прочь Зораба;
 Но прежде привести сюда
 Его коня. Когда же конь
 Былъ приведенъ—какъ будто отъ недуга
 Шатаясь, сокрушенный, блѣдный
 Онъ вышелъ изъ шатра.....
 И онъ залакалъ взрыдь,
 Когда коня безъ сѣдока
 Передъ собой увидѣлъ. Полю
 Шатра отдернувъ,
 На господина мертваго коню
 Онъ указалъ. Въ шатеръ взглянувши
 Могучій конь оторопѣлъ, [быстро,
 Его поинкла голова
 И до земли упала грива.
 Объяви руками
 Обнявши голову его, Руستمъ
 Ея поцѣловалъ, потомъ
 Коню, сложивъ съ него узду,
 Сказалъ: отнынѣ никому
 Ты не служи, Зораборъ конь;
 Ты воленъ. Понялъ конь разумный
 Его слова: онъ жалобно и грозно

Заржалъ, ужасно прыпулъ
 Въ бокъ отъ шатра, и вихремъ побѣжалъ,
 И скрылся—и его съ тѣхъ поръ
 Никто нигдѣ не встрѣтилъ.
 Руستمъ, оборотясь къ брату,
 Ему сказалъ: тебѣ, мой братъ Зеваръ,
 И войску моему я сына
 Передаю; въ Сабулистанъ
 Несите сына моего;
 Тамъ на кладбищѣ царскомъ,
 Гдѣ я охотно легъ бы, если бъ могъ
 Тѣмъ пробудить его отъ смерти,
 Пусть будетъ съ предками своимъ
 Онъ въ землю положенъ.
 А нашей матери, такъ часто
 Желавшей внуковъ отъ Рустема,
 Скажи, Зеваръ, что я прислалъ ей внука,
 Что въ красотѣ души и тѣла,
 Въ отважности и въ силѣ богатырской—
 Ему подобнаго земля
 Съ созданья не видала;
 Что былъ бы онъ во всемъ по сердцу ей,
 Когда бъ въ немъ только одного
 Порока не было—кичкала,
 Ему во грудь вонзеннаго отцомъ.
 Идите. Я остаюсь здѣсь.—
 Зачѣмъ остаюсь? Что со мною будетъ?
 О томъ узнать никто не любопытствуй.
 Поклонъ прощальный отъ меня
 Отдайте царству и народу.
 Тебѣ, Зеваръ, я поручаю
 Мое исполнить завѣщанье; самъ же
 Въ Сабуль я не пойду: я не могу увидѣть
 Ни матери, ни сродниковъ, ни ближнихъ;
 Въ пустынь, самого себя [здѣсь,
 Хочу размыкать я, и змѣя—
 Грызущее мнѣ душу горе—
 Убить. То будетъ мой послѣдній,
 Мой самый трудный подвигъ: змѣй
 Свирѣбн, онъ дышетъ пламенемъ и ядомъ.
 Идите жъ; добрый путь вамъ, будьте
 Всѣ счастливы, и не крушитесь,
 Что, въ слѣдъ за мной сюда пришедши,
 Назадъ пойдете безъ меня,
 Такъ должно быть. Простите;
 Когда же о Руستمѣ
 Тамъ станутъ говорить и спросять:
 Куда пошелъ Руستمъ?
 Отвѣтствуйте: не знаемъ.

1842—1849.

ГОМЕРОВА ОДИССЕЯ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

СВОЙ ТРУДЪ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ ПОЧТЕНИЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

В. Жуновскій.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА.

.....
Вы спросите, какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею, не зная греческаго языка, и изъ мечтателя романтика сдѣлаться трезвымъ классикомъ? Вотъ вамъ простой отвѣтъ: перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, я захотѣлъ повеселить душу *первобытною* поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ живо творитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремится ни въ какую туманную даль. Старость — второе ребячество; подъ старость любишь рассказы; поэтому и мнѣ захотѣлось присосѣдиться къ простодушнѣйшему изъ всѣхъ рассказчиковъ, и, не имѣя въ запасѣ собственныхъ басенъ, повторить по-русски его греческія стародавнія басни. Однимъ словомъ, цѣль моя была: потѣшить самого себя на просторѣ поэтической болтовни; это мнѣ и удалось: XII пѣснь Одиссея кончены; были бы кончены и всѣ XXIV, но въ послѣдніе два года всякаго рода тревоги помѣ-

шали мнѣ приняться за продолженіе труда моего. Пока моя главная цѣль достигнута, муза Гомерова озолотила много часовъ моей устарѣлой жизни; но то, что меня самого такъ сладостно, такъ беззаботно утѣшало, будетъ ли утѣхою и для читателей соотечественниковъ, съ которыми хочу подѣляться своими сокровищами, занятыми у Гомера? Не знаю. Если это случится — то меня будетъ радовать мысль, что на Руси останется твердый памятникъ поэтической моей жизни. Быть вѣрнымъ представителемъ Гомера... но какъ же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языкомъ его по-русски? Это и долженъ вамъ объяснить. Мнѣ помогла нѣмецкая совѣстная, трудолюбивая ученость. Въ Дюссельдерфѣ (гдѣ я провелъ три года) я нашелъ профессора Грасгофа, великаго эллиниста, который въ особенности занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочь моему невѣжеству. Собственноручно, весьма четко, онъ переписалъ мнѣ въ оригиналъ всю Одиссею; подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово, и подъ каждымъ нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго. Такимъ образомъ, я могъ имѣть передъ собою весь бук-

вальный смысл Одиссея и имѣлъ передъ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были, такъ сказать, собраны передо мною все материалы зданія; не доставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоитъ собственно трудъ мой: мнѣ надлежало изъ даднаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутвемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ, терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней фізіономіи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ называться произведеніемъ оригинальнымъ. На вопросъ: имѣлъ ли я усѣхъ? самъ не могу быть себѣ судьей, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера — спросите у него, доволенъ ли онъ своимъ гиперборейскимъ представителемъ, и сообщите мнѣ его мнѣніе. Я старался переводить слово въ слово, сколько это возможно безъ насилія языку (отъ чего вѣрность рабская становится часто рабскою измѣною), слѣдовало за каждымъ словомъ и въ особенности старался сохранить ихъ *мысль въ стихѣ* тѣмъ словамъ, которыя на этомъ мѣстѣ производятъ особенное поэтическое дѣйствіе. Повторю здѣсь то, что сказалъ о трудѣ моемъ въ другомъ мѣстѣ: «Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, *не первобытномъ*, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работою искусства. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ младенецъ, видѣвшій во снѣ все, что есть чуднаго на землѣ и небесахъ, и лепечущій объ этомъ звонкимъ ребяческимъ голосомъ на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, широкая, свѣтлая рѣка безъ волнъ, отражающая чисто и вѣрно и небо, и берега, и все, что на берегахъ живетъ и движется; видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристалль, отражающій, какъ будто

«не существуетъ: око его не чувствуетъ. «Переводъ Гомера (и въ особенности «Одиссею), недалеко уйдешь, если займешься фортуною каждаго стиха отдѣльно; ибо у него, т. е. у Гомера, нѣтъ «отдѣльно разительныхъ стиховъ, а есть «потокъ ихъ, который надобно схватить «*весь* во всей его полнотѣ и свѣтлости: «надобно сохранять каждому стиху его «фізіономію, но такъ, чтобы его отдѣльность сливалась съ стройностію цѣлаго «и въ ней исчезала. И въ выборѣ «словъ надлежитъ наблюдать особеннаго «рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, запосичное слово «потому именно и не годится для Гомера; «все, имѣющее видъ повизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное — здѣсь не у мѣста; оно есть, «такъ сказать, апахронизмъ; надобно «возвратиться къ языку первобытному, «потерявшему уже свою свѣжесть потому, «что все его употребляли, замѣтуясь «у протѣи поэзіи; надобно этому облетѣшалоу, изношенному языку возвратитъ «его первоначальную свѣжесть и новостъ, «и отказаться отъ всехъ нововведеній, «какими языкъ поэтической, удаляясь «отъ простоты первобытной, но необходимости замѣнилъ эту младенческую «простоту. Однимъ словомъ, переводъ Гомера, надобно отказаться отъ всякаго щегольства, отъ всякой украшенности, отъ всякаго покушенія на эффектъ, отъ всякаго кокетства; надобно производить дѣйствіе неощутительно цѣлымъ, простою, «неразительностію, непримѣтною выраженной, стройностію широкихъ, обильныхъ періодовъ, иногда прерываемыхъ, «какъ будто безъ намѣренія, отдѣльными «стихами, мало блестящими, такъ, чтобы «каждый стихъ въ періодѣ и каждое слово «въ стихѣ составляли одну общую гармонію, не нарушая ея никакимъ отдѣльнымъ, разительнымъ, часто дикимъ, звукомъ. Это работа весьма трудная; для нея нѣтъ ясныхъ правилъ; должно руководствоваться однимъ чутвемъ; и для «меня эта работа была тѣмъ труднѣе,

«что я, въ этомъ отношеніи не могъ
«согласоваться съ оригиналомъ, ибо его
«не знаю, а могъ только его угадывать.
«Но зато какое очарованіе въ этой ра-
«ботѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ
«вздоховъ Ападіоны, раждающейся изъ
«пѣны моря (ибо она есть символъ Го-
«меровской поэзіи)—въ этомъ простодушіи
«слова, въ этой первобытности нравовъ,
«въ этой смѣси дикаго съ высокимъ и
«вредестнымъ, въ этой живописности
«безъ излишества, въ этой незатѣйли-
«вости и непорочности выраженія, въ
«этой болтовнѣ часто чрезучуръ избыль-
«пой, но принадлежащей характеру без-
«искусственности и простоты, и въ осо-
«бенности въ этой меланхоліи, которая
«нечувствительно, безъ вѣдома поэта, ки-
«пящаго и живущаго съ окружающимъ
«его міромъ, все проникаетъ, ибо эта
«меланхолія не есть дѣло фантазіи, сози-
«дающей произвольно грустныя сѣтованія,
«а заключается въ самой природѣ вещей
«тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло
«жизнь, пластически могучую въ на-
«стоящемъ; но и все было ничтожно,
«ибо душа не имѣла за границею міра
«никакого *будущаго* и улетала съ земли
«безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ
«безсмертіе, посреди этого кичливѣй жизни
«настоящей, никому не шептала своихъ
«великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній».
Вотъ вамъ моя поэтическая исповѣдь.
Прибавлю: я вездѣ старался сохранить
простой, сказочный языкъ, избѣгая всякой
пятиязыки; пользоваться, гдѣ могъ, возвы-
шенностію церковно-славянскаго діалекта,
но строго держался языка русскаго, при-
своеннаго общимъ употребленіемъ; и по
возможности соглашалъ его формы съ фор-
мами оригинала (которыя всѣ матеріально
для меня сохранены въ переводѣ под-
строчномъ), соглашалъ такъ, чтобы Го-
меровскій стихъ былъ опутителенъ въ
стихѣ русскомъ, не принуждая его кри-
вляться по-гречески.

О Д И С С Е Я.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Первый день.

Собраніе боговъ. Они опредѣляютъ, что
Одиссей, преслѣдуемый Посидономъ и про-
тивъ воли удерживаемый нимфою Калипсо
на островѣ Огигія, долженъ, наконецъ, воз-
вратиться въ свое отечество Итаку. Афина,
подъ видомъ Ментеса, является Телемаку и
даетъ ему совѣтъ посѣтить Пилосъ и Спарту
и выгнать жениховъ Пенелопы изъ Одиссеева
дома. Телемакъ въ первый разъ говоритъ
рѣшительно съ матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ
музѣ, который,
Странствуя долго со дня, какъ святой
Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи
видѣлъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ,
о спасеніи заботясь
5 Жизни своей и возвратѣ въ отчизну со-
путниковъ; тщетны
Были однако заботы, не сласть онъ со-
путниковъ: сами
Гибель они на себя навлекли святотат-
ствъ м , безумцы,
Съѣвши быковъ Геліоса, надъ нами хо-
дящаго бога—
День возврата у нихъ онъ похитилъ.
Скажи же объ этомъ
10 Что-нибудь намъ, о Зевсеева дочь, благо-
склонная Муза.
Всѣ ужъ другіе, погибели вѣрной избѣг-
шіе, были
Дома, избѣгнувъ и браги и моря; его
лншь, разлукой
Съ милой женой и отчизной крушимаго,
въ гротѣ глубокомъ
Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь,
произвольной
15 Силой держала, напрасно желая, чтобъ
близъ ей супругомъ.
Но когда, наконецъ, обращеніемъ время
приведенъ былъ

Годъ, въ который ему возвратиться на-
значили боги
Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ
объятіяхъ вѣрныхъ друзей онъ
Все не избѣгъ отъ тревогъ), преполо-
нились жалостью боги
20 Все; Посидонъ лишь единый упорство-
валъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ
отчизны.
Но въ то время онъ былъ въ отдаленной
странѣ своіоновъ,
(Крайнихъ людей, поселенныхъ двоюко:
одни, гдѣ психодить
Богъ свѣтоносный, другіе, гдѣ входить),
чтобъ тамъ отъ народа
25 Пышную тучныхъ быковъ и барановъ
принять экагомбу.
Тамъ онъ, сидя на пиру, веселился; дру-
гіе же боги
Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ со-
браны были.
Съ ними людей и бессмертныхъ отецъ
начинаетъ бесѣду;
Въ мысляхъ его былъ Эгистъ безпороч-
ный (его же Атридовъ
30 Сынъ, знаменитый Орестъ умертвилъ); и
о немъ помышляя,
Слово къ собранью боговъ обращаетъ Зе-
весь Олимпіецъ:
Странно, какъ смертные люди за все насъ
боговъ обвиняютъ!
Зло отъ насъ утверждаютъ они; но не
сами ли часто
Гибель, судьбѣ вопреки, на себя навле-
каютъ безумствомъ?
35 Такъ и Эгистъ: не судьбѣ ль вопреки
онъ супругу Атрида
Взялъ, умертвивши его самого при воз-
вратѣ въ отчизну?
Гибель онъ вѣрную вѣдалъ; отъ насъ
былъ къ нему остроокій
Эрмій, губитель Аргуса, непосланъ, чтобъ
онъ на убійство
Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака
съ женой воздержался.
40 «Местъ за Атрида свершится рукою Ор-
еста, когда онъ

Въ домъ свой вступить, возмужавъ, какъ
наслѣдникъ, захочетъ», такъ было
Сказано Эрміемъ — тщетно! не тронуть
Эгистова сердца
Богъ благосклонный свѣтомъ, и разомъ
за все заплатилъ онъ.
Тутъ свѣтлокая Зевсова дочь Аоннея
Паллада
45 Зевеу сказала: отецъ нашъ, Крононъ,
верховный владыка,
Правда твоя, заслужилъ онъ погубель, и
такъ да погибнетъ
Каждый подобный злодѣй! но теперь со-
крушаетъ мнѣ сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитро-
умный; давно онъ
Страждетъ, въ разлукѣ съ своимъ, на
островѣ, волнообъятомъ
50 Пулъ широкаго моря, лѣсистомъ, гдѣ
властвуетъ нимфа,
Дочь кознопѣя Атланта, которому вѣдомы
моря
Все глубины и который одинъ подни-
раетъ громаду
Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигаю-
щихъ небо и землю.
Силою Атланта дочь Одиссея, люющаго
слезы,
55 Держитъ, волшебствомъ коварно-ласка-
тельныхъ словъ объ Итакѣ
Память надѣясь въ немъ исгребить. Но,
напрасно желая
Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ
вдалекѣ восходящій,
Смерти единой онъ молитъ. Ужель не
войдетъ состраданье
Въ сердце твое, Олимпіецъ? Тебя ль не
довольно дарами
60 Чтлѣ онъ въ Троянской землѣ, посреди
кораблей тамъ ахейскихъ
Жертвы тебѣ совершая? За что жъ ты
разгнѣванъ, Крононъ?
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ соби-
ратель Крононъ:
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у
тебя излетѣло.
Я позабылъ Одиссея, бессмертнымъ по-
добнаго мужа,

- 65 Столь отличнаго въ сонмѣ людей и умомъ и усерднымъ Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ? Нѣтъ! Посидонъ, обволнитель земли, съ нимъ упрно враждуетъ, Все негодуя за то, что циклопъ Полифемъ богоравный Имъ ослѣпилъ: пзъ циклоповъ свлнѣйшей, Фобозю нимфой.
- 70 Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря, Былъ онъ рожденъ отъ ея съ Посидономъ союза въ глубокомъ Гротѣ. Хотя колебатель земли Посидонъ Одессея Смерти предать и не властепъ, но, по морю всюду гоняя, Все отъ Итаки его онь отводить. Размыслимъ же вмѣстѣ,
- 75 Какъ бы отчизну ему возвратить. Посидонъ откажется Долженъ отъ гнѣва: одинъ со всѣми безсмертными въ спорѣ, Вѣчнымъ богамъ вопреки, безъ успѣха онь злобетвовать будетъ. Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аоннея Паллада Зевсу сказала: отецъ нашъ, Крононъ, верховный владыка!
- 80 Если угодно блаженнымъ богамъ, чтобъ увидѣть отчизну Могъ Одиссей хитроумный, то Эрмій Аргусо-убійца, Воли боговъ совершитель, пусть будетъ на островѣ Огнискій Къ нимфѣ прекрасокудрявой пнесоламанъ отъ насъ возвѣстить ей Нашъ приговоръ неизмѣнный, что срокъ наступилъ возвратиться
- 85 Въ землю свою Одиссею, въ бѣдахъ постоинному. И же Прямо въ Итаку пойду возбудить въ Одиссеевомъ смнѣ Гнѣвъ и отважностью сердце его преисполнить, чтобъ сзавалъ Онъ на совѣтъ густовласыхъ ахейнъ и въ демъ Одиссеевъ
- Входъ запретилъ женихамъ, у него безпощадно губящимъ
- 90 Мелкій скотъ и быковъ кривоногихъ и медленпоходныхъ Спарту и Пилосъ песчаный потомъ поѣхать онь, чтобъ свѣдать, Нѣтъ ли тамъ слуховъ о мнломъ отцѣ и его возвращеньи, Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава. Колчивъ, она привязала къ погамъ золотыя подошвы,
- 95 Амврозіальныя, всюду ее надъ водой п надъ твердымъ Лопомъ земли безпредѣльныя легкимъ посяція вѣтромъ; Послѣ взяла боевое копье, заопренное мѣдью, Твердое, тяжкоогромное, имъ же во гнѣвѣ сражаеть Силы героевъ она, громоносного бога рожденьс.
- 100 Бурно съ вершины Олимпна въ Итаку шагнула богиня. Тамъ надворѣ, у порогадверей Одиссеевадома Стала она съ мѣдноострымъ копьемъ, блестящая въ образъ Гости, тафійцевъ властителя, Менгеса; собранныхъ вмѣстѣ Веѣхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ богиня узрѣла;
- 105 Въ кости играя, сидѣли они нередъ входомъ на кожахъ Ими убитыхъ быковъ; а глашатаи, столъ учреждая, Вмѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ наливали Воду съ виномъ въ нировыя кратеры; а тѣ, ноздреватой Губкой омывши столы, ихъ сдвигали и, разнаго мяса
- 110 Много нарѣзавъ, его разносили. Богиню Аонну Прежде другихъ Телемакъ богоравный увидѣлъ. Прискорбелъ Сердцемъ, въ кругу жениховъ онь сидѣлъ, объ одномъ помышляя: Гдѣ благородный отецъ и какъ, возвратяся въ отчизну,

Хищниковъ онь по всему своему разго-
 нять живлицу,
 115 Власть воспринять и будетъ опять у
 себя господиномъ.
 Въ мысляхъ такихъ съ женихами сядь,
 онь увидѣлъ Аонну;
 Тотчасъ онь всталъ и ко входу поспѣшно
 пошелъ, негодуя
 Въ сердцѣ, что странникъ былъ ждать
 принужденъ за порогомъ; приближась,
 Взялъ онь за правую руку пришедша,
 копь его принявъ,
 120 Голсъ потомъ свой возвысилъ и бросилъ
 крылатое слово:
 Радуйся, странникъ; войди къ намъ; ра-
 душно тебя угостимъ мы;
 Нужду жь свою намъ объявишь, насы-
 тившись нашею пицей.
 Кончивъ, пошелъ впереди онь, за нимъ
 Аонней Палада.
 Съ нею вступя въ широкую палату, къ
 колоннѣ высокой
 125 Прямо съ копьемъ подошелъ онь, и спри-
 талъ его тамъ въ поставѣ
 Гладкообтесанномъ, гдѣ заирамы въ
 прежнее время
 Копья царя Одиссея, въ бѣдахъ постоян-
 ного, были.
 Къ кресламъ богатымъ, искусной работы,
 подведши Аонну,
 Съеть въ нихъ ее пригласилъ онь, по-
 крывъ напередъ ихъ узорной
 130 Тканью; для погъ же была тамъ ска-
 мейка; потомъ онь поставилъ
 Стулъ рѣзной для себя въ отдаленнѣ отъ
 прочихъ, чтобъ гостю
 Шумъ веселящейся буйно толпы не испор-
 тилъ обѣда,
 Также, чтобъ втайнѣ его разспросить объ
 отцѣ отдаленномъ.
 Тутъ принесла на лохани серебряной руки
 умытъ имъ
 135 Полный студеной воды золотой рукомай-
 никъ рабыня,
 Гладкѣй потомъ пододвинула столъ; на
 него положила
 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ
 съѣтнымъ, изъ запаса

Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, под-
 нивъ ихъ высоко,
 Мяса различнаго крайчѣй принесъ и, его
 предложивъ имъ,
 140 Кубки златые на браномъ столѣ передъ
 ними поставилъ;
 Началъ глашатай смотрѣть, чтобъ виномъ
 наполнялися чаще
 Кубки. Вошли женихи, многобуйные музы;
 и сѣли
 Чпиомъ на креслахъ и стульяхъ; глаша-
 тая подала воду
 Руки умытъ имъ; невольницы хлѣбъ при-
 песли имъ въ корзинахъ;
 145 Отроки свѣтлымъ напиткомъ до края
 имъ налили чаши.
 Подпили руки они къ приготовленной
 пицѣ; когда же
 Вылъ удовольствованъ голодъ ихъ лако-
 мой пицей, вошло имъ
 Въ сердце иное—желаніе сладкаго нѣпья
 и пляски:
 Пиру онь украшенъ; и звонкую цитру
 глашатай
 150 Фемію подалъ, пѣвцу, передъ ними во
 всякое время
 Нѣтъ принужденному; въ струны ударивъ,
 прекрасно запѣлъ онь.
 Тутъ осторожно сказалъ Телемакъ свѣт-
 лоюкой Аоннѣ,
 Голову къ ней приклонивъ, чтобъ его не
 слышали другіе:
 Милый мой гость, не сердися на меня
 за мою откровенность;
 155 Здѣсь веселятся; у нихъ на умѣ лишь
 музыка да нѣпье;
 Это легко: пожираютъ чужое безъ платы,
 богатство
 Мужа, котораго бѣлыя кости, быть мо-
 жеть, пль дождикъ
 Гдѣ-нибудь мочить на брегъ, пль волны
 по взморью катаютъ.
 Если бь онь вдругъ передъ ними явился
 въ Итакѣ, то всё бы,
 160 Вмѣсто того, чтобъ конить и одежды, и
 золоты, стали
 Только о томъ лишь молиться, чтобъ были
 ихъ ноги быстрѣе.

Но погибъ онъ, постигнутый гнѣвной
 судьбой, и отрады
 Итъ намъ, хотя и приходигь порой отъ
 людей земнородныхъ
 Вѣсти, что онъ возвратится — ему ужъ
 возврата не будетъ.
 165 Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ
 меня не скрывая:
 Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты жи-
 вешь? Кто отецъ твой?
 Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и ка-
 кою дорогой
 Прибылъ въ Итаку и кто у тебя кора-
 бельщики? Въ край нашъ
 (Это, конечно, я знаю и самъ) не пѣш-
 комъ же пришелъ ты.
 170 Также скажи откровенно, чтобы могъ я
 всю истину вѣдать:
 Въ первый ли разъ посѣтилъ ты Итаку,
 иль здѣсь ужъ бывалый
 Гость Одиссеевъ? Въ тѣ дни инопоземцевъ
 сбиралоса много
 Въ нашемъ домѣ: съ людьми обхожденіе
 любилъ мой родитель.
 Дочь свѣтлокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
 175 Все откровенно тебѣ разскажу; я царя
 Анхіала
 Мудраго сынь, именуяся Ментесомъ, пра-
 влю народомъ
 Веселюбивыхъ тафійцевъ; и пилѣ ко-
 рабль мой въ Итаку
 Вмѣстѣ съ моими людьми я привелъ, пу-
 тешествуя темнымъ
 Моремъ къ народамъ инаго языка; хочу
 я въ Темезѣ
 180 Мѣди добыть, на псе обмѣнявшисъ бле-
 стящимъ желѣзомъ;
 Свой же корабль я поставилъ подъ скло-
 номъ Нейона лѣстиямъ
 На полѣ, въ пристани Ретрѣ, далеко отъ
 города. Наши
 Предки издавна гостями другъ другу счи-
 таются; это,
 Можетъ быть, слышишь нерѣдко и самъ
 ты, когда посѣщаешь
 185 Дѣда героя Лаэрта... а опъ, говорятъ,
 ужъ не ходитъ
 Болѣе въ городъ, но въ полѣ далеко жи-
 веть, удрученный

Горемъ, съ старушкой служанкой, кото-
 рая, старца покая,
 Пншей его подирѣпляетъ, когда устаетъ
 онъ, влачася
 По полю взадъ и впередъ посреди своего
 винограда.
 190 Я же у васъ отъ того, что сказали мнѣ,
 будто отецъ твой
 Дома... но видно, что боги его на пути
 задержали:
 Ибо не умеръ еще на землѣ Одиссей бла-
 городный;
 Гдѣ-нибудь, бездной морской окруженный,
 на волнообъятомъ
 Островѣ запертъ живой онъ, иль, можетъ
 быть, страждетъ въ неволѣ
 195 Хищниковъ дикихъ, насильственно имъ
 овладѣвшихъ. Но слушай
 То, что тебѣ предакажу я, что мнѣ все-
 могущіе боги
 Въ сердце вложили, чему неминуюемо
 сбыться, какъ самъ я
 Вѣрю, хотя не пророкъ и по птицамъ
 гадать нескусень.
 Будетъ недолго онъ съ милой отчизной
 въ разлукѣ, хотя бы
 200 Связанъ желѣзными узами былъ; но до-
 мой возвратиться
 Вѣрное средство отыщеть: на вымыслы
 онъ хитроуменъ.
 Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ
 меня не скрывая:
 Подлинно ль вижу въ тебѣ Одиссеева
 сына? Ты чудно
 Съ нимъ головой я глазами прекрасными
 сходеиъ; еще я
 205 Помню его; въ старину мы другъ съ дру-
 гомъ видалиса часто;
 Было то прежде отплытія въ Трою, куда
 изъ ахейцъ
 Лучшіе съ нимъ въ крутобояхъ своихъ
 корабляхъ устремлились.
 Съ той же поры ни со мной онъ, ни я
 съ нимъ нигдѣ не встрѣчались.
 Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудитель-
 ный сынь Одиссеевъ,
 210 Все разскажу откровенно, чтобы могъ ты
 всю истину вѣдать.

Мать увѣряеть, что сыпь я ему, но самъ
я не знаю:
Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣр-
ное намъ невозможно.
Лучше бь однако желалъ я, чтобъ мнѣ
не такой злополучный
Мужъ былъ отцомъ: во владѣннхъ сво-
ихъ онъ до старости бь поздней
215 Дожплъ. Но, если ужъ ты вопрошаешь,
то онъ, изъ живущихъ
Самый несчастливый нынѣ, отецъ мнѣ,
какъ думаютъ люди.
Дочь свѣтлокая Зевса Аонна ему отвѣ-
чала:
Видно угодно безсмертнымъ, чтобъ былъ
не безъ славы въ грядущемъ
Домъ твой, когда Пенелопъ такого, какъ
ты, даровали
220 Сына. Теперь мнѣ скажи, ничего отъ
меня не скрывая,
Что здѣсь у васъ происходитъ? Какое со-
бранье? Дашь ли
Праздникъ, плъ свадьбу впруешь? Не
складочный пиръ здѣсь конечно.
Кажется только, что гости твои необуз-
данно въ вапемъ
Домъ безчинствуютъ: всякой порядочный
въ обществѣ съ ними
225 Быть устыдятся, позорное ихъ поведе-
нне видя.
Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудитель-
ный сынъ Одиссеевъ,
Если ты вѣдать желаешь, то все раз-
скажу откровенно.
Нѣкогда полонъ богатства былъ домъ нашъ;
онъ былъ уважаемъ
Всѣми въ то время, какъ здѣсь неотлучно
тотъ мужъ находился.
230 Нынѣ жь иначе рѣшили враждебные
боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для цѣ-
лаго свѣта;
Менѣ сталь бы о немъ я крушиться,
когда бы онъ умеръ:
Если бь въ Троянской землѣ межъ то-
варицейъ бранныхъ погибъ онъ,
Иль у друзей на рукахъ, перенесли
войцу, здѣсь скончался,

235 Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ
насыпанъ ахейскимъ народомъ,
Сыну бь великую славу на всѣ времена
онъ оставилъ...
Нынѣ же гарнии взялъ его, и безвѣстно
пропалъ онъ,
Свѣтомъ забытый, безгробный, одно со-
крушенье и вопли
Сыну въ наслѣдство оставилъ. Но я не
о немъ лишь единомъ
240 Плачу; другое великое горе мнѣ боги
послали:
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ
знамениты и сильны,
Первые люди Дуликн, Зама, лѣснаго За-
кннеа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пе-
нелопу
Нудить упорно ко браку и наще имѣнне
грабятъ;
245 Мать же ни въ бракъ ненавистный не
хочеть вступитъ, ни отъ брака
Средствъ не имѣеть спастись; а они по-
жирають нещадно
Наше добро, и меня самого нанослѣдокъ
погубять.
Съ гибномъ великимъ ему отвѣчала бо-
гиня Аонна
Горе! я вижу, сколь нынѣ тебѣ твой
отецъ отдаленный
250 Нужешь, чтобъ сильной рукой съ же-
нихами безстыдными сладить.
О, когда бь онъ въ тѣ двери вступилъ,
возвратяся внезапно,
Въ шлемѣ, щитомъ покровенный, въ рукѣ
два конья мѣдноострыхъ!..
Такъ впервые увидѣлъ его я въ то время,
когда онъ
Въ домѣ у насъ веселился виномъ, по-
сѣтивши въ Эфирѣ
255 Пла Мермѣрова сына (и той стороны
отдаленной)
Царь Одиссей достигалъ на своемъ ко-
раблѣ быстроходномъ;
Яда, смертельнаго людямъ искалъ онъ,
дабы напоить имъ
Стрѣлы свои, заощренныя мѣдью; но Иль
отказался

- Дать ему яда, всезрящихъ боговъ раз-
дражить опасаясь;
260 Мой же отецъ имъ его надѣлалъ по вселенной съ нимъ дружбѣ).
- Если бы въ видѣ такомъ Одиссей женихамъ вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
Но—того мы, конечно, не вѣдаемъ—въ лонѣхъ безсмертныхъ
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратись, истребить ихъ
- 265 Въ этомъ жилищѣ или пѣтъ. Мы размыслимъ теперь совокушно,
Какъ бы тебѣ самому отъ грабителей домъ свой очистить.
- Слушай же то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Завтра, созвавъ на совѣтъ благородныхъ ахейцъ, предъ ними
Все объяви ты, въ свидѣтели правды призвавши безсмертныхъ;
- 270 Послѣ потребуй, чтобъ всѣ женихи по домамъ разошлись;
Матери жъ, если супружество сердцу ей не противно,
Ты предложи, чтобъ къ отцу многосильному въ домъ возвратилась,
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану, ей надѣлать оны.
- 275 Также усердно совѣтую, если совѣтъ мой ты примешь:
Прочный корабль съ двадцатю снарядивши гребцами, отправься
Самъ за своимъ отдаленнымъ отцомъ, чтобъ провѣдать, какия
Въ людяхъ молва про него, или слышать о немъ прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.
- 280 Плоско сперва посѣтивъ, ты узнай, что божественный Песторъ
Скажетъ; потомъ Менелая найди златовласаго въ Спартѣ:
Прибыль домой оны послѣдній изъ всѣхъ мѣдолатныхъ ахейцъ.
- Если услышишь, что живъ твой родитель, что оны возвратится,
Жди его годъ, терпѣливо снося притѣвненья; когда же
285 Скажетъ молва, что погибъ оны, что пѣтъ ужъ его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насышь и обычную пышно
Тризну по пемъ соверши; Пенелопу жъ склони на замужство.
- Послѣ, когда надлежащимъ порядкомъ все дѣло устроишь,
290 Твердо рѣшившись, умою осмотрительнымъ выдумай средство,
Какъ бы тебѣ жениховъ, захватившихъ насильственно домъ вапъ,
Въ пемъ погубить или обманомъ, или явною силою; тебѣ же
Быть ужъ ребенкомъ нельзя, ты изъ дѣтскаго возраста вышелъ;
Знаешь, какою божественный отрокъ Орестъ передъ цѣлымъ
295 Свѣтомъ украсился честью, отмстивши Эгисту, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель?
Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшей,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.
- Время однако ужъ мнѣ возвратиться на быстрый корабль мой
300 Къ спутникамъ, ждущимъ конечно меня съ нетерпѣньемъ и скукой.
Ты жъ о себѣ позаботься, уваживши то, что сказалъ я,
Милый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сыно Одиссеевъ,
Пользы желая моею, говоришь ты со мною, какъ съ сыномъ
Добрый отецъ; я о томъ, что совѣтовалъ ты, не забуду.
- 305 Но подожди же, хотя и торопишься въ путь, здѣсь прохладной Ваной и члены и душу свою освѣживъ, возвратишься

Ты на корабль, къ удовольствію сердца
 богатый подарокъ
 Взять отъ меня, чтобъ его мнѣ на па-
 мять беречь, какъ обычай
 Есть межъ людьми, чтобъ, прощаяся, го-
 сти другъ друга даряли.
 310 Дочь свѣтлоокая Зевса Афина ему
 Нѣтъ! не держи ты меня, [отвѣчала:
 тороплюсь я безмѣрно въ дорогу;
 Твой же подарокъ, обѣщанный мнѣ такъ
 радушно тобою,
 Къ вамъ возвратяся, приму и домой увезу
 благодарно,
 Въ даръ получивъ дорогое и самъ доро-
 гимъ отдаривши.
 315 Съ смилн словами Зевсова дочь свѣтло-
 окая скрылась,
 Выстрой невидимо птицею вдругъ уле-
 тѣвъ. Поселила
 Твердость и смѣлость она въ Телемако-
 вомъ сердцѣ, живѣе
 Вспомнить заставивъ его объ отцѣ; но
 проникъ онь душою
 Тайну и чувствовалъ страхъ, угадавъ,
 что бесѣдовалъ съ богомъ.
 320 Тутъ къ женихамъ онь, божественный
 мужъ, подошелъ; передъ ними
 Пѣлъ знаменитый пѣвецъ и съ глубокимъ
 вниманьемъ сидѣли
 Молча они; о печальномъ ахейцѣ изъ
 Трои возвратѣ,
 Нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Афи-
 ною, пѣлъ онь.
 Въ верхнемъ покоѣ своемъ вдохновенное
 пѣнье улавывавъ,
 325 Внизъ по ступенямъ высокимъ носибшно
 сошла Пенелопа,
 Старца Икарія дочь многоумная: вмѣстѣ
 сошли съ ней
 Двѣ изъ служанокъ ея; и она, божество
 межъ женами,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ей женихи
 пировали,
 Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій дер-
 жавшаго, стала,
 330 Щекъ закрывши свои головнымъ покрыва-
 вомъ блестящимъ;
 Справа и слѣва почтительно стали слу-
 жанки; царица

Съ плачемъ тогда обратила къ пѣвицу
 вдохновенному слово:
 Фемій, ты знаешь такъ много другихъ,
 восхищающихъ душу
 Пѣсней, сложенныхъ пѣвицами во славу
 боговъ и героев;
 335 Спой же изъ нихъ, предъ собравшемъ
 сидя, одну; и въ молчаньи
 Гости ей будутъ внимать за виномъ; но
 прерви начатую
 Пѣсню печальную; сердце въ груди зами-
 растъ, когда я
 Слышу ее: мнѣ изъ всѣхъ жесточайшее
 горе досталось;
 Мужа такого липашъ, я всечасно скорблю
 о погибшемъ,
 340 Столь пренсполнившемъ славою своею и
 Элладу и Аргосъ.
 Милая мать, возразилъ разсудительный
 сынъ Одиссеевъ,
 Какъ же ты хочешь пѣвицу запретить въ
 удовольствіе наше
 То воспѣвать, что въ его пробуждается
 сердцѣ? Виповенъ
 Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ,
 посылающій свыше
 345 Людямъ высокаго духа по волѣ своей
 вдохновенье.
 Пѣть, не препятствуй пѣвицу о печальномъ
 возвратѣ данаевъ
 Пѣть — съ похвалою великою люди той
 пѣсни внимаютъ,
 Всякой разъ ею, какъ повою, душу свою
 восхищая;
 Ты же сама въ ней найдешь не печаль,
 а нечали усладу;
 350 Былъ не одинъ отъ боговъ осужденъ по-
 терять день возврата
 Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ по-
 гибло немало.
 Но удались: занимайся, какъ должно, по-
 рядкомъ хозяйства,
 Присяей, ткапьемъ; наблюдай, чтобъ ра-
 быни прилежны въ работѣ
 Были своей: говорить же не женское дѣло,
 а дѣло
 355 Мужа, и пивъ мос: у себя я одинъ по-
 велитель.

- Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно по-
 шла Пенелона;
 Къ сердцу слова многоумныя сына при-
 нявъ и въ покоѣ
 Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу
 приближенныхъ служанокъ
 Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ,
 откуда
³⁶⁰ Сладкаго сна не свела ей на очи богиня
 Аѳина.
 Тою порой женихи въ потемнѣвшей па-
 латѣ шумѣли,
 Споря о томъ, кто изъ нихъ съ Пенело-
 лою ложе раздѣлитъ.
 Къ нимъ обратяся, сказалъ разсудитель-
 ный сынъ Одиссея:
 Вы, женихи Пенелопы, надменные гор-
 достью буйной,
³⁶⁵ Станемъ спокойно теперь веселиться:
 прервите вашъ шумный
 Споръ; намъ приличнѣе вниманье скло-
 нить къ гѣснопѣвцу, который,
 Слухъ нашъ пѣвня, богамъ вдохновенъ
 высокимъ подобенъ.
 Завтра же утромъ васъ всѣхъ приглашаю
 собраться на площадь.
 Тамъ всенародно въ лицо вамъ скажу,
 чтобъ очистили все вы
³⁷⁰ Домъ мой; иные пиры учреждайте; свое,
 а не наше
 Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ
 своихъ угощеньяхъ.
 Если жъ находите вы, что для васъ и
 пріятнѣе и легче
 Вѣмъ одного разорить произвольно, безъ
 платы—сожрите
 Все; но на васъ я боговъ призову; и Зе-
 весъ не замедлитъ
³⁷⁵ Васъ поразить за неправду: тогда немн-
 нуемо все вы,
 Такъ же безъ платы, погибнете въ домѣ,
 разграбленномъ вами.
 Онъ замолчалъ. Женихи, закусивши съ
 досадою губы,
 Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему
 удивлялись.
 Но Антипой, сынъ Эвнейтовъ, ему отвѣ-
 чалъ, возражая:
- ³⁸⁰ Сами боги, конечно, тебя, Телемакъ, на-
 учили
 Быть столь кичливымъ и дерзкимъ въ
 словахъ, и бѣда намъ, когда ты
 Въ волнообъятой Итакѣ, по волѣ Крониона,
 будешь
 Нашимъ царемъ, ужъ имѣя на то по
 рожденью и право!
 Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ
 Одиссея:
³⁸⁵ Другъ Антипой, не сердись на меня за
 мою откровенность:
 Если бѣ владычество далъ мнѣ Зевесъ, я
 охотно бы принять.
 Или ты мыслишь, что царская доля всѣхъ
 хуже на свѣтѣ?
 Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо; бо-
 гатство въ царевомъ
 Домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ
 чести у народа.
³⁹⁰ Но межъ ахейцами волнообъятой Итаки
 найдется
 Много достойнѣйшихъ власти и старыхъ и
 юныхъ; межъ ними
 Вы изберите, когда ужъ не стало царя
 Одиссея.
 Въ домѣ жъ своемъ я одинъ повелитель;
 здѣсь мнѣ подобаесть
 Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ
 добытыми въ битвахъ.
³⁹⁵ Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибѣвъ, такъ
 отвѣчалъ Телемаку:
 О Телемакъ, мы не знаемъ—то въ лонѣ
 безсмертныхъ сокрыто—
 Кто надъ ахейцами волнообъятой Итаки
 назначенъ
 Царствовать; въ домѣ жъ своемъ ты, ко-
 нечно, одинъ повелитель;
 Нѣтъ, не найдется, пока обитаема будетъ
 Итака,
⁴⁰⁰ Здѣсь никого, кто бѣ дерзнулъ на твое
 посягнуть достоянне.
 Но я желалъ бы узнать, мой любезный,
 о нынѣшнемъ гостѣ.
 Какъ его имя? Какою своимъ онъ отеч-
 ствомъ славить
 Землю? Какого онъ рода и племени? Гдѣ
 онъ родился?

Съ вѣстью ль къ тебѣ о желанномъ воз-
вратѣ отца приходилъ онъ?
405 Иль посѣтилъ пасть, по собственной
нуждѣ заѣхавъ въ Итаку?
Вдругъ онъ отсюда пропалъ, не дождав-
шись, чтобъ съ нимъ хоть пемного
Мы ознакомились; былъ человекъ не про-
стой онъ копецно.
Другъ Эвримахъ, отвѣчалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ,
День свиданья съ отцомъ навегда мной
утраченъ; не буду
410 Болѣе вѣрить ни слухамъ о скоромъ его
возвращеніи,
Ниже напраснымъ о немъ прорицаньямъ,
къ которымъ, сзывая
Въ домъ свой гадателей, мать прибѣгаетъ.
А нынѣшній гость нашъ
Былъ Одиссеевымъ гостемъ; онъ родомъ
изъ Тафоса, Менгесъ,
Сынъ Анхяла, царя многоумнаго, пра-
вить народомъ
415 Веселюбныхъ тафійцевъ. Но такъ го-
вори, убѣжденъ былъ
Въ сердцѣ своемъ Телемахъ, что богиню
бессмертную видѣлъ.
Тѣ же, опять обратившія къ плекѣмъ и
сладкому пѣнію,
Начали снова шумѣть въ ожиданіи почти;
когда же
Черная ночь посреди ихъ веселаго шума
пастала,
420 Веѣ разошлись по домамъ, чтобъ пре-
даться безцечю покою.
Скоро и самъ Телемахъ въ свой высокій
чертогъ (на прекрасный
Дворъ обращенъ былъ лицомъ онъ съ об-
ширнымъ предъ окнами видомъ),
Веѣхъ проводивши, пошелъ, про себя раз-
мыслиая о многомъ.
Факель зажженный неся, передъ нимъ съ
осторожнѣмъ усердьемъ
425 Шла Эвриклея, разумная дочь Певсено-
рида Опеа;
Куплена въ лѣтахъ цѣлѣующихъ Лаэртомъ
она — заплатавъ онъ
Двадцать быковъ, и ее съ благонаправной
своею сурругой

Въ домѣ своемъ уважалъ наровиѣ, и себѣ
не позволялъ
Ложу коснуться ея, опасаяся ревности
женекой.
430 Факель неся, Эвриклея вела Телемака—
за нимъ же
Съ дѣтства ходила она и ему угождала
усердѣній
Прочихъ невольницъ. Въ богатую спальню
она отворила
Двери; онъ сълъ на постелю и, тонкую
снявши сорочку,
Въ руки старушки заботливой бросилъ ее;
осторожно
435 Въ складки сложивъ и уладивъ, на
гвоздь Эвриклея сорочку
Подлѣ кровати, некусно точеной, повѣ-
сила; тихо
Вышла изъ спальни; серебряной ручкою
дверь затворила;
Крѣпко задвижку ремнемъ затянула; по-
томъ удалилась.
Онъ же всю ночь на постелѣ, покрытой
овчиною мягкой,
440 Въ сердцѣ обдумывалъ путь, учрежден-
ный богиней Аѣной.

О Д И С С Е Я.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Второй день—до разсвѣта третьяго дня.
Рано поутру Телемахъ повелѣваетъ гла-
шатаямъ созвать гражданъ Итаки на площадь
и требуетъ всенародно, чтобъ женихи поки-
нули домъ его. Антиной дерзко ему отвѣт-
ствуетъ. Предвѣщательное явленіе орловъ;
его толкуетъ Галивердъ, которому грубо воз-
ражаетъ Эвримахъ. Телемахъ требуетъ ко-
рабля для отплытія въ Пилосъ. Менгесъ упре-
каетъ народъ въ равнодушіи къ сыну Одис-
сееву; противъ него возрастъ Леокритъ, ко-
торый потомъ самовольно распускаетъ народ-
ное собраніе. Аѣнна, подъ видомъ Менгеса,
ободряетъ молящихся ей Телемака обяза-
ніемъ дать ему корабль и провозжатыхъ. Ключ-
ница Эвриклея готовитъ запасъ на дорогу.
Аѣнна, получивъ отъ Номмона корабль, при-
готовляетъ его къ отплытію; потомъ, усы-
пивъ жениховъ, пировавшихъ въ домѣ
Одиссеевомъ, уводитъ съ собою Телемака на

берег моря, куда приносят и всё приго-
товленные на дорогу запасы. Телемакъ вмѣ-
стѣ съ мнимымъ Менторомъ, не простая съ
Пенелопею, пускается въ море.

Встала изъ мрака младая съ перстами
пурпурными Эосъ;
Ложе покинулъ тогда и возлюбленный
сынъ Одиссеевъ;
Плате надѣвъ, изощренный свой мечъ
на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ
ногамъ привязавши,
5 Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезар-
ному богу подобный.
Звонкоголосыхъ глашатаевъ царскихъ со-
звавъ, повелѣлъ онъ
Кликнуть имъ клятв, чтобъ на площадь
собрать густошасихъ ахеянъ;
Кликнули тѣ; собралися на площадь дру-
гѣ; когда же
Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось
полнымъ,
10 Съ мѣднымъ въ рукѣ онъ копьемъ передъ
сонмомъ народнымъ явился—
Былъ не одинъ, двѣ лихія за нимъ при-
бѣжали собаки.
Образъ его несказанной красой озарила
Афина,
Такъ, что дивилися люди, его подходя-
щаго вида.
Старцы предъ нимъ раздалися, и съѣлъ онъ
на мѣстѣ отцовомъ.
15 Первое слово тогда произнесъ благород-
ный Эгипцій,
Старецъ, согбенный годами, и въ жизни
извѣдавшій много;
Сынъ же его Антифонъ копьeverжецъ съ
царемъ Одиссеемъ
Въ кнѣсобильную Трою давно въ кораблѣ
крутобокомъ
Поплылъ; онъ былъ умеривленъ Поли-
фемомъ свирѣпымъ въ глубокомъ
20 Гротѣ, послѣдній, похищенный имъ для
вечерня пищи.
Три оставалися старцу: одинъ, Евриномъ,
съ женами
Буйствовалъ; два помогали отцу обрабо-
тывать поле;

Но о погибшемъ не могъ позабыть онъ;
объ немъ онъ все плакалъ,
Все сокрушался; и такъ, сокрушенный,
сказалъ онъ народу:
25 Выслушать слово мое приглашаю васъ,
люди Итаки;
Мы на совѣтъ не сходились ни разу съ
тѣхъ поръ, какъ отсюда
Царь Одиссей въ быстросходныхъ своихъ
корабляхъ удалился.
Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ
томъ незапная нужда?
Юноша ль расцвѣтающій? Муажъ ли го-
дами созрѣлый?
30 Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ не-
пріятельской силѣ?
Хочетъ ли насъ остеречь, напередъ все
подробно развѣдавъ?
Или о пользѣ народной какой предложить
намъ намѣреть?
Долженъ быть честный онъ гражданинъ;
слава ему! да поможетъ
Зевсъ помышленіямъ добрымъ его совер-
шиться успѣшно.
35 Кончилъ. Словами его быть обрадованъ
сынъ Одиссеевъ;
Встать и къ собранію рѣчь обратилъ онъ
пемедля рѣшился;
Выступилъ онъ предъ людей, и ему, къ
нимъ идущему, въ руку
Скипетръ вложилъ Певсенѣоръ, глашатай,
разумный совѣтникъ.
Къ старцу сперва обратися, ему онъ ска-
заль: благородный
40 Старецъ, онъ близко (и скоро его ты
узнаешь), кѣмъ здѣсь вы
Собраны—это я самъ, и печаль мнѣ ве-
ликая нынѣ.
Я не слышалъ о идущей на насъ непріа-
тельской силѣ;
Васъ остеречь не хочу, напередъ все по-
дробно развѣдавъ,
Также о пользахъ народныхъ теперь пред-
лагать не намѣреть.
45 Нынѣ о собственной, домъ мой постигшей
бѣдѣ говорю я.
Двѣ мнѣ напасти; одна: мной утраченъ
отецъ благородный,

Бывшій надъ вамъ царемъ и всегда, какъ
 дѣтей, васъ любившій;
 Болѣе жъ злая другая напасть, отъ ко-
 торой весь домъ нашъ
 Скоро погибнетъ, и все, что въ немъ есть,
 до конца истребится,
 50 Та, что преслѣдуютъ мать женихи неот-
 ступные, нашихъ
 Гражданъ знатнѣйшихъ, собравшихся
 здѣсь, сыновья, имъ противно
 Прямо въ Икаріевъ домъ обратиться, чтобъ
 ихъ предложенье
 Выслушалъ старецъ, и дочь, надѣленную
 щедро приданымъ,
 Отдалъ по собственной волѣ тому, кто
 пріятнѣе сердцу.
 55 Нѣтъ; имъ удобнѣй, вселенно врываясь
 въ домъ нашъ толною,
 Нашихъ быковъ и барановъ и козъ от-
 кормленныхъ рѣзать,
 Жрать до упада и свѣтлое наше вино
 безопадно
 Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ
 нѣтъ въ немъ такого
 Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ про-
 клятыя избавить.
 60 Сами же мы безпомощны теперь, равно-
 мѣрно и послѣ
 Будемъ, достойные жалости, вовсе безъ
 всякой защиты.
 Если бы сила была, то и самъ я напелъ
 бы управу;
 Но нестерпимы обиды становятся; домъ
 Одисеевъ
 Грабятъ безстыдно. Ужель не тревожить
 васъ совѣсть? Но крайней
 65 Мѣрѣ чужихъ устыдитесь людей и наро-
 довъ окружныхъ,
 Намъ сопредѣльныхъ, боговъ устранилися
 мщенья, чтобъ гнѣвомъ
 Васъ не постигли самихъ, неодоу на
 вашу неправду.
 Я жъ къ Олимпійскому Зевсу зываю,
 зываю къ Гемидѣ,
 Строгой богинѣ, совѣты мужей учреждаю-
 щей! Наше
 70 Право признайте, друзья, и меня одного
 сокрушаться

Горемъ оставьте. Или, можетъ быть, мой
 благородный родитель
 Чѣмъ оскорбилъ здѣсь умыленно мѣдно-
 обутыхъ ахейцъ;
 Можетъ быть, то оскорбленье на мнѣ въ
 умыленно метито,
 Грабить нашъ домъ возбуждая другихъ?
 Но желали бы лучше
 75 Мы, чтобъ и скотъ нашъ живою и лежа-
 чій занасъ нашъ въ самп-
 Силою взяли; тогда бы для насъ сохрани-
 лася надежда:
 Мы бы дотолѣ по улицамъ стали скит-
 таться, моля васъ
 Наше отдать намъ, покуда не все бы намъ
 отдано было;
 Нынѣ жъ въ сердце мое безнадежнымъ
 терзаетъ горемъ.
 80 Такъ онъ во гнѣвѣ сказалъ и повергнулъ
 на землю свой скипетръ;
 Слезы изъ глазъ устремились: народъ со-
 страданье прошикло;
 Все неподвижно-безмолвны сидѣли; никто
 не рѣшился
 Дераостнымъ словомъ отиѣтствовать сыну
 царя Одисея.
 Ю Антиной поднялся и воскликнулъ, ему
 возражая:
 85 Что ты сказалъ, Телемахъ, необуздан-
 ный, гордорѣчивый?
 Насъ оскорбивъ, ты на насъ и вину воз-
 ложить замышляешь?
 Нѣтъ, обвинять ты не насъ жениховъ
 предъ ахейскимъ народомъ
 Долженъ теперь, а свою хитроумную мать
 Пелопону.
 Три совершилося года, ужъ наступилъ и
 четвертый
 90 Съ тѣхъ поръ, какъ, мамъ играя, она
 подаетъ намъ надежду
 Ведемъ, и каждому порознь себя обѣцать,
 и вѣсти
 Добрыя шлетъ къ намъ, недоброе въ сердцѣ
 для насъ замышляя.
 Знайте, какою она вѣроломно придумала
 хитрость:
 Станъ превеликій въ покояхъ поставя
 своихъ, начала тамъ

- ⁹⁵ Топко-широкую ткань и, собравши насъ
 всѣхъ, намъ сказала:
 Юноши, нынѣ мои женихи—поселику на
 свѣтѣ
 Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до
 поры той, какъ будетъ
 Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань
 не пропала мнѣ даромъ;
 Старцу Лаэрту покровъ гробовой приго-
 товить хочу я
¹⁰⁰ Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки на-
 вѣкъ усыпальной смерти
 Парками отданъ, дабы не посмѣли ахей-
 скія жены
 Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ
 погребенъ безъ покрова.
 Такъ намъ сказала, и мы покорились ей
 мужескимъ сердцемъ.
 Что же? Дешь цѣлый она за тканьемъ
 проводила, а ночью,
¹⁰⁵ Факелъ зажегши, сама все натканное
 днемъ распускала.
 Три года длился обманъ, и она убѣждать
 насъ умѣла;
 Но когда обращенъ въ время приведенъ
 былъ четверглый—
 Все намъ одна изъ служительницъ, знав-
 шая тайну, открыла;
 Сами тогда жъ мы застали ее за распу-
 щенной тканью;
¹¹⁰ Такъ и была приневолена нехотя трудъ
 свой окончить.
 Ты же насъ слушай; тебѣ отвѣчаемъ, чтобъ
 могъ ты все вѣдать
 Самъ, и чтобъ вѣдали все равномѣрно
 съ тобой и ахейцы:
 Мать отошла, повелѣвъ ей немедля, на
 бракъ согласившись,
 Выбрать межъ нами того, кто отцу и
 самой ей угоденъ.
¹¹⁵ Если же долѣе будетъ играть сыновьями
 ахейскъ...
 Разумомъ щедро ее одарила Афина; не
 только
 Въ разныхъ она рукодѣльяхъ искусна,
 но также и много
 Хитростей знаетъ, неслыханныхъ въ древ-
 ние дни и ахейскимъ
- Женамъ прекрасно—кудрявымъ невѣдо-
 мымъ; что ни Алкмеиѣ
¹²⁰ Древней, ни Тиро, ни нышно-вѣнчан-
 ной царевнѣ Микенѣ
 Въ умъ не входило, то нынѣ увертливый
 умъ Пенелопы
 Намъ ко вреду избрѣлъ; но ся избрѣ-
 тенья тщетны;
 Знай, не престанемъ твой домъ разорять
 мы до тѣхъ поръ, покуда
 Будетъ упорна она въ помышленьяхъ
 своихъ, ей богами
¹²⁵ Въ сердце вложенныхъ; конечно, самой
 ей въ великую славу
 То обратится, но ты истребленъ богатства
 оплачешь;
 Мы, говорю, не пойдемъ отъ тебя ни до-
 мой, ни въ иное
 Мѣсто, пока Пенелопы межъ нами не вы-
 беретъ мужа.
 О Антиной, отвѣчалъ разсудительный сынъ
 Одиссеевъ,
¹³⁰ Я не дерзну и помыслить о томъ, чтобъ
 велѣтъ удалиться
 Той, кто меня родила и векормила; отецъ
 мой далеко;
 Живъ ли, погибъ ли, не знаю; но трудно
 съ Икаріемъ будетъ
 Мнѣ расплатиться, когда Пенелопу отсюда
 насильно
 Вышлю — тогда я подвергнусь и гибну
 отца и гоненью
¹³⁵ Демопа: странныхъ Эрний, свой домъ
 покидая, накличетъ
 Мать на меня и стыдомъ предъ людьми
 я крокою вѣчнымъ.
 Нѣтъ, никогда не отважусь сказать ей
 подобнаго слова.
 Вы же, когда хоть немного тревожить
 васъ совѣсть, покиньте
 Домъ мой; иные прры учреждайте, свое,
 а не наше
¹⁴⁰ Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ
 своихъ угощеньяхъ.
 Если жъ находите вы, что для васъ и
 пріятнѣй и легче
 Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ
 платы—сожрите

Все; но на васъ я боговъ призову, и
 Зевесъ не замедлитъ
 Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо
 все въ,
 145 Такъ же безъ платы, погибнете въ домѣ,
 разграбленномъ вами.
 Такъ говорилъ Телемакъ. И везанно
 Зевесъ громовежець
 Свѣше къ нему двухъ орловъ ниспослалъ
 отъ горы каменистой;
 Оба сначала, какъ будто песомы вѣтромъ,
 летѣли
 Рядомъ они, широко распутивши огромныя
 крылья;
 150 Но, налетѣвъ на средину собранія, полнаго
 шумомъ.
 Начали быстро кружить съ непрестанными
 взмахами крыльцевъ;
 Очи ихъ, сверху на розовыя глади, сверкали
 бѣдою;
 Сами потомъ расцарапавъ другъ другу и
 груди и шеи,
 Вправо умчались они, пролетѣвъ надъ
 собраньемъ и градомъ.
 155 Все, изумленные, птицъ провожали глазами,
 и каждый
 Думалъ о томъ, что явленіе ихъ предвѣщало
 въ грядущемъ.
 Выступилъ тутъ предъ народъ Галиеордъ,
 многоопытный старецъ,
 Сынь Масторовъ; изъ сверетниковъ всехъ
 онъ одинъ по полету
 Птицъ былъ искусенъ гадать и пророчить
 грядущее; полный
 160 Мыслей благихъ, обратился къ согражданамъ,
 такъ имъ сказалъ онъ:
 Выслушать слово мое приглашаю васъ,
 люди Итаки.
 Прежде однако, дабы жениховъ образумить,
 скажу я
 Имъ, что бѣда неизбежная мчится на
 нихъ, что недолго
 Будетъ въ разлукѣ съ семействомъ своимъ
 Одиссей, что уже онъ
 165 Гдѣ-нибудь близко таятся, и смерть и
 гибель готова
 Всемъ имъ, что также и многимъ другимъ
 изъ живущихъ въ Итакѣ

Горповозвышенной бѣдствіе будетъ. Размыслимъ же, какъ бы
 Въ-время намъ обуздать ихъ; но лучше,
 конечно, когда бы
 Сами они усмирились; то нынѣ всего бы
 полезнѣй
 170 Было для нихъ: не безоцѣтно такъ говорю,
 но навѣрно
 Знаю, что будетъ; сбылось, утверждаю, и
 все, что ему я
 Здѣсь предсказалъ передъ тѣмъ, какъ
 пошли кораблями ахейцы
 Въ Трою и съ ними пошелъ Одиссей многоумный.
 По многихъ
 Бѣдствіяхъ (такъ говорилъ я) и снѣтниковъ
 всехъ потерявши,
 175 Всею незнакомый, въ неходъ двадцатого
 года въ отчизну
 Онъ возвратится. Мое предсказанье свершастся
 нынѣ.
 Кончалъ. Ему отвѣчалъ Эвримахъ, сынъ
 Поллѣевъ: лучше,
 Старый разсказчикъ, домой возвратись, и
 своимъ малолѣтнимъ
 Дѣтямъ пророчествуй тамъ, чтобъ бѣды
 имъ какой не случилось.
 180 Въ нашемъ же дѣлѣ вѣришь тебя я пророкъ;
 мы довольно
 Видимъ летающихъ на небѣ въ свѣдлыхъ
 лучахъ Геліеа
 Птицъ, но не все роковыя. А царь Одиссей
 въ отдаленномъ
 Краѣ погибъ. И тебѣ бы погибнуть съ
 нимъ вмѣстѣ! Тогда бы
 Здѣсь ты не сталъ предсказашъ такихъ
 вымысловъ, возбуждая
 185 Гнѣвъ въ Телемакъ, уже раздраженномъ,
 и вѣрно надѣясь
 Что-нибудь въ даръ отъ него получить
 для себя и домашнихъ.
 Слушай однако — и то, что услышишь,
 исполнится вѣрно —
 Если ты этого юношу съ старымъ своимъ
 многознаемъ
 Будешь пустыми словами на гнѣвъ
 возбуждать, то, конечно,
 190 Это въ сугубое горе ему самому обратится;
 Противъ насъ всехъ онъ одинъ ничего
 совершить не успеетъ.

Ты жъ, безразсудный старикъ, навлечешь
на себя наказанье,
Тяжкое сердцу: мы горько заставимъ тебя
сокрушаться.
Нынѣ я болѣ полезный совѣтъ предложу
Телемаку:
¹⁹⁵ Матери пусть повелитъ онъ къ Икарію
въ домъ возвратиться,
Гдѣ, приготовавъ все нужное къ браку,
богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану ея,
надѣлать онъ.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородныхъ
ахейскъ,
Мучить се не престанемъ своимъ сватов-
ствомъ. Никого здѣсь
²⁰⁰ Мы не боимся, ни полнаго звучныхъ рѣ-
чей Телемака,
Ниже пророчество, которыми ты, гово-
рунъ посѣдѣлый,
Всѣмъ докучаешь — ты намъ отъ того
ненавистивый; а домъ ихъ
Весь разоримъ мы на наши пиры, и отъ
насъ воздаяныя
Имъ не имѣть никакого, пока на желас-
мый нами
²⁰⁵ Бракъ не рѣшится она; окаяда введне-
вно, кто будетъ
Ею изъ насъ накопецъ предпочтенъ, мы
къ другимъ обратится
Медлимъ невѣстамъ, чтобъ выбрать, какъ
слѣдуетъ, женъ между ними.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ
Одиссеевъ:
О Эвримахъ, и вы всѣ, женихи знаме-
нитые, болѣ
²¹⁰ Васъ убѣждать не хочу и впередъ не
скажу вамъ ни слова;
Боги все вѣдаютъ, все благороднымъ ахей-
цамъ извѣстно.
Вы же мнѣ прочный корабль съ двад-
цатью пріобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь сна-
рядите: хочу я
Спарту и Пилосъ несчаный сперва посѣ-
тить, чтобъ провѣдать,
²¹⁵ Есть ли тамъ слухи какіе о милымъ отцѣ
и какая

Въ людяхъ молва про него, нѣтъ слышать
о немъ прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зеве-
сово слово.
Если узнаю, что живъ онъ, что онъ воз-
вратится, то буду
Ждать его годъ, терпѣливо слося при-
тѣсненъ; когда же
²²⁰ Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ
ужъ его межъ живымъ,
То, незамедленно въ милаю землю отцовъ
возвратися,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь на-
сыплю и должную пышно
Тризну по немъ совершу; Пенелопу жъ
склопу на замужество.
Кончивъ, онъ сѣлъ и умолявль. Тогда
поднялся неизмѣнный
²²⁵ Спутникъ и другъ Одиссея, царя безпо-
рочнаго, Менторъ.
Ввѣрилъ ему Одиссей при отплытіи домъ,
бытъ покорнымъ
Старцу Лаэрту и все сберечь повелѣвши.
И полный
Мыслей благихъ, обратися къ согражда-
намъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Выслушать слово мое приглагола васъ,
люди Итаки;
²³⁰ Кроткимъ, благимъ и привѣтливимъ
бытъ ужъ впередъ ни единый
Царь склиторосный не долженъ, но,
правду изъ сердца изгавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, без-
законоутвуя смѣло,
Если могли вы забыть Одиссея, который
былъ нашимъ
Добримъ царемъ и народъ свой любилъ,
какъ отецъ благодушный.
²³⁵ Нужды мнѣ нѣтъ обвинять жениховъ
необузданно-дерзкихъ
Въ томъ, что они, самовластвуя здѣсь,
замышляютъ худо.
Сами своєю играютъ они головою, разоряя
Домъ Одиссея, котораго, мыслятъ, ужъ
мы не увидимъ.
Васъ же, граждане Итаки, хочу присты-
дить: здѣсь собравшись,
²⁴⁰ Вы равнодушно сидите и слова не ска-
жете противъ

- Малой толпы жениховъ, хоть самихъ вась
число и большое.
- Сыгъ Эйвеноровъ тогда Леокритъ, него-
дую, воскликнуть:
- Что ты сказалъ, безразсудный, злыми-
шасный Менторъ? Смирить насъ
- Гражданамъ ты предлагаешь; но сладить
имъ съ нами, которыхъ
- ²⁴⁵ Также немало, на пиришествіи трудно.
Хотя бы ввезапно
- Самъ Одисей твой, Итаки властитель,
явился и силой
- Насъ жениховъ благородныхъ, въ его ве-
селящихся домѣ,
- Выгнать оттуда замыслилъ, его возвра-
щенье въ отчизну
- Было бъ женѣ, тосковавшей такъ долго
по немъ, не на радость:
- ²⁵⁰ Злая погибель его бы постигла, когда бы
насъ многихъ
- Вздумалъ одинъ одолѣть онъ; несумное
слово сказалъ ты.
- Вы жъ разойдитесь, люди, и каждый
займися домашнимъ
- Дѣломъ. А Менторъ пускай и мудрецъ
Галиердъ, Одисею
- Вѣрность свою сохранивши, въ путь спа-
рядить Телемака;
- ²⁵⁵ Долго однако, я думаю, здѣсь просидитъ
онъ, собирая
- Вѣсти; пути же ему своего совершить не
удастся.
- Такъ онъ сказавъ, распустилъ самовольно
собрание народа.
- Всѣ, удалясь, по своимъ разошлись до-
мамъ; женихи же
- Въ домъ Одисея, царя благороднаго, вновь
возвратились.
- ²⁶⁰ Но Телемакъ одиноко пошелъ на пеща-
ное взморье.
- Руки соленою влагой умывъ, возгласилъ
онъ къ Аѳинѣ:
- Ты, посѣтившая домъ мой вчера и въ
туманное море
- Плыть повелѣвшая мнѣ, чтобъ развѣдать
я, странствуя, пѣтъ ли
- Слуховъ о ялломъ отцѣ и его возвра-
щеньи, богиня,
- ²⁶⁵ Мнѣ помоги благосклонно; ахейцы мой
путь затрудняютъ;
- Паче жъ другихъ женихи многосильные,
полные злобы.
- Такъ говорилъ онъ, молясь, и предъ нимъ
во мгновение ока,
- Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью,
предстала Аѳина.
- Голось возвысивъ, богиня крылатое бро-
сила слово:
- ²⁷⁰ Смѣль, Телемакъ, и разумень ты будешь,
когда обладаешь
- Тою великою силой, съ какою и словомъ
и дѣломъ
- Все твой отецъ, что хотѣлъ, совершалъ;
и достигнешь желанной
- Цѣли, свой путь безпрепятственно коп-
чивъ; когда жъ не прямой ты
- Сыгъ Одисеевъ, іс сыгъ Пенелопинъ
прямой, то надежды
- ²⁷⁵ Нѣтъ, чтобъ успѣшно ты могъ совершить
предпріятое дѣло.
- Рѣдко бывають подобны отцамъ сыновья;
всѣ большею
- Частию хуже отцовъ и немногіе лучше.
Но будешь
- Ты, Телемакъ, и разумень и смѣль,
послику не вовсе
- Ты Одисеевой силы великой лишешь; и
надежда
- ²⁸⁰ Есть для тебя, что успѣшно свершишь
предпріятое дѣло.
- Пусть женихи, беззаконствуя, зло замы-
шляютъ—оставь ихъ;
- Горе безумнымъ! они въ слѣпотѣ, незна-
комыя съ правдой,
- Смерти своей не предвидятъ, ни черной
судьбы, ежесвѣно
- Къ нимъ подступающей ближе и ближе,
чтобъ вдругъ погубить ихъ.
- ²⁸⁵ Ты же свое предпринять путешествіе мо-
жешь немедля;
- Будучи другомъ твоимъ по отцу твоему,
спаряжу я
- Быстрый корабль для тебя, и послѣдую
самъ за тобою.
- По возвратиши теперь къ женихамъ; а
тебѣ на дорогу

Пусть приготовить съѣтпос, пускай имъ
 наполнять сосуды;
 290 Пусть и въ амфоры вина нацѣдятъ, и
 муки, мореходца
 Спѣди питательной, въ кожанныхъ, плот-
 ныхъ мѣхахъ приготовить.
 Тою порой я гребцовъ наберу; кораблей же
 въ Итакѣ,
 Моремъ объятой, немало и новыхъ и
 старыхъ; межъ ними
 Лучшій я выберу самъ; и немедленно
 будетъ онъ нами
 295 Въ путь изготовленъ, и спустимъ его на
 священное море.
 Такъ говорила Аѳина, Зевесова дочь, Те-
 лемаку.
 Голосъ богини услышавъ, онъ берегъ не-
 медля покинулъ.
 Въ домъ возвратяся съ печалію милого
 сердца, нашелъ онъ
 Тамъ жениховъ многочисленныхъ: одни об-
 дирали въ поколѣхъ
 300 Козъ, а другіе, зарѣзавъ свиней, на дворъ
 ихъ палили.
 Съ колкой усмѣшкой къ нему подошелъ
 Антиной и, насильно
 За руку взявши его и назвавши по
 имени, молвилъ:
 Юноша вспыльчивый, злой говоришь, Те-
 лемакъ, не заботясь
 Болѣе о томъ, чтобъ вредить намъ изъ
 словомъ пль дѣломъ, а лучше
 305 Дружески съ нами безъ всякихъ заботъ
 веселись, какъ бывало.
 Волю жъ твою не замедлять ахейцы
 исполнить: получишь
 Ты и корабль и отборныхъ гребцовъ,
 чтобъ скорѣе достигнуть
 Въ Нилосъ, алобезный богамъ, и узнать
 объ отцѣ отдаленномъ.
 Кротко ему отвѣчалъ разсудительный
 сынъ Одиссеевъ:
 310 Нѣтъ, Антиной, неприлично мнѣ съ вами
 надменными вмѣстѣ
 Противъ желанья сидѣть за столомъ, ве-
 селясь беззаботно;
 Будьте довольны и тѣмъ, что имущество
 лучшее наше

Вы, женихи, разорили, откуда я былъ
 малодѣтень.
 Нынѣ жъ, когда, возмужавъ и совѣтницъ-
 ковъ слушая умныхъ,
 315 Все я узнать и когда ужъ во мнѣ про-
 будилася бодрость,
 Я попытаюсь на шею вамъ Паркъ не-
 избѣжныхъ накликасть,
 Такъ ли, иначе ли, събздивъ ли въ Пи-
 лосъ, иль здѣсь отыскавши
 Средство. Я ѣду—и путь мой напрасенъ
 не будетъ, хотя я
 ѣду поутучкомъ, ибо (такъ было устроено
 по вами)
 320 Здѣсь мнѣ имѣть своего корабля и греб-
 цовъ невозможно.
 Такъ онъ сказалъ и свою изъ руки
 Антиноевой руку
 Вырвалъ. Межъ тѣмъ женихи, избилъ-
 ный обѣдъ учреждая,
 Многими колкими сердце его оскорбляли
 рѣчамъ.
 Такъ говорили одни изъ ругателей дерз-
 конадменныхъ:
 325 Насъ Телемакъ погубить не на шутку
 замыслилъ; быть можетъ,
 Многихъ онъ въ помощь себѣ приведетъ
 изъ песчаного Пилоса, многихъ
 Также изъ Спарты; о томъ онъ, мы ви-
 димъ, заботится сильно.
 Можетъ случиться и то, что богатую
 землю Эфиру
 Онъ посѣтитъ, чтобъ, добывши тамъ яду,
 смертельнаго людямъ,
 330 Здѣсь отравить имъ кратеры и разомъ
 насъ вѣхъ уничтожить.
 Но — отвѣчали другіе насмѣшливо пер-
 вымъ—кто знаетъ!
 Можетъ случиться легко, что и самъ,
 какъ отецъ, онъ погибнетъ,
 Долго бродивъ по морямъ далеко отъ дру-
 зей и домашнихъ.
 Тѣмъ онъ, конечно, и насъ озоботить:
 тогда намъ придется
 335 Все раздѣлить межъ собой ихъ имуще-
 ство; домъ же уступимъ
 Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею
 межъ нами.

Такъ женихи. Телемакъ же пошелъ въ
 кладовую отцову,
 Зданье пространное; злата и мѣди тамъ
 кучи лежали;
 Много тамъ платья въ ларяхъ и души-
 стаго масла хранилось;
³⁴⁰ Куфы изъ глины съ виномъ многолѣт-
 нимъ и сладкимъ стояли
 Рядомъ у стѣвъ, заключая божественно-
 чистый напитокъ
 Въ ибдрѣ глубоко, на случай, когда
 Одиссей возвратится
 Въ домъ, претерпѣвши тяжелыхъ скор-
 бей и превратностей много.
 Двери двустворныя, дважды замкнутыя,
 въ ту кладовую
³⁴⁵ Входомъ служили; почтенная ключи-
 ница, деио и поцно
 Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердемъ
 въ порядкѣ держала
 Все Эвриклея, разумная дочь Певсенд-
 рида Оиса.
 Въ ту кладовую позвавъ Эвриклею, ска-
 залъ Телемакъ ей:
 Няня, амфоры наполни виномъ благо-
 вошнымъ, вкусѣйшимъ
³⁵⁰ Послѣ того дорогаго, которое здѣсь бере-
 жешь ты,
 Помни о немъ, о несчастномъ, и все
 уповая, что въ домъ свой
 Царь Одиссей возвратится, и смерти и
 Паркъ избѣжавни.
 Имъ ты двѣнадцать наполни амфоръ и
 амфоры закупорь;
 Такъ же и кожаныхъ, плотныхъ мѣховъ
 приготожь, оржапою
³⁵⁵ Полныхъ мукой; и чтобъ въ каждомъ
 изъ нихъ заключалось двадцать
 Мѣръ; но объ этомъ ты вѣдай одна; со-
 бери все припасы
 Въ кучу; за ними прійду ввечеру я, въ
 то время, когда ужъ
 Въ верхій покой свой уйдетъ Пенелона,
 о снѣ помышляя.
 Спарту и Пилосъ несчастный хочу посѣ-
 тить, чтобъ провѣдать,
³⁶⁰ Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ
 и его возвращеннѣ.

Кончилъ. Ему Эвриклея, усердная няня,
 заплакавъ,
 Съ громкимъ рыданьемъ крылатое бро-
 сила слово: зачѣмъ ты,
 Милое наше дитя, откроешь такимъ по-
 мышленьямъ
 Сердце? Зачѣмъ въ отдаленную чуждую,
 землю стремишься
³⁶⁵ Ты, утѣшеніе наше единое? Твой ужъ
 родитель
 Встрѣтилъ конецъ межъ народовъ враж-
 дебныхъ отъ дома далеко;
 Здѣсь же, покуда ты страствовать бу-
 дешь, коварно устроить
 Ковъ, чтобъ извести и тебя, и твое все
 богатство раздѣлять.
 Лучше останься у насъ при евоемъ; ни
 малѣйшей нѣтъ нужды
³⁷⁰ Въ страшное море тебѣ на бѣды и на
 бури пускаться.
 Ей отвѣчая, сказала разсудительный сынъ
 Одиссея:
 Няня, мой другъ, не тревожься; не мимо
 боговъ я рѣшился
 Въ путь, но клянусь мнѣ, что мать отъ
 тебя ни о чемъ не узнаеть
 Прежде, пока не свернитъя одиннадцать
 дней иль двѣнадцать,
³⁷⁵ Или покуда не спроситъ сама обо мнѣ,
 иль другой кто
 Тайны не скажетъ — боюсь, чтобъ отъ
 плача у ней не поблекла
 Свѣжесть лица. Эвриклея богами вели-
 кими стала
 Клясться; когда жъ поклялася и клятву
 свою совершила,
 Тотчасъ она, благовошнымъ виномъ съ
 амфоры паливши,
³⁸⁰ Кожаныхъ плотныхъ мѣховъ пригото-
 вила, полныхъ мукою.
 Онъ же, домой возвратившися, тамъ съ
 жепихами остался.
 Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ
 Палады Аенны:
 Видѣ Телемака принявши, она объжала
 весь городъ;
 Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь
 обраща, собратъся

- 385 Всѣхъ пригласила она ввечеру на ко-
рабль быстроходный.
Послѣ, пришедъ къ Ноэмплу разумнаго
Фронія сыну,
Дать ей просила корабль — Ноэмонъ со-
гласился охотно.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и всѣ по-
темпѣли дороги.
Легкій корабль на соленую влагу спу-
етивъ и запасы,
390 Нужные каждому прочному судну, со-
бравши, на самомъ
Выходѣ въ море изъ бухты его помѣ-
стила богиня.
Люди сошлись, и въ каждомъ она воз-
будила отважность.
Новая мысль родилася тутъ въ сердцѣ
Паллады Аѳины:
Въ домъ Одиссея, царя благороднаго,
вшедши, богиня
395 Сладкій сонъ на пирующихъ тамъ жени-
ховъ навела, помутила
Мысли у пьющихъ и вырвала кубки изъ
рукъ ихъ; влеченію
Спа уступивши, они по домамъ разошлись
и недолго
Ждали его, не замедлил онъ пасть на
усталыя вѣжды.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Телемаку
сказала,
400 Вызываю его изъ устроенной пышно па-
латы столовой,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью:
пора, Телемакъ, намъ;
Всѣ собрался ужъ свѣтлообутые спут-
ники наши;
Сидя у веселья, они ожидаютъ тебя съ
истерѣбьемъ;
Время птти; не годится намъ долѣ от-
кладывать путь свой.
405 Кончивъ, Паллада Аѳина пошла впереди
Телемака
Быстрымъ шагомъ; послѣ пошелъ
Телемакъ за богиней.
Къ морю и къ ждавшему ихъ кораблю
подошедши, они тамъ
Спутниковъ густоудрявыхъ нашли у
песчанаго берега.
- Къ нимъ обратилась тогда Телемакова
сила святая:
410 Братья, принесть послѣднимъ путевымъ
запасы; они ужъ
Всѣ приготовлены въ домѣ, и мать ни
о чемъ не слыхала;
Также ничто и рабынямъ не сказано;
тайпу одна лишь
Знаеть. И быстро пошелъ впереди онъ;
за нимъ всѣ другіе.
Взявши запасы, они ихъ на прочно
устроенномъ суднѣ
415 Склали, какъ то повѣдѣлъ имъ возпо-
блennyй сынъ Одиссеевъ.
Скоро и самъ онъ вступилъ на корабль
за богиней Аѳиной;
Подлѣ кормы корабельной она помѣсти-
лась; съ ней рядомъ
Сѣлъ Телемакъ, и гребцы, отвязавши
послѣдніе канаты,
Также взошли на корабль и сѣли на
лавкахъ у веселья.
420 Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь даровала
имъ вѣтеръ попутный,
Свѣжій повѣялъ зефиръ, ошумляющій
темное море.
Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Те-
лемакъ имъ скорѣе
Снасти устроить; ему повинуюсь, осно-
вую мачту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо
водрузивши,
425 Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ на-
тянули веревки;
Вѣлыи потомъ привязали ремнями плете-
ными парусъ;
Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся, и
пурпурныя волны
Звучно подъ килемъ потекшаго въ нихъ
корабля зашумѣли;
Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая
себѣ въ нихъ дорогу.
430 Тутъ корабельники, черное быстрое
судно устроивъ,
Чаши наполнили сладкимъ виномъ и мо-
лясь сотворили
Должное вѣчнорожденнымъ, безсмертнымъ
богамъ возлиянье,

Паче жъ другихъ свѣтлоюй богинѣ вселюкой Палладѣ.
Судно всю ночь и все утро спокойно
свой путь совершало.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Третій и четвертый день, до вѣчера пѣтаю.

Прибытіе Телемака въ Пилосъ. Онъ пахотитъ Нестора, приносящаго на берегу моря жертву Посидону вмѣстѣ съ народомъ. Несторъ по просьбѣ Телемака рассказываетъ о томъ, что случилось съ нимъ, съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими ахейскими вождями послѣ разрушенія Трои. Онъ совѣтуетъ Телемаку посѣтить Менелая въ Лакедмонѣ. Телемакъ остается почевать въ домѣ Нестора. На другой день, по совершеніи жертвы, общаюй Несторомъ Аеній, Телемакъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Нестора Пизистратомъ, отправляется въ путь; они ночуютъ у Дюклеса и на слѣдующій вечеръ прѣзжаютъ въ Лакедмонъ.

Гдѣлюсь съ моря прекраснаго веталъ и
звился на мѣдномъ
Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмерт-
ныхъ боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ пло-
доносной живущихъ
Тою порою достигнулъ корабль до Нелесе-
ва града
5 Пышнаго Пилоса. Въ жертву народъ при-
посилъ тамъ на брегѣ
Черныхъ быковъ Посидону лазурюкюдря-
вому богу;
Было тамъ девять скамей, на скамьяхъ,
по пяти согъ на каждой,
Люди сидѣли, и девять быковъ передъ
каждою было.
Сладкой отвѣдавъ утробы, уже сожгали
предъ богомъ
10 Бѣдра въ то время, какъ въ пристань
вошли мореходцы. Убравши
Спасти, и якоремъ шаткѣй корабль утвер-
дивши, на землю
Вышли они; Телемакъ, за Аеніюю слѣ-
дуя, также

Вышелъ. Къ нему обратяся, богиня Аен-
на сказала:
Сынъ Одиссеявъ, теперь ужъ застычи-
вымъ быть ты не должень;
15 Ибо затѣмъ мы и въ море пустились,
чтобъ свидать, въ какую
Землю отецъ твой судьбиною брошенъ и
что претерпѣлъ онъ.
Смѣло приближся къ копей обуздателью
Нестору; зная намъ
Должно, какія въ душѣ у него заклю-
чаются мыслн.
Смѣло его попроси, чтобъ тебѣ объявить
онъ всю правду;
20 Лжи онъ, конечно, не скажетъ, умомъ
одаренный великимъ.
Но—отвѣчалъ разсудительный сынъ Оди-
сеевъ богинѣ—
Какъ подойти мнѣ? Какое скажу я при-
вѣтствіе, Менторъ?
Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ
людьми я некусеиъ;
Также не знаю, прилично ли младшимъ
разспрашивать старшихъ?
25 Дочь свѣтлоокая Зевса Аенна ему отвѣ-
чала:
Многое самъ, Телемакъ, ты своимъ уга-
даешь разсудкомъ;
Многое демонъ откроеть тебѣ благосклон-
ный; не противъ
Воли жъ безсмертныхъ, я думаю, былъ
ты рожденъ и воспитанъ.
Кончивъ, богиня Аенна пошла впередъ
Телемака
30 Быстрымъ шагомъ; за нею пошелъ Те-
лемакъ; и послѣпно
Къ мѣсту подходить они, гдѣ пилійцы
собравшіеся сидѣли;
Тамъ съ сыновьями и Несторъ сидѣлъ;
ихъ друзья, учреждая
Ирръ, суетились, вадѣвали на вертелы,
жарили мясо.
Всѣ, иноземцевъ увидя, пошли къ нимъ
на встрѣчу и, руки
35 Имъ подавая, просили ихъ съѣсть друже-
любно съ народомъ.
Первый, ихъ встрѣтившій, Несторовъ
сынъ, Пизистратъ благородный,

Ласково за руки взявши обоихъ, на брегѣ
песчаномъ
Мѣсто на мягкихъ разостланныхъ кожахъ
занять пригласилъ ихъ
Между отцомъ престарѣлымъ и братомъ
младымъ Фразимедомъ.
40 Сладкой утробы отвѣдать имъ давъ, онъ
виномъ благовопнымъ
Кубокъ наполнилъ, вина отхлебнулъ и
сказалъ свѣтлоюкой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ Аѳинѣ:
Странникъ, ты долженъ призвать Поси-
дона владыку: вы пьѣтъ
Прибыли къ намъ на великій праздникъ
его; совершивши
45 Здѣсь, какъ обычай велитъ, передъ нимъ
возліянье съ молитвой,
Ты и товарищу кубокъ съ напитокомъ
божественно-чистымъ
Дай; онъ, я думаю, молится также бо-
гамъ, посланку
Все мы, люди, имѣемъ въ богахъ благо-
дѣтельныхъ нужду.
Онъ же моложе тебя и, конечно, ровес-
никъ со мною;
50 Вотъ почему я и кубокъ тебѣ напередъ
предлагаю.
Копчивъ, онъ передалъ кубокъ съ ви-
номъ благовопнымъ Аѳинѣ.
Былъ ей пріятель поступокъ разумнаго
юноши, первой
Ей предложившаго кубокъ съ виномъ
благовопнымъ; и стала
Голосомъ громкимъ она призывать Поси-
дона владыку:
55 Царь Посидонъ земледержецъ, молюся
тебѣ, не отвергни
Насъ, уповающихъ здѣсь, что желанія
наши исполнишь.
Нестору славу съ его сыновьями во-
первыхъ даруй ты;
Послѣ богатую милость яви и другимъ,
благосклонно
Здѣсь отъ нилійцевъ великую нилѣ при-
нявъ эгатомбу;
60 Дай намъ потомъ, Телемаку и мнѣ, воз-
вратиться, окончивъ
Все, для чего мы приплыли сюда въ ко-
раблѣ крутобокомъ.

Такъ помолясь, совершила сама возліянье
богиня;
Послѣ двуручный кубокъ она подала Те-
лемаку;
Въ свой помолился чередъ и возлюблен-
ный сынъ Одиссеевъ.
65 Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ спявши
хребтовое мясо,
Раздали части и пачали пиръ многослав-
ный; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ слад-
кимъ нитьемъ и фдою,
Рѣчь обратилъ къ носѣтителямъ Несторъ
герой герепейскій:
Странники, мнѣ ужъ теперь неприлично
не будетъ спросить васъ,
70 Кто вы, понеже ужъ лицомъ вы наслу-
дился довольно.
Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ
прибыли влажной дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла
скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добыч-
ники вольные, мчаяся,
Жизнью играя своей и бѣды приключая
народамъ?
75 Съ духомъ собравшись, на то разсуди-
тельный сынъ Одиссеевъ
Такъ, отвѣчая, сказалъ (и Аѳина ему
ободрила
Сердце, чтобъ Нестора могъ онъ спросить
объ отцѣ отдаленномъ,
Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвер-
дилася добрая слава):
Сынъ Пелеевъ, о Несторъ, великая слава
ахейнъ,
80 Знать ты желаешь, откуда и кто мы;
всю правду скажу я:
Мы изъ Итаки, подъ склономъ лѣсистымъ
Нейона лежащей;
Прибыли жъ къ вамъ, не за общимъ
народнымъ, за собственнымъ дѣломъ;
Странствую я, чтобъ, молву объ отцѣ
вопрошавъ, провѣдать,
Гдѣ Одиссей благородный, въ бѣдахъ по-
стоянный, съ которымъ
85 Ратуя вмѣстѣ, вы градъ Иліонъ, гово-
рить, сокрушили.

Прочіе жъ, сколько ихъ ни было, противъ трояиъ воевавшихъ, Вѣдственно, слышали мы, въ сторонѣ отдаленной погибли все; а его и погибель отъ насъ неприступно Кроніонъ скрылъ; гдѣ нашелъ онъ конецъ свой, не знаетъ никто: на землѣ ли
 90 Твердой онъ палъ, переселенный злыми врагами, въ зыбяхъ ли Моря погибъ, поглощенный холодной волной Амфитриты. Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно Участъ отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своими Видѣлъ глазами, или что отъ какого услышалъ случайно
 95 Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе. Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не смягчая, Все Расскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ. Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный, Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
 100 Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣды претерпѣли, ахейцы, Вспомни объ этомъ теперь и понетигъ все Расскажи мнѣ. Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ герой герейскій: Сынъ мой, какъ сильно напомнилъ ты мнѣ о напастяхъ, въ землѣ той Встрѣченныхъ нами, ахейцами, твердыми въ опытѣ строгомъ,
 105 Частью, когда въ корабляхъ, предводимыхъ бодрымъ Нелидомъ, Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись, Частью, когда передъ крѣпкимъ Пріамовымъ градомъ съ врагами Яростно бились. Изъ нашихъ въ то время все лучшіе пали: Легъ тамъ Аякъсъ бѣдоносный, тамъ легъ Ахиллесъ, и совѣтовъ

110 Мудростью равныйъ безсмертнымъ Патроклъ, и лежитъ тамъ мой милый Сынъ Антилохъ, безнорочный, отважный, и столько же дивный Легкостью бѣга, сколь былъ онъ безстрашный боецъ. И немало Разныхъ другихъ испытали мы бѣдъ великихъ, о нихъ же Можетъ ли все рассказать хоть одинъ изъ людей земнородныхъ?
 115 Если бъ и дѣляя пять лѣтъ и шесть лѣтъ ты могъ безпрестанно Вѣсти собирать о бѣдахъ, приключившихся бодрымъ ахейцамъ, Ты бы, всего не узнавъ, недоволенъ домой возвратился. Девять трудились лѣтъ мы, чтобъ ихъ погубить, вымышляя Многія хитрости — кончить пасилу рѣшился Кроніонъ.
 120 Въ умныхъ совѣтахъ никто тамъ не могъ наряду быть поставленъ Съ нимъ: далеко опереживалъ всехъ изобрѣтеньемъ многихъ Хитростейъ царь Одиссея, благородный родитель твой, если Подлинно сынъ ты его. Съ изумленьемъ смотрю на тебя и; Съ нимъ и рѣчами ты сходишь; но кто бы подумалъ, чтобъ было
 125 Юношѣ можно такъ много съ нимъ сходствовать умною рѣчью? Я жъ постоянно, куда войну мы вели, на совѣтъ ль, Въ сонмѣ ль народномъ, всегда зѣдно говорилъ съ Одиссеемъ; Въ мнѣняхъ согласные, вмѣстѣ всегда мы, обдумавши строго, То лишь одно избирали, что было ахейцамъ полезнѣй.
 130 Но когда, ниспровергнувши городъ Пріама великій, Мы къ кораблямъ возвратились, богъ разлучилъ насъ: Кроніонъ Вѣдственный путь по морямъ приготовить замыслилъ ахейцамъ. Былъ не у каждого свѣтель разсудокъ, не все справедливы

Были они — потому и постигнула злая
 судьбина
 135 Многихъ, разгнѣвавшихъ дочь свѣтло-
 окую страшнаго бога.
 Сильную распрю богиня Аѳина зажгла
 межъ Атридовъ:
 Оба, созвать вознамѣрясь людей на со-
 вѣтъ, безразсудно
 Собрали ихъ не въ обычное время, когда
 ужь садилось
 Солнце; ахейцы сошлись, виномъ охмѣ-
 ленные; тѣ же
 140 Стали одинъ за другимъ объяснять имъ
 причину собранья:
 Требовалъ царь Менелай, чтобъ аргивскіе
 мужи въ обратный
 Путь по широкому моря хребту устре-
 мились немедля;
 То Агамѣмонъ отвергнулъ: ахейцевъ еще
 удержать онъ
 Мыслилъ за тѣмъ, чтобъ они, совершивъ
 экатомбу святую,
 145 Гнѣвъ примирили ужасной богини...
 младенецъ! еще онъ
 Видно не зная, что ужь быть не могло
 примиренія съ нею:
 Вѣчные боги не скоро въ своихъ измѣ-
 няются мысляхъ.
 Такъ, обращая другъ къ другу обидныя
 рѣчи, тамъ оба
 Брата стояли; собраніе свѣтлообутыхъ
 ахейцъ
 150 Воплемъ наполнилось яростнымъ, на два
 разрознившись мѣлныя.
 Всю ту мы ночь провели въ непріязнен-
 ныхъ другъ противъ друга
 Мысляхъ: ужь намъ беззаконнымъ гото-
 вилъ Зевесъ наказанье.
 Утромъ одни на прекрасное море опять
 кораблями
 (Взявъ и добычу и дѣвъ, глаубодъ оно-
 ясаннхъ) вышли.
 155 Но половина другая ахейцъ осталась на
 брегѣ
 Вмѣстѣ съ царемъ Агамѣмономъ, насты-
 ремъ многихъ народовъ.
 Дали мы ходъ кораблямъ, и они по вол-
 намъ побѣжали

Быстро: подъ нами углаживалъ богъ мно-
 годное море.
 Скоро пришедъ въ Тепедось, принесли
 мы тамъ жертву безсмертнымъ,
 160 Дать намъ отчину моля ихъ, но Дій
 непреклонный еще намъ
 Медлилъ дозволить возвратъ: онъ вторич-
 ной враждой возмутилъ насъ.
 Часть за царемъ Одисеемъ, подателемъ
 мудрыхъ совѣтовъ,
 Въ многовесельныхъ пустякъ корабляхъ,
 устремилась въ обратный
 Путь, чтобъ Атриду царю Агамѣмону
 вновь покориться.
 165 Я же пѣспѣшно со всеми подвластными
 мнѣ кораблями
 Поплылъ впередъ, угадавъ, что готовилъ
 намъ бѣдствие демоу;
 Поплылъ со всеми своими и сынъ бѣдо-
 носный Тидя;
 Позже отправился въ путь Менелай зла-
 товламый: въ Лезбоѣ
 Насъ онъ нагналъ, нерѣшимыхъ, какую
 избрать намъ дорогу:
 170 Выше ль скалами обильнаго Хіоса путь
 свой на Пепру
 Править, ес оставляя по лѣвую руку,
 иль ниже
 Хіоса мимо открытаго воющимъ Вѣтрамъ
 Мимонта?
 Дія молили мы знаменье дать намъ; и,
 знаменье давши,
 Онъ повелѣлъ, чтобъ, разрѣзавши море
 по самой срединѣ,
 175 Шли мы къ Эвбоѣ для скорого близкой
 бѣды избѣжанья;
 Вѣтеръ полутный, свистя, занумѣлъ, и,
 рыбообильный
 Путь совершая легко, корабли до Гер-
 ста достигли
 Къ ночи; отъ многихъ быковъ возложили
 мы тучныя бедра
 Тамъ на алтарь Посидоновъ, измѣривъ
 великое море.
 180 День совершился четвертый, когда, до-
 бѣжавъ до Аргоса,
 Все корабли Діомеда, коней обуздателя,
 стали

Въ пристани. Прямо тѣмъ временемъ въ
 Пилосѣ я плыль, и ни разу
 Вѣтеръ попутный, въ началѣ намъ по-
 сланный Діемъ, не стихнулъ.
 Такъ возвратился я, сынъ мой, безъ
 всякихъ вѣстей; и допывъ
 185 Свѣдать еще я не могъ, кто погибъ изъ
 ахейцъ, кто спасся.
 Что жъ отъ другихъ мы узнали, живы
 подъ домашнею кровлей,
 То вамъ, какъ слѣдуетъ, я расскажу, ни-
 чего не скрывая.
 Слышали мы, что съ младымъ Ахиллесъ
 великаго сыномъ
 Всѣ мирмидоны его, коньеносцы домою
 возвратились;
 190 Живъ, говорятъ, Филоктетъ, сынъ Пее-
 новъ возлюбленный; здраво
 Идомей (никого изъ соутниковъ, съ
 нимъ избѣжавшихъ
 Вѣстѣ войны, не утративши на морѣ)
 Крита достигнулъ;
 Къ вамъ же, конечно, и въ дальнюю землю
 дошелъ объ Атридѣ
 Слухъ, какъ домою возвратился онъ, какъ
 умерщвленъ былъ Эгистомъ,
 195 Какъ и Эгистъ наконецъ по заслугѣ
 пріялъ воздаянъ.
 Счастье, когда у погибнаго мужа оста-
 нется бодрый
 Сынъ, чтобъ отметить, какъ Орестъ, по-
 разившій Эгиста, которымъ
 Былъ умерщвленъ злоковарно его много-
 славный родитель!
 Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ,
 столь прекрасно созрѣвшій,
 200 Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое
 и потомки хвалили.
 Выслушавъ Нестора, такъ отвѣчалъ Теле-
 макъ благородный:
 Сынъ Пелеевъ, о Несторъ, великая слава
 ахейцъ,
 Правда, отмстилъ онъ, и страшно от-
 мстилъ, и сму отъ народовъ
 Честь новсемѣтная будетъ и будетъ хвала
 отъ потомства.
 205 О! когда бъ и меня одарили такую же
 силой

Боги, чтобъ такъ же и я могъ отметить
 женамъ, наносящимъ
 Столько обидъ мнѣ, коварно погубель мою
 замыслию!
 Но благодати великой такой инеослатъ
 не хотѣли
 Боги ни мнѣ, ни отцу — и удѣлъ мой
 отнынѣ терпѣнъ.
 210 Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ,
 герой геренейскій:
 Самъ ты, мой милый, о томъ мнѣ своимъ
 словами напомнилъ;
 Слышали мы, что, твою благородную мать
 притѣвляя,
 Въ домѣ твоемъ женихи беззаконнаго
 дѣлають много.
 Знать бы желалъ я: ты самъ ли то во-
 ласю сноенишь? Народъ ли
 215 Вашей земли ненавидитъ тебя, по вну-
 шенію бога?
 Мы же не вѣдаемъ; можетъ случиться
 легко, что и самъ онъ
 Ихъ, возвратясь, погубить, одинъ ли, со-
 звавъ ли ахейцъ...
 О! когда бъ возлюбить свѣтлоокая дѣва
 Паллада
 Также могла и тебя, какъ она Одиссея
 любила
 220 Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много бы бѣдъ
 претерпѣли ахейцы!
 Нѣтъ, никогда не бывали столь боги въ
 любви откровенны,
 Сколь откровенна была съ Одиссеемъ Пал-
 лада Аѳина!
 Если бы ея съ такою жъ любовью и ты
 былъ присвоенъ,
 Самая память о бракѣ во многихъ изъ
 нихъ бы пропала.
 225 Нестору такъ отвѣчалъ разсудительный
 сынъ Одиссеевъ:
 Старецъ, пессбыточно, думаю, слово твое;
 о великомъ
 Ты говоришь, и ужасно мнѣ слушать
 тебѣ; не случится
 То никогда ни по просьбѣ моей, ни по
 волѣ безсмертныхъ.
 Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
 230 Странное слово изъ устъ у тебя, Теле-
 макъ, излетѣло;

- Богу легко защитить насъ и издали, если захочеть;
 Я жъ согласенъ бѣ скорбѣ и бѣдствіа встрѣтить, чтобъ только
 Сладостный день возвращенья увидѣть, чѣмъ, бѣдствій избѣгнуть,
 Въ домъ возвратиться, чтобъ пасть предъ своимъ очагомъ, какъ великій
- ²³⁵ Палъ Агамемнонъ предательствомъ хитрой жены и Эгиста.
 Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа
 Милаго имъ чловѣка избавить, когда онъ ужъ преданъ
 Въ руки навѣкъ — усыпляющей смерти судьбиною будетъ.
 Такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссея богинѣ:
- ²⁴⁰ Менторъ, не станемъ о томъ говорить мы, хотя и крушить намъ
 Сердце оно; ужъ его возвращенія мы не увидимъ:
 Черную участь и смерть для него приготовили боги.
 Я же теперь, о иномъ вопрошая, хочу обратиться
 Къ Нестору — правдой и мудростью всехъ онъ людей превосходить;
- ²⁴⁵ Выль, говорятъ, онъ царемъ, повелителемъ трехъ поколѣній,
 Образомъ свѣтлымъ своимъ онъ бессмертному богу подобенъ —
 Сынъ Нелеевъ, скажи, ничего отъ меня не скрывая,
 Какъ умерщвленъ былъ Атридъ Агамемнонъ прострашнодержавный?
 Гдѣ Менелай находился? Какое губящее средство
- ²⁵⁰ Хитрый Эгистъ избрѣлъ, чтобъ удобнѣе сладить съ сильнѣйшимъ?
 Иль, не достигнувъ Аргоса, еще межъ чужими людьми онъ
 Былъ и врага своего тѣмъ отважилъ на злое убійство?
 Другъ, Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой геренейскій:
 Все разкажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
- ²⁵⁵ Подлинно такъ все случилось, какъ думаешь самъ ты; но если бѣ
 Въ братнемъ жилищѣ Эгиста живаго засталъ, возвращаясь
 Въ домъ свой изъ брани тронской, Атридъ Менелай златовласый,
 Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
 Хвщныя птицы и небы бы его растерзали, безъ чести
- ²⁶⁰ Въ полѣ далеко за градомъ Аргосомъ лежащаго, жены
 Наши его бѣ не оплакали — страшное дѣло свершилъ онъ.
 Тою порою, какъ билися мы на поляхъ иліонскихъ,
 Онъ въ безопасномъ углу многоконнаго града Аргоса,
 Сердце жены Агамемнона лестью опутывалъ хитрой.
- ²⁶⁵ Прежде самой Клитемнестры божественной было противно
 Дѣло постыдное — мыслей порочныхъ она не имѣла;
 Былъ же при ней нѣсповѣвецъ, которому царь Агамемнонъ,
 Въ Трою готовая плыть, наблюдать повѣлѣлъ за супругой;
 Но, какъ скоро судьбина ее предала преступленію,
²⁷⁰ Тотъ нѣсповѣвецъ былъ сосланъ Эгистомъ на островъ безплодный,
 Гдѣ и оставленъ; и хищныя птицы его растерзали.
 Онъ же се, одного съ нимъ желавшую, въ домъ пригласилъ свой;
 Множество бедръ на святыхъ алтаряхъ онъ сожегъ предъ богами,
 Множествомъ вкладовъ, и златомъ, и тканями, хры украсялъ,
²⁷⁵ Дерзкое дѣло такое съ нежданымъ окончивъ успѣхомъ.
 Мы же, покинувши землю Троянскую, поплыли вмѣстѣ,
 Я и Атридъ Менелай, сопряженные дружбою тѣсною.
 Были ужъ мы предъ священнымъ Суніономъ, мысомъ аттійскимъ;

Вдруг Менелая кормица Фебъ Апол-
 лонъ невидимо
 280 Тихой своею стрѣлою умиривъ: ура-
 вляя бѣгущимъ
 Судномъ, кормило держалъ многоопытной,
 твердой рукою
 Фронтисъ, Онегоровъ сынъ, наиболѣе изъ
 всѣхъ земнородныхъ
 Тайну проникшій владѣть кораблемъ въ
 наступившую бурю.
 Путь свой замедливъ, хотя и сибилить,
 Менелай, чтобъ на брегѣ
 285 Честь погребенія другу воздать съ тор-
 жествомъ надлежащимъ;
 Но когда на своихъ корабляхъ крутобо-
 кихъ опять онъ
 Въ темное море пошелъ и высокаго мыеа
 Маллен
 Быстро достигъ — повсемѣстно гремящій
 Кроноисъ, замысливъ
 Гибель, нагналъ на него многошумное
 вѣтра дыханье,
 290 Поднялъ могучія, тяжкія, гороогромныя
 волны.
 Вдругъ корабли разлучивъ, половину ихъ
 бросилъ онъ къ Криту,
 Гдѣ обитаютъ Кидоны у свѣтлыхъ пото-
 ковъ Ярапа.
 Видѣвъ тамъ гладкій утесъ, восходящій
 надъ влагой соленой,
 Въ темное море вдвигаясь на крайнихъ
 предѣлахъ Гортинъ;
 295 Тамъ, гдѣ великія волны на западный
 берегъ у Феста
 Ночь нагоняетъ и малый утесъ ихъ дроб-
 битъ, отшибая,
 Тѣ корабли очутились; проворствомъ спа-
 сены отъ смерти
 Люди; суда жъ ихъ погнбли, разбившись
 объ острые камни.
 Пять остальныхъ кораблей темноносыхъ,
 похищенныхъ бурей,
 300 Вѣтеръ могучій и волны ко берегу Египта
 примчали.
 Тамъ Менелай, собирая сокровища и зо-
 лота много,
 Странствовалъ между народовъ инаго языка,
 и въ то же

Время Эгистъ совершилъ беззаконное дѣло
 въ Аргосѣ,
 Смерти предавши Атрида — народъ поко-
 рялся безмолвно.
 305 Цѣлые семь лѣтъ онъ властвовалъ въ
 златообильной Микенѣ;
 Но на осьмой изъ Аѳинъ возвратился ему
 на погибель
 Богоподобный Орестъ; и убійцу сразилъ
 опъ, которымъ
 Былъ умерщвленъ злоковарно его много-
 славный родитель.
 Пиръ учредивъ для аргивянъ великій,
 свершилъ погребенье
 310 Онъ и преступницѣ матери вѣстѣ съ
 Эгистомъ презрѣннымъ.
 Въ самый тотъ день и Атридъ Менелай,
 вызыватель въ сраженье,
 Прибылъ, богатства собравъ, сколь могло
 въ корабляхъ умѣститься.
 Ты же недолго, мой сынъ, въ отдаленны
 отъ родины странствуй,
 Домъ и наследье отца благороднаго бро-
 сивъ на жертву
 315 Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твою без-
 пощадно; расхитятъ
 Все, и безъ пользы останется путь, со-
 вершенный тобою.
 Но Менелая Атрида (совѣтую, требую)
 долженъ
 Ты посетить; онъ недавно въ отечество
 прибылъ изъ чуждыхъ
 Странъ, отъ людей, отъ которыхъ никто,
 занесенный однажды
 320 Къ нимъ по широкому морю стремитель-
 нымъ вѣтромъ, не могъ бы
 Живъ возвратиться, откуда и въ годъ
 долетѣть къ намъ не можетъ
 Быстрая птица — толь страшно великой
 пучины пространство.
 Ты же поѣдешь отсюда иль моремъ со
 всѣми своими,
 Или, когда пожелаешь, землею: коней
 съ колесницей
 325 Дамъ я, и сына съ тобою пошлю, чтобъ
 тебѣ указалъ онъ
 Путь въ Лакедемонъ божественный, гдѣ
 Менелай златовласый

Царствует; можешь ты самъ обо всемъ
разспросить Менелая;
Лжи онъ, конечно, не скажетъ, умомъ
одаренный великимъ.
Кончили. Тѣмъ временемъ солнце померкло
и тѣма наступила.
330 Къ Нестору слово свое обративши, ска-
зала Аѳина:
Старецъ, твои разуздительны рѣчи, но
медлить не станемъ;
Должно отрѣзать теперь языки и царю
Посидону
Купно съ другими богами виномъ сотво-
рить возліянье;
Время подумать о ложѣ покойномъ и снѣ
мировномъ;
335 Дель на закатѣ угасъ и ужъ болѣе не
будетъ прилично
Здѣсь намъ сидѣть за трапезой боговъ;
удалиться пора намъ.
Такъ говорила богиня; почтительно всѣ
ей внимали.
Тутъ для умытія рукъ имъ служители
подали воду;
Отроки свѣтлымъ кратеры до края на-
полнивъ напитокомъ,
340 Въ чашахъ его разнесли, по обычаю
сирова начавши;
Бросивъ въ огонь языки, сотворили они
возліянье,
Стоя; когда жъ сотворили его и виномъ
насладились,
Сколько желала душа, Телемакъ благо-
родный съ Аѳиной
Стали къ ночлегу на свой быстроходный
корабль собираться.
345 Несторъ, гостей удержавши, сказалъ: да
отнюдь не позволять
Вѣчный Зевесъ и другіе безсмертные боги,
чтобъ нынѣ
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль
быстроходный!
Развѣ одесдѣ не найдете у насъ? Не-
ужели я инціи?
Будто ужъ въ домѣ моемъ ни покрововъ,
ни мягкихъ постелей
350 Нѣтъ, чтобъ и самъ я, и гости мои па-
сладился покойнымъ

Сномъ?—Но покрововъ и мягкихъ посте-
лей найдете довольно.
Можно ль, чтобъ сынъ толь великаго
мужа, чтобъ сынъ Одиссеевъ
Выбралъ себѣ корабельную палубу спаль-
ней, пока я
Живъ и мои сыновья обитаютъ со мною
подъ одною
355 Кровлей, чтобъ всѣхъ, кто пожалуетъ
къ намъ, угощать дружелюбно?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣ-
чала:
Умное слово сказала ты, возлюбленный
старецъ, и долженъ
Волю исполнить твою Телемакъ: то ко-
нечно приличнѣй.
Здѣсь я оставляю его, чтобъ покойно подѣ
кровлей твоею
360 Ночь онъ провелъ. Самому жъ мнѣ на
черный корабль возвратиться
Должно, чтобъ нашихъ людей ободрить и
о многомъ сказать имъ:
Я изъ соутниковъ нашихъ старѣйшій
годами; они же
(Всѣ молодые, ровесники всѣ Телемаку)
по доброй
Волѣ, изъ дружбы его въ кораблѣ про-
водить согласились;
365 Вотъ для чего и хочу я на черный ке-
рабль возвратиться.
Завтра жъ съ зарею пойти мнѣ къ на-
роду отважныхъ кавкоповъ
Нужно, чтобъ тамъ заплатил мнѣ люди
старинный, немалый
Долгъ. Телемака же, послѣ того, какъ у
васъ погоститъ онъ,
Съ сыномъ своимъ въ колесницѣ отправь
ты, коней повѣлвши
370 Дать имъ проворнѣйшихъ въ бѣгѣ и
силою самыхъ отличныхъ.
Такъ имъ сказавъ, свѣтлоокая Зевсова
дочь удалилась,
Быстрымъ орломъ улетѣвъ; изумился на-
родъ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидѣвши,
Несторъ.
За руку взявъ Телемака, ему дружелюбно
сказалъ онъ:

375 Другъ, ты конечно и сердцемъ не робокъ
и силою крѣпокъ,
Если тебѣ молодому такъ явно сонут-
ствуютъ боги.
Здѣсь изъ безсмертныхъ, живущихъ въ
обителяхъ свѣтлыхъ Олимпа,
Быль не иной кто, какъ Діева славная
дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая въ сонмѣ
аргивянъ.
380 Будь благосклонна, богиня, и намъ и ве-
ликую славу
Дай мнѣ и дѣтямъ моимъ, и супругѣ моей
благославной;
Я же телиду тебѣ однолѣтнюю, лбистую,
въ полѣ
Вольно бродящую, съ игомъ еще незна-
комую, въ жертву
Здѣсь принесу, ей рога изукрашивши зо-
лотомъ чистымъ.
385 Такъ говорилъ онъ, молясь; и Палладою
быль онъ услышанъ.
Кончивъ, пошелъ впереди сыновей и
зятьевъ благородныхъ
Въ домъ свой богато украшенный Несторъ,
герой геренейскій;
Съ Несторомъ въ царскій богато укра-
шенный домъ и другіе
Также вступили и сѣли порядкомъ на
креслахъ и стульяхъ.
390 Старецъ тогда для собравшихся кубокъ
наполнивъ до края
Свѣтлымъ виномъ, чрезъ одиннадцать
лѣтъ изъ амфоры налитымъ
Ключницей, снявшею впервые съ завѣт-
ной амфоры той кровлю.
Имъ онъ изъ кубка свое сотворилъ воз-
ліянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда жъ и
другіе
395 Вебъ, сотворивъ возліянье, виномъ на-
сладились довольно,
Каждый къ себѣ возвратился, о ложѣ и
снѣ помышляя.
Гостю желая спокойствія, Несторъ, герой
геренейскій,
Самъ Телемаку, разумному сыну царя
Одиссея,

Въ звонкопространномъ покоѣ кровать
указалъ прорѣзную;
400 Легъ близь него Пизисгратъ, коньвер-
жець, мужей предводитель,
Бывшій изъ братьевъ одинъ неженатый
въ жилищѣ отцовомъ.
Самъ же, во внутренней царскаго дома
покой удаляся,
Легъ на постелѣ, перестланной мягко ца-
рицею, Несторъ.
Встала изъ мрака младая съ перьями
пурпурными Эось;
405 Съ мягкой поднялся постели и Несторъ,
герой геренейскій,
Вышедъ изъ спальни, онъ сѣлъ на обе-
сашныхъ, гладкихъ, широкихъ
Камняхъ, у двери высокой служившихъ
сѣдалищемъ, бѣлыхъ,
Ярко сіявшихъ, какъ будто помазанныхъ
масломъ, на нихъ же
Прежде Нелей возсѣдалъ, многоуміемъ
богу подобный;
410 Но ужъ давно уведень былъ судьбой въ
обитель Лида.
Нынѣ жъ на камняхъ Нелесвыхъ Не-
сторъ возсѣлъ, скитроносный
Пѣстунъ ахейнъ. Къ нему сыновья со-
бралися, изъ спасенъ
Вышедъ: Эхѣфронъ, Персей, Стратіонъ и
Арѣгосъ и юный
Богу подобный красой Фразимедъ; нако-
нецъ и шестой къ нимъ,
415 Младшій изъ братьевъ, привелъ Пизи-
стратъ благородный. И рядомъ
Съ Несторомъ сѣсть приглашенъ былъ
возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Рѣчь обратилъ тутъ къ собравшимся Не-
сторъ, герой геренейскій
Милыя дѣти, мое повелѣнье исполнить
снѣшите:
Наче другихъ преклонить я желаю на
милость Аѣнну,
420 Видимо бывшую съ нами на праздникѣ
бога великомъ.
Въ поле одинъ за телицей бѣги, чтобъ
немедленно съ поля
Выгналъ ее къ намъ настухъ, за стадами
смотрящій; другой же

- Долженъ на черный корабль Телемаковъ
 пойти и позвать къ намъ
 Всѣхъ мореходныхъ людей, тамъ оставя
 лишь двухъ; напослѣдокъ
 425 Третьимъ путь будетъ немедленно злато-
 тонокусникъ Лаэрокъ
 Призвавъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога
 изукрасить телицѣ.
 Прочіе жъ всѣ оставайтесь при мнѣ, по-
 велѣвши рабынямъ
 Въ домѣ устроить обѣдъ изобильный, раз-
 ставить порядкомъ
 Стулья, дрова приготовить и свѣтлой
 воды принести намъ.
 430 Такъ онъ сказалъ; всѣ заботиться на-
 чали: съ поля телицу
 Скоро пригнали; пришли съ корабля Те-
 лемаковы люди,
 Съ нимъ переплывшіе море; явился и
 златонокусникъ,
 Нужный дляковки металловъ принесши
 снарядъ: наковальню,
 Молотъ, клещи драгоцѣнной отдѣлки и
 все, чѣмъ обычно
 435 Дѣло свое совершалъ онъ; пришла и бо-
 гиня Афина
 Жертву приняти. Тутъ художнику Не-
 сторъ, коней обуздатель,
 Золота чистаго далъ; оковалъ имъ рога
 онъ телицы,
 Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ
 былъ угоденъ богинѣ.
 Взяли телицу тогда за рога Стратіонъ и
 Эхѣфронъ;
 440 Воду имъ руки умыть въ обложенной
 цвѣтами лахани
 Вынесъ изъ дома Аретосъ, въ другой же
 рукъ онъ съ ячменемъ
 Коробъ держалъ; подошелъ Фразимедъ,
 ратоборець могучій,
 Съ острымъ въ рукѣ топоромъ, поразить
 изготовися жертву;
 Чашу подставлялъ Персей. Тутъ Несторъ,
 коней обуздатель,
 445 Руки умывши, ячменемъ телицу осы-
 палъ и, бросивъ
 Шерсти съ ея головы на огонь, помо-
 лился Аоніѣ;
- Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвой
 телицу ячменемъ
 Такъ же осыпали. Несторъ съ сымъ Фра-
 зимедъ многосильный,
 Мышцы напрягна, ударилъ, и, въ шею
 глубоко вонзенный,
 450 Жилы топоръ пересѣкъ; повалилась те-
 лица; вскричали
 Дочери всѣ и невѣстки царевы и съ
 ними царица,
 Кроткая сердцемъ, Климѣнова старшая
 дочь Эвридика.
 Тѣ же телицу, припикшую къ лону земли
 пугеносной,
 Подняли—разомъ зарѣзалъ ее Пизистратъ
 благородный.
 455 Послѣ, когда истощилася черная кровь и
 не стало
 Жизни въ костяхъ, разложивши на ча-
 сти ея, отдѣлилъ
 Бедря, и сверху ихъ (дважды обивши,
 какъ сѣдуть, кости
 Жиромъ) кроваваго мяса кусками по-
 крыли; все вмѣстѣ
 Несторъ зажегъ на кострѣ и виномъ оро-
 силъ искрометнымъ;
 460 Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты
 съ пятью остріями.
 Бедря сояегци и сладкой утробы вку-
 сивъ, остальное
 Все разрубили на части и стали на вер-
 телахъ жарить,
 Острые вертелы тихо въ рукахъ надъ
 огнемъ обращаю.
 Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью
 младшей
 465 Нестора, былъ отведенъ для омытія въ
 баню; когда же
 Дѣва его и омыла и чистымъ натерла
 елеемъ,
 Легкій надѣвши хитонъ и богатой облек-
 шись хламидой,
 Вышелъ изъ бани онъ, богу лицомъ лу-
 чезарнымъ подобный;
 Мѣсто онъ занялъ близъ Нестора, пастыря
 многихъ народовъ.
 470 Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши
 хребтовое мясо,

Сѣла за вкусный обѣдъ и заботливо на-
чали слуги
Бѣгать, вино наливая въ сосуды златые;
когда же
Быль удовольствованъ голодъ ихъ слад-
кимъ нитьемъ и ѣдою,
Несторъ, герой геренейскій, сказалъ сы-
новьямъ благороднымъ:
475 Дѣти, коней густогривыхъ заврячь въ
колесницу немедля
Должно, чтобъ могъ Телемакъ по жела-
нію въ путь устремиться.
То повелѣніе царское было исполнено
скоро;
Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ
колесницу; въ нее же
Ключница хлѣбъ и вино на запасъ по-
ложила, съ различной
480 Ницей, какая царямъ лишь, питомцамъ
Зевеса, прилична.
Тутъ въ колесницу блестящую сталъ Те-
лемакъ благородный;
Рядомъ съ нимъ Несторовъ сынъ Низи-
стратъ, предводитель народовъ,
Сталъ; натянувши могучей рукою бразды,
онъ ударилъ
Сильнымъ бичомъ по коньямъ, и помча-
лися быстрые кони
485 Полеми, и Пилоеъ блистательный скоро
исчезъ позади ихъ.
Цѣлый день мчались кони, тряся колесе-
ничное дышло.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и все по-
темиѣли дороги.
Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ
Орзилоха, Алфеемъ
Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ
Дюкласеъ благородный;
490 Давъ у себя ихъ почлегъ, Дюкласеъ уго-
стилъ ихъ радушно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами
пуриурными Эосъ.
Путники, снова въ свою колесницу бле-
стящую ставши,
Быстро на ней со двора черезъ портикъ
помчались звонкій,
Часто коней погоняя, и кѣни скакали
охотно.

495 Пышныхъ равнинъ, изобильныхъ пше-
ницей, достигнувъ, они тамъ
Кончили путь, совершенный конями мо-
гучими быстро;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и все по-
темиѣли дороги.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ пятаго дня и ось шестой день.

Телемакъ и Низистратъ, прибывъ въ Лакедемонъ, вступаютъ во дворецъ царя Менелая, который, праздною свадьбу сына и дочери, приглашаетъ ихъ на семейственный пиръ свой. И онъ и Елена узнаютъ Телемака. Средство, употребленное Еленою для развеселенія гостей; она и Менелай рассказываютъ о подвигахъ Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбѣ Телемака, сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ отъ прорицателя Протея о судьбѣ вождей ахейскихъ и о заключеніи Одиссея на островѣ Калипсо; потомъ онъ убѣждаетъ Телемака погостить нѣсколько времени въ домѣ его. Тѣмъ временемъ женихи, узнавъ объ отплытіи Телемака, приходятъ въ ужасъ и замышляютъ умертвить его на возвратномъ пути. Скорбь Пенелопы, узнавшей отъ глупатаго Медонта о замыслѣ ихъ и объ отплытіи сына. Афина, тронутая молитвою горестной матери, посылаетъ ей ободрительное сповидѣніе. Антиной со своею дружиною пускается въ море и устанавливается близъ острова Астера ждаты Телемака.

Въ царственный градъ Лакедемонъ, холмами объятый, прибывши,
Къ дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пиръ онъ богатый давалъ многочисленнымъ сродникамъ, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя въ царскомъ жилищѣ.
5 Къ сыну губителя ратей Пеллида свою посылалъ онъ
Дочь, ужъ давно съ нимъ въ Троянской землѣ договоръ заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочтала ихъ боги;
Много ей давъ колесницъ и коней, молодую невѣсту

Въ градъ мирмидонскій, гдѣ царетвовалъ
 свѣтлый женихъ, снарядилъ онъ.
 10 Въ Снартѣ же дочь онъ Алектора вы-
 бралъ невѣстою для сына,
 Крѣпкаго силой, прижитаго имъ съ мо-
 лодою рабыней
 Въ позднихъ годахъ, Мегаленда. Елепѣ жъ
 дѣтей не хотѣли
 Боги съ тѣхъ поръ даровать, какъ же-
 лашая ей родилася
 Дочь Эрміона, подобная дивной красой
 Афродитѣ.
 15 Шумно пируя въ богато украшенныхъ
 царскихъ палатахъ,
 Сродники все и друзья Менелая, вели-
 каго славою,
 Полны веселія были; на лирѣ пѣвецъ
 вдохновенный
 Громко звучалъ передъ ними, и два пры-
 гуня, соглашая
 Съ звонкою лирою прыжки, посреди ихъ
 проворно скакали.
 20 Тою порой Телемакъ благородный съ мла-
 дымъ Низистратомъ,
 Къ царскому дому прибывъ, на дворѣ
 изъ своей колесницы
 Вышавъ; имъ встрѣтился прежде другихъ
 Этеопъ многочислый,
 Спальникъ проворный царя Менелая, ве-
 ликаго славою.
 Съ вѣстью о ихъ по дворцу побѣжалъ
 онъ къ владыкѣ Атриду;
 25 Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ
 крылатое слово:
 Царь Менелай, благородный питомецъ Зе-
 веса, два гостя
 Прибыли, два иноземца конечно изъ пле-
 мени Діа.
 Что повелишь намъ? Отпирать ли ихъ
 быстрыхъ коней? Отказать ли
 Имъ, чтобъ они у другихъ для себя уго-
 щенья искали?
 30 Съ гнѣвомъ великимъ сму отвѣчалъ Мен-
 елай златоушій:
 Ты, Этеопъ сынъ Воэтовъ, еще никогда
 малоумень
 Не былъ, теперь же безсмысленно сталъ
 говорить, какъ младенецъ;

Сами не разъ испытывъ гостелюбіе въ
 странствіи нашемъ,
 Мы напоследокъ покоимся дома, п Діи
 да положитъ
 35 Бѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпрягите
 коней ихъ; самихъ же
 Странниковъ къ намъ пригласить на се-
 мейственный пиръ нашъ обонхъ.
 Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣ-
 жалъ, за собою
 Слѣдовать многимъ изъ царскихъ провор-
 ныхъ рабовъ повелѣвши.
 Иго съ ретивыхъ коней, отъищенное по-
 томъ, сложили;
 40 Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голод-
 ныхъ копей привязали;
 Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной
 съ яркимъ ячменемъ;
 Къ свѣтлой наружной стѣнѣ прислонили
 потомъ колесницу.
 Странники были въ высокой дворцѣ вве-
 дены; озираясь,
 Дому побезнаго Зевеу царя удивлялися оба:
 45 Все дучезарно, какъ на небѣ свѣтлое
 солнце или мѣсяцъ,
 Было въ палатахъ царя Менелая, вели-
 каго славою.
 Очи свои наконецъ удовольствовавъ сла-
 достнымъ зрѣньемъ,
 Начали въ гладкихъ кунальныхъ они
 омываться; когда же
 Ихъ и омыла, и чистымъ сіедемъ патерла
 рабыня,
 50 Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ кос-
 матыя маптіи, оба
 Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ
 сѣли на стульяхъ.
 Тутъ поднесла на лахани серебряной руки
 умыть имъ
 Полный студеной воды золотой рукомоу-
 никъ рабыня;
 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на
 него положила
 55 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ
 съѣтнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, под-
 нявъ ихъ высоко,
 Мяса различнаго крайчій принесъ и, его
 предложивъ имъ,

Кубки златые на браномъ столѣ передь
ними поставилъ.
Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый
сказалъ имъ хозяинъ:
60 Пищи откушайте нашей, друзья, на здо-
ровье; когда же
Свой утолите вы голодь, спрошу я, ка-
кіе вы люди?
Въ васъ не увяла, я вижу, порода ро-
дителей вашихъ;
Оба, конечно, вы дѣти царей, порожден-
ныхъ Зевсомъ,
Скинтродержавныхъ; подобие вамъ не
отъ низкихъ родится.
65 Тутъ онъ имъ подалъ бычатины жарен-
ной кусъ, изъ почетной
Собственной части его отдѣланной своею
рукою.
Подняли руки они къ предложенной имъ
пищѣ и голодь
Свой утолили роскошной ѣдой и питьемъ
изобильнымъ.
Голову къ спутнику тутъ приклонивъ,
чтобъ подслушать другіе
70 Рѣчи его не могли, прошепталъ Телемакъ
осторожно:
Несторовъ сынъ, мой возлюбленный другъ,
Пизистратъ благородный,
Видишь, какъ много здѣсь мѣди сіяющей
въ звонкихъ покояхъ;
Блещеть все златомъ, серебромъ, янта-
рями, слоновою костью;
Зевсъ лишь одинъ на Олимпѣ имѣеть
такую обитель;
75 Что за богатство! какъ много всего! съ
изумленьемъ смотрю я.
Велушася въ тихую рѣчь Телемака
Атридъ златовласый;
Голосъ возвысивъ, обонявъ онъ бросилъ
крылатое слово:
Дѣти, намъ смертнымъ не можно рав-
няться съ владыкою Зевсомъ,
Ибо и домъ и сокровища Зевса, какъ
самъ онъ, неслѣжны;
80 Люди жъ иные поспорятъ богатствомъ
со мной, а иные
Нѣтъ; претерпѣвши немало, немало ски-
тавшисъ, добра я

Много привезъ въ корабляхъ, возвратясь
на осьмой годъ изъ отчизну.
Видѣвъ я Кипръ, посѣтилъ финикійца,
достигнувъ Египта,
Къ чернымъ проникъ эонопамъ, госпитъ,
у сидонягъ, эрембовъ;
85 Въ Ливіи былъ наконецъ, гдѣ рогаыми
агнцы родятся,
Гдѣ ежегодно три раза и козы и овцы
кидають;
Въ той сторонѣ и полей господишь и
пастухъ недостатка
Въ сырѣ и мясѣ и жирногустомъ молокъ
не имѣють;
Круглый тамъ годъ изобильно бывають
доимы коровы.
90 Той же порой, какъ въ далекихъ земляхъ
я, собирая богатства,
Странствовалъ, милый въ отечествѣ братъ
мой погибъ отъ убійцы
Тайно, невѣкъ непредвидѣнно, хитрымъ
предательствомъ женскимъ.
Съ тѣхъ поръ и всѣ ужъ мои мѣс со-
кровища стали постылы.
Но объ этомъ, кто бы ни были вы, ужъ
конечно отцы вамъ
95 Все рассказали... О! горестно было мнѣ
зрѣть истреблене
Дома, толь свѣтлаго прежде, толь слав-
наго многимъ богатствомъ!
Радъ бы остался я съ третью того,
чѣмъ владѣю, лишь только бы
Были тѣ мужи на свѣтѣ, которые въ
Трѣхъ пространной
Кончили жизнь, далеко отъ Аргоса, пи-
тателя коней.
100 Часто, ихъ всѣхъ поминая, объ нихъ
сокрушася и плача,
Здѣсь я сижу одиноко подъ кровлей до-
машней; порою
Горемъ о нихъ усаждаю я сердце, по-
рой забываю
Горе, понеже насъ скоро холодная скорбь
утомяеть.
Но сколь ни сѣтую въ сердцѣ своемъ я,
ихъ всѣхъ поминая,
105 Мысль объ одномъ наиболѣ губить мой
сонъ и лишаеть

Пищи меня, посланку никто из ахейцъ
 столь много
 Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ царь Одис-
 сей; на труды и печали
 Былъ онъ рожденъ; на мою же достало-
 ся часть: сокрушаться,
 Видя, какъ долго отсутствіе длится его;
 мы не знаемъ,
 110 Живъ ли онъ, умеръ ли; плачетъ о немъ
 безутѣшный родитель
 Старецъ Лаартъ, съ Пенелопой разумной,
 съ младымъ Телемакомъ,
 Бывшимъ еще въ пеленахъ при его уда-
 леньи изъ дома.
 Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь
 пробудилъ въ Телемакѣ.
 Крупная пала съ рѣсницы сыновней
 слеза при отцовомъ
 115 Имени; въ обѣ схвативши пурпурную
 мантию руки,
 Ею глаза онъ закрылъ; то увидя, Атридъ
 догадался;
 Долго, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь,
 не зная опъ, что дѣлать:
 Ждать ли, чтобъ самъ говорить о роди-
 тель юноша началъ,
 Или вопросами вывѣдать все отъ него
 понемногу?
 120 Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ
 колеблясь, молчалъ онъ,
 Къ нимъ изъ своихъ благовоиныхъ, вы-
 сокихъ покоевъ Елена
 Вышла, подобная свѣтлой съ копьемъ
 золотымъ Артемидѣ.
 Кресла богатой работы подвинула съѣсть
 ей Адреста;
 Мягкій коверъ шерстяной положила ей
 въ ноги Алкиппа;
 125 Филю пришла съ драгоценной корзиной
 серебряной, даромъ
 Уной Алкандры, супруги Нолиба, въ
 египетскихъ Оивахъ
 Жившаго, много сокровищъ имѣя въ
 обителя пышной.
 Дѣтъ сребролитныя далъ онъ Атриду ку-
 шальни и съ ними
 Два треножныхъ сосуда и золотомъ де-
 сять талантовъ;

130 Также царицѣ Еленѣ супруга его пода-
 рила
 Прялку золотую съ корзиной овальной;
 была та корзина
 Вся изъ серебра, но края золотые; и эту
 корзину
 Филю, пришедши, поставила подлѣ царицы
 Елены,
 Полную пряжи сученой; на ней же ле-
 жала и прялка
 135 Съ шерстью волнистой пурпурнаго
 цвѣта. На креслахъ Елена
 Съла, прекрасныя ноги свои на скамью
 протягнувши.
 Съвъ, съ любопытствомъ она у царя Ме-
 нелая спросила:
 Могъ ли узнать ты, Атридъ благородный,
 питомецъ Зевеса,
 Кто иноземные гости, нанѣвъ домъ посѣ-
 тившіе вынѣ?
 140 Я же скажу—справедливо ли, нѣтъ ли,
 не знаю—но сердце
 Нудить сказать, что еще никогда (съ
 изумленьемъ смотрю я)
 Мнѣ ни въ женѣ не случалось, ни въ
 мужѣ подобнаго встрѣтить
 Сходства, какое нашъ гость съ Телема-
 комъ, царя Одиссея
 Сыномъ, имѣеть; младенцемъ его Одиссей
 благородный
 145 Дома оставилъ, когда за меня недостой-
 ную въѣвъ,
 Мужи ахейскіе, въ Трою пошли истре-
 бительной ратью.
 Царь Менелай отвѣчалъ благородной ца-
 рицѣ Еленѣ:
 Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу
 сираведливымъ.
 Дивное сходство! такія же ноги, такія
 же руки,
 150 То же въ глазахъ выраженіе, та жѣ го-
 лова и такіе жѣ
 Кудри густые на ней; а когда, поминувъ
 Одиссея,
 Сталъ говорить я о бѣдствіяхъ, имъ за
 меня претерѣнныхъ,
 Пала съ рѣсницы его, я замѣтилъ, слеза
 и, схвативши

- Въ объ пурпурную мантию руки, онъ ею
закрылся.
- 135 Тутъ Пизистратъ благородный сказалъ
Менелая Атриду:
Царь многославный, Атридь, богонзбран-
ный пастыръ народовъ,
Спутникъ мой подлинно сынъ Одиссеевъ,
какъ думашь самъ ты;
Но, осторожный и скромный, онъ мнитъ,
что ему неприлично,
Васъ посѣтивши впервые, себя выста-
влять въ разговорѣ
- 160 Смѣломъ съ тобою, илѣяющимъ всёхъ
насъ божественной рѣчью.
Старець родитель мой Несторъ его по-
вѣлялъ въ Лакедемонъ
Мнѣ проводить; у тебя жъ онъ затѣмъ,
чтобъ ему благосклонно
Дать наставленіе ты соизволилъ: что дѣ-
лать? Немало
Горя бываетъ въ родительскомъ домѣ для
сына, когда онъ
- 165 Розно съ отцомъ, не имѣя друзей, си-
ротствуетъ, какъ нынѣ
Сынъ Одиссеевъ: отецъ благородный да-
леко; въ народѣ жъ
Нѣтъ никого, кто бъ ему отъ гоненій
помогъ защититься.
Царь Менелай, отвѣчая, сказалъ Пизи-
страду младому:
Боги! такъ подлинно сынъ несказанно
мнѣ милаго друга,
- 170 Столько тревогъ за меня претерѣвшаго,
домъ посѣтилъ мой.
Я жъ самого Одисея отличилъ прочихъ
ахейягъ
Встрѣтивъ надеждой ласкался, когда бъ
въ корабляхъ быстроходныхъ
Путь намъ домой по волнамъ отворилъ
громовержець Крононъ;
Градъ бы въ Аргосѣ ему я построилъ съ
дворцомъ для жилища;
- 175 Взялъ бы его самого изъ Итаки съ бо-
гатствами, съ сыномъ,
Съ дѣлами народомъ; и область для нихъ
бы очистилъ, моими
Близко людьми населенную, мой при-
знающую скипетръ;
- Часто видалъсь тогда бы, соедѣствуя,
мы, и ничто бы
Насъ разлучить не могло, веселящихся,
дружныхъ, до злаго
- 180 Часа, въ который бы скрыло насъ чер-
ное облако смерти.
Но столь великаго блага намъ дать не
хотѣлъ непреклонный
Вогъ, запретившій ему несчастливцу воз-
вратъ вождѣленный.
Такъ говори, неумышленно всёхъ Мене-
лай печалилъ;
Громко Елена аргивская, Діева дочь, за-
рыдала;
- 185 Сынъ Одиссеевъ заплакалъ, и съ ними
Атридь прослезился;
Плача не могъ удержать и молодой Пи-
зистратъ: онъ о братѣ
Вспомнилъ, о братѣ своемъ Антлахѣ пре-
красномъ, который
Былъ умерщвленъ лучезарной Деппицы
возлюбленнымъ сыномъ.
Вспомнивъ о братѣ, Атриду онъ бросилъ
крылатое слово:
- 190 Подлинно, царь Менелай, ты разумнѣе
всѣхъ земнородныхъ.
Такъ говорить и отецъ престарѣлый нашъ
Несторъ, когда мы
Дома въ семейныхъ бесѣдахъ своихъ о
тебѣ веноминаемъ.
Нынѣ жъ послушайся, царь многоумный,
меня; не люблю я
Слезъ за вечерней тразеюю — скоро по-
дымется Эостъ,
- 195 Въ раннемъ туманѣ рожденная. Мнѣ же
отнюдь не противенъ
Плачь о возлюбленныхъ мертвыхъ, по-
стигнутыхъ общей судьбиной;
Намъ, земнороднымъ страдальцамъ, одна
здѣсь надежная почестъ:
Слезы съ лаять и отрѣзанный законъ
волосъ на могилѣ.
Брата утратилъ и я; не послѣдній межъ
бранныхъ аргивягъ
- 200 Былъ онъ; его ты конечно видалъ; а со-
мной никогда здѣсь
Онъ не встрѣчался; его я не зналъ; по-
отъ всёхъ былъ отличенъ,

- Слышали мы, онъ и легкостью погъ и
отважностью въ битвахъ.
Царь Менелай златоглазый отвѣтствовалъ
такъ Пизистрату:
Другъ, основательно то, что сказалъ ты;
одинъ лишь разумный
205 Мужъ и годами старѣйшій тебя говорить
такъ способенъ.
Вижу изъ словъ я твоихъ, что отца сво-
его ты достойный
Сынъ; безъ труда познается порода му-
жей, для которыхъ
Счастье и въ бракѣ и въ племени ихъ
уготовалъ Кроніонъ;
Такъ постоянно и Нестору онъ золотые
свиваетъ
210 Годы, чтобъ весело въ домъ своемъ онъ
старѣлъ, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумныхъ и
съ коньями нервыхъ.
Мы же, печаль отложивъ и отерши про-
литыя слезы,
Снова начнемъ пировать; для умытїя
рукъ подадутъ намъ
Свѣтлой воды, а на утро опять разго-
воръ съ Телемакомъ
215 Я заведу, и окончимъ мы завтра нача-
тое нынѣ.
Такъ онъ сказалъ и умылся имъ подолъ
воды Асфалонъ,
Спальникъ проворный царя Менелая, ве-
ликаго славой.
Подняли руки они къ предложенной имъ
лакомой вицѣ.
Умная мысль пробудилась тогда въ бла-
городной Еленѣ:
220 Въ чаши она круговая подлить возна-
мѣрилася соку,
Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу заб-
венья
Вѣдствїй дающаго; тотъ, кто вина выпив-
валъ съ благотворнымъ
Сантаго сокомъ, былъ веселъ весь день
и не могъ бы заплакать,
Если бъ и мать и отца неожиданной
смертью утратилъ,
225 Если бъ нечаянно брата лишился или
млага сына,
- Вдругъ предъ очами его пораженнаго
бранною мѣдою.
Діева свѣтлая дочь обладала тѣмъ со-
комъ чудеснымъ;
Щедро въ Египтѣ ее Полидамна, супруга
Θοοпа,
Имъ надѣлала; земля тамъ богатообиль-
ная много
230 Знаковъ рождаеть и добрыхъ цѣлебныхъ
и злыхъ ядовитыхъ;
Каждый въ народѣ тамъ врачъ, превы-
шающій знаемъ глубокимъ
Прочихъ людей, поелику тамъ все изъ
Неапова рода.
Соку въ вино подмѣшавъ и вино разне-
сти повелѣвши,
Стала царица Елена бесѣдовать снова съ
гостями:
235 Царь Менелай благородный, питомецъ
Зевеса, и все вы,
Дѣти отцовъ знаменитыхъ, различное лю-
демъ различнымъ,
Злое и доброе, Дїи посылаетъ, все Дію
возможно.
Радуйтесь нынѣ, сидя за трапезой вечер-
ней и сладкимъ
Сердце свое веселя разговоромъ; а я о бы-
валомъ
240 Вамъ разскажу—хоть всего разсказать
и припомнить пельзя мнѣ—
Какъ Одиссей, непреклонный въ бѣдахъ,
подвизался и что онъ,
Дерзкорѣшительный мужъ, наконецъ пред-
приялъ и исполнилъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много вы бѣдъ
претерпѣли, ахейцы.
Тѣло свое безпощадно изсѣкли бичомъ
недостойнымъ,
245 Рубищемъ бѣднымъ покрывши плеча,
какъ невольникъ, вошелъ онъ
Въ полный сіяющихъ улицъ народа враж-
дебнаго городъ;
Образъ принявши чужой, онъ въ разо-
драшномъ платѣ казалися
Пшцимъ, какимъ никогда межъ ахейцъ
его не видали.
Такъ посреди онъ троянъ укрывался; безъ
смысла, какъ дѣти,

250 Были они; и одна догадалась, кто онъ;
вопросы
Стала ему предлагать я—онъ хитро отъ
нихъ уклонился;
Но когда, и омывши его и патерши слеемъ,
Плате на плечи ему возложила я съ
клятвой великой:
Тайпы его никому не открыть въ Иліонѣ
враждебномъ

255 Прежде его возвращенія въ станъ къ ко-
раблямъ крутобокимъ,
Все мнѣ о замыслѣ хитромъ ахейнѣ тогда
разказала онъ.
Многихъ троянѣ длинноострою мѣдью меча
умертвивши,
Вывѣдалъ въ городѣ все онъ и въ станъ
невредимъ возвратился.
Многія вдовы троянскія громко рыдали,
въ моемъ же

260 Сердцѣ веселіе было: давно ужъ стреми-
лось въ родную
Землю оно, и давно я скорбѣла, виной
Афродиты
Вольно ушедшая въ Трою изъ мнѣаго
края отчизны,
Гдѣ я покинула брачное ложе и дочь, и
супруга,
Столь одареннаго свѣтлымъ умомъ и лица
красотою.

265 Царь Менелай отвѣчалъ благородной ца-
рицѣ Еленѣ:
Истинно то, что, жена, разказала ты намъ
о бываломъ;
Случай имѣлъ я узнать помышленья, по-
ступки и нравы
Многихъ людей благородныхъ и много зе-
мель посѣтилъ я,
Но нигде и нигдѣ мнѣ досель человѣкъ,
Одиссею,

270 Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, подобный,
еще не встрѣчался.
Вотъ что, могучій, онъ тамъ наконецъ
предиріялъ и исполнилъ,
Въ чревѣ глубокою коня (гдѣ ахейцы
избранные были
Скрыты) погибельный ковъ и убійство
врагамъ приготовить;
Къ намъ ты тогда подошла—по внѣше-
нью злому конечно

275 Демопа, дать замышлявшаго славу враж-
дебнымъ троянцамъ—
Велѣдъ за тобою туда же пришелъ Деи-
фобъ благородный;
Трижды громаду ты съ нимъ обошла и,
отвеоду опунавъ
Ребра ея, начала вызывать поименно ар-
гивяицъ,
Голосу нашихъ возлюбленныхъ женъ по-
дражая некусно.

280 Мнѣ жъ съ Діомедомъ и съ бодрымъ ца-
ремъ Одиссеемъ, сокрытымъ
Въ темной утробѣ громады, знакомые слы-
шались звуки.
Вдругъ пробудилось желанье во мнѣ и въ
Тидеевомъ сынѣ
Выйти наружу пль громко тебѣ изнутри
отозваться;
Но Одиссей опрометчивыхъ насъ удер-
жалъ; остальные жъ,
285 Въ чревѣ коня притаеся, глубоко мол-
чали ахейцы.
Только одинъ Антиклеесъ на призывъ твой
подать порывался
Голосъ; но царь Одиссей, многосильной
рукою зажавши
Ротъ безразсудному, тѣмъ отъ погибели
всѣхъ насъ избавилъ;
Съ нимъ онъ боролся, пока не ушла ты
по волѣ Аѳины.

290 Тутъ Менелая сказалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ:
Царь благородный Атридъ, богоизбра-
нный пастырь пародовъ,
Вдвое прискорбиѣи, что онъ не избѣтъ
отъ губящаго рока;
Было ли въ пользу ему, что имѣлъ онъ
железное сердце?..
Время однако ужъ намъ о постеляхъ по-
думать, чтобы, сладко
295 Въ сонъ погрузившись, на нихъ успо-
коить усталые члены.
Такъ онъ сказалъ, и Елена велѣла не-
медля рабынямъ
Въ сѣняхъ кровати поставить, постлатъ
тюфики на кровати,
Пышнопуриурные сверху ковра положить,
на ковра же

- Мягкимъ покровомъ для тѣла косматыя
малѣи бросить.
- 300 Факелы взявши, пошли изъ столовой ра-
быни; когда же
Все приготовлено было гостямъ, проводилъ
ихъ глашатай;
Въ сѣняхъ легли на постеляхъ и скоро
покойно заснули
Сынъ Одиссеевъ и спутникъ его Пизи-
стратъ благородный.
Скоро во внутренней спальнѣ заснулъ и
Атридъ златовласый,
305 Подлѣ царицы Елены, покрытой одеждою
длинной.
Встала изъ мрака младая съ перстами
пурпурными Эосъ;
Ложе покинулъ и царь Менелай, вызы-
ватель въ еражинѣ;
Плаще надѣвъ, изощренный свой мечъ
на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтымъ
погамъ привязавши,
310 Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезар-
ному богу подобный.
Сѣвъ къ Телемаку, его онъ поздравитво-
валъ; послѣ спросилъ онъ:
Что побудило тебя по хребту безбрежъ-
наго моря
Въ царственный градъ Лакедемонъ при-
быть, Телемакъ благородный?
Нужда какая? своя вѣл народная? Правду
скажи мнѣ.
- 315 Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ от-
вѣчалъ Менелаю:
Царь многославный, Атридъ, богоизбран-
ный пастырь народовъ,
Здѣсь я затѣмъ, чтобъ узнать отъ тебя
о судьбѣ Одиссея.
Гибнетъ мое достоянѣ, мои разоряются
земли,
Домъ мой во власти грабителей жадныхъ,
безжалостно бьющихъ
320 Мелкій налѣзъ скотъ и быковъ криворо-
гихъ и медленноходныхъ,
Мать Пенелопу они еватовствомъ неот-
ступнымъ терзаютъ.
Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты
благосклонно
- Участь отца моего мнѣ открылъ, объ-
явивъ, что своими
Видѣлъ глазами или что отъ какого слу-
чайно услышалъ
325 Странника. Матерью былъ онъ рожденъ
на бѣды и на горе.
Ты же, меня не щадя, и изъ жалости
словъ не смягчая,
Все Расскажи мнѣ подробно, чему ты былъ
самъ очевидецъ.
Если же чѣмъ для тебя мой отецъ Одис-
сей благородный,
Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть по-
лезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
330 Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы-
бѣдъ претерпѣлъ, ахейцы,
Вспомни объ этомъ теперь и попустилѣ
все Расскажи мнѣ.
Съ гнѣвомъ великимъ воскликнулъ Атридъ
Менелай златовласый:
О безразсудные! мужа могучаго брачное
ложе,
Сами безсильные, мыслятъ они захватить
произвольно!
335 Если бы въ темномъ лѣсу у великаго
лѣва въ логовницѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ итенцовъ
положила, сама же
Стала бѣ по горнымъ лѣсамъ, по глубо-
кимъ, травою обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ при-
бѣжалъ въ логовицу—
Разомъ бы страшная участь итенцовъ
безпомощныхъ постигла;
340 Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ
руки Одиссея.
Если бѣ, о Діи громовержецъ! о Февѣ
Аполлонъ! о Аеніа!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лезбоѣ, обильно
людьми населенномъ—
Гдѣ, съ силачомъ Филомиледомъ всту-
пивъ въ бой рукопашный,
Онъ опрокинулъ врага на великую ра-
дость ахейцамъ—
345 Если бы въ видѣ такомъ женихамъ
Одиссея вдругъ явился,
Сдѣлался бѣ бракъ имъ, судьбой неиз-
бѣжной достигнутымъ, горекъ.

То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услы-
шать желалъ, я
Я расскажу откровенно и мною обмануть
не будешь;
Что самому возвѣстилъ мнѣ морской про-
нипательный старецъ,
350 То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю
истину вѣдать.
Все еще боги въ отечество милое мнѣ
изъ Египта
Путь заграждали: обѣщанной я не свер-
шилъ экатомбы;
Боги же требуютъ строго, чтобъ были мы
вѣрны обѣтамъ.
На морѣ шумно-широкомъ находится
островъ, лежащій
355 Противъ Египта; его именуютъ тамъ
жители Фаросъ;
Онъ отъ береговъ на такомъ разстояннѣ,
какое удобно
Въ день съ благовѣющимъ вѣтромъ по-
путнымъ корабль пробѣгаетъ.
Пристань находится вѣрная тамъ, изъ
которой большія
Въ море выходятъ суда, запасенныя тем-
ной водою.
360 Двадцать тамъ дней я промедлялъ по
волѣ боговъ и ни разу
Съ берега мнѣ не подулъ благосклонный
отилытію вѣтеръ,
Спутникъ желанный пловцамъ по хребту
многоводнаго моря.
Мы ужъ истратили все путевыя запасы,
и люди
Бодрость теряли, какъ, сжалась надъ нами,
спасла насъ богиня,
365 Хитраго старца морскаго цвѣтущая дочь
Идоея.
Сердцемъ она преклонилась ко мнѣ, по-
встрѣчавшись со мною,
Шедшимъ печально стезей одинокой, то-
варицей бросивъ:
Роано бродили они по зыбучему взморью
и рыбу
Острогобенными брючьями удили — го-
лодь терзала ихъ.
370 Съ ласковымъ видомъ ко мнѣ подошедши,
сказала богиня:

Что же ты, странникъ? Дитя ль нераз-
умное? Сердцемъ ли робокъ?
Льшь ли тобой овладѣла? Или самъ ты
своимъ веселились
Горемъ, что долго такъ медлишь на островѣ
нашемъ, не зная,
Что предпринять и спутниковъ всѣхъ
повергая въ унылость?
375 Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая,
сказала я:
Кто бъ ни была ты, богиня, всю правду
тебѣ я открою:
Нѣхотя здѣсь я въ бездѣйствіи медлю;
быть можетъ, панесь я
Чѣмъ оскорбленъе богамъ, безпредѣльнаго
неба владыкамъ.
Ты же скажи мнѣ (все вѣдать должны
вы, могучіе боги),
380 Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ,
запретилъ мнѣ возвратный
Путь по хребту многоводнаго, рыбообиль-
наго моря?
Такъ спросилъ я, и такъ, отвѣчая, ска-
зала богиня:
Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты
всю истину вѣдать;
Здѣсь пребываетъ издавна морской про-
нипательный старецъ,
385 Равный безсмертнымъ Протей, египтя-
нинъ, извѣдавшій моря
Все глубины и царя Посидона державъ
подвластный;
Онъ, говорятъ, мой отецъ, отъ котораго
я родилася.
Если бъ какое ты средство нашелъ овла-
дѣть имъ внезапно,
Все бъ онъ открылъ: и дорогу, и долготъ
ли путь, и успѣшно ль
390 Рыбообильнаго моря путемъ ты домой
возвратиться?
Если жъ захочешь, божественный, ска-
жетъ тебѣ и о томъ онъ,
Что у тебя и худаго и добраго дома слу-
чилось
Съ тѣхъ поръ, какъ страствуешь ты по
морямъ безпріютно-пустыннымъ.
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая,
сказала я:

- 395 Насъ ты сама научи овладѣть хитро-
мысленнымъ старцемъ
Такъ, чтобъ не могъ напередъ онъ па-
мѣренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолѣть человѣку могучаго
бога.
Такъ говорилъ я, и такъ, отвѣчая, ска-
зала богиня:
Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты
всю истину вѣдать;
400 Здѣсь ежедневно, лишь Геліосъ неба
пройдетъ половину,
Въ вѣяніи вѣтра, съ великимъ волне-
ніемъ темныя влаги,
Водъ глубину покидастъ морекой проли-
цательный старецъ;
Вышедъ изъ волнъ, отдыхать онъ ло-
жится въ нещербъ глубокой;
Вкругъ тюленей хвостоногіе, дѣти молодой
Алозидны,
405 Стасй ложатся, и снѣтъ, и, покрытые
типой соленой,
Смрадь отвратительный моря на всю раз-
ливаютъ окрестность.
Только что лвится Эосъ, я мѣсто найду,
гдѣ удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но то-
варщикамъ сильнымъ
Тремъ повели за собою прійти съ ко-
раблей крутобокихъ.
410 Я же тебѣ расскажу о волшебствахъ ко-
варнаго старца:
Прежде всего тюленей онъ считать и осма-
тривать стасеть;
Нхъ осмотрѣвъ и сочтя по пяти, напо-
сѣдокъ и самъ онъ
Ляжетъ межъ ними, какъ пастырь межъ
стада, и въ сонъ погрузится.
Вы же, увидя, что легъ и что въ сонъ
погрузился онъ, силы
415 Всѣ соберите, и имъ овладѣйте; жестоко
начнетъ онъ
Биться и рваться—изъ рукъ вы его не
пускайте; тогда онъ
Разные виды начнетъ принимать и являть-
ся вамъ станеть
Всѣмъ, что ползетъ по землѣ, и водою,
и пламенемъ жгучимъ;
- Вы жъ, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ
сильнѣе держите.
420 Но, какъ скоро тебѣ человѣческой голосъ
подастъ онъ,
Снова припявши тотъ образъ, въ какомъ
онъ заснулъ—вы немедля
Бросьте его; и тогда благородному старцу
свободу
Давши, спроси ты, какой изъ боговъ раз-
драженъ и угнѣбно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой
возвратишься?
425 Кончивъ, она погрузилась въ морское
глубокое лоно.
Я же пошелъ къ кораблямъ, на песокъ
неподвижно стоявшимъ,
Многими, сердце мое волновавшимъ, мыс-
лями полный;
Къ морю прйшедъ и къ моимъ кораблямъ,
на вечернюю лицу
Собразъ людей я; божественно-темная
ночь наступила;
430 Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ,
ударяющихъ въ берегъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами
багряными Эосъ;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному бре-
гу, съ молитвой
Прежде колѣпа склонивъ предъ богами,
пошелъ я; со мною
Были три спутника сильныхъ, на вся-
кое дѣло отважныхъ.
435 Тою порой, погрузившись въ глубокое
море, четыре
Кожы тюленны изъ водъ прйшла намъ
богиня; недавно
Содраны были онѣ. Чтобъ отца обмануть,
на песчаномъ
Берегѣ ямы она приготовила намъ и си-
дѣла,
Насъ ожидая. Немедля всѣ четверо къ
ней подошли мы.
440 Въ ямы улавивши и кожами сверху по-
крывъ насъ, богиня
Тамъ повелѣла намъ ждать, притаясь;
пестернико насъ мучилъ
Смрадь тюленей, напштавшихъ горечью
влаги соленой—

Спосо ль межъ чудами моря живому
 лежать челоѣвѣку?
 Но Идоѣся бѣдѣ помогла и страданіе наше
 445 Кончила, ноздри амврозіей намъ благо-
 вонной помазавъ:
 Былъ во мгновеніе запахъ чудовищъ мор-
 скихъ уничтоженъ.
 Цѣлое утро съ мучительной мы проле-
 жали тоскою.
 Стасю вышли изъ водъ наконецъ тюлени
 и рядами
 Другъ подлѣ друга вдоль шумнаго берега
 все улеглися.
 450 Въ полдень же съ моря поднялся и ста-
 рець. Своихъ тюленей онъ
 Жирныхъ увидя, пошелъ къ нимъ и на-
 чаль считать ихъ и первыхъ
 Счелъ межъ своими подводными чудами
 насъ, не проникнувъ
 Тайнаго кова; и самъ напоследокъ межъ
 ними улегся.
 Кинувшись съ крикомъ на соннаго, силь-
 ной рукою все вмѣстѣ
 455 Мы обхватили его; но старикъ не за-
 былъ чародѣйства;
 Вдругъ онъ въ свирѣлаго съ гривой
 огромною льва обратился;
 Послѣ предсталъ намъ дракономъ, панте-
 рою, вспремъ великимъ,
 Быстротекучей водою и деревомъ густо-
 вершиннымъ;
 Мы, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ
 упорнѣй держали.
 460 Онъ напоследокъ, увидя, что все чаро-
 дѣйства напрасны,
 Сдѣлался тихъ и ко мнѣ наконецъ обра-
 тился съ вопросомъ:
 Кто изъ безсмертныхъ тебѣ указалъ, Ме-
 пелай благородный,
 Средство обманомъ меня пересилить? Чего
 ты желаешь?
 Такъ онъ спросилъ у меня и, ему оти-
 чая, сказалъ я:
 465 Старецъ, тебѣ ужъ извѣстно (зачѣмъ
 притворяешься?), что медлю
 Здѣсь я давно по неволѣ, не зная, на
 что мнѣ рѣшиться,
 Сердцемъ тревожась и спутниковъ всехъ
 повергая въ унылость.

Лучше скажи мнѣ (все вѣдать должны
 вы, могучіе боги),
 Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ,
 запретилъ мнѣ возвратный
 470 Путь похребту многоводнаго, рыбообиль-
 наго моря?
 Такъ у него я спросилъ, и, отвѣтствуя,
 такъ мнѣ сказалъ онъ:
 Долженъ бы Зевеу владыкѣ и прочимъ
 богамъ экатомбу
 Ты, съ кораблями пускайся въ путь, со-
 вершить, чтобъ скорѣе,
 Темное море измѣривъ, въ отчизну свою
 возвратиться.
 475 Знай, что тебѣ суждено не видать, ни
 возлюбленныхъ ближнихъ
 Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ, ни желан-
 наго края отчизны
 Прежде, пока ты къ бѣгущему съ неба
 потоку Египту
 Вновь не придешь и обшпанной тамъ не
 свершишь экатомбы
 Зевеу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго
 неба владыкамъ.
 480 Ипаче боги увидѣтъ отчизну тебѣ не до-
 зволятъ.
 Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерзалось
 милое сердце:
 Было мнѣ страшно, предавшись тревогамъ
 туманнаго моря,
 Вновь продолжительно-труднымъ путемъ
 возвращаться въ Египеть.
 485 Такъ напоследокъ, отвѣтствуя, хитрому
 старцу сказалъ я:
 Что повелѣлъ ты, божественный старецъ,
 то все я исполню;
 Ты же теперь объяви, ничего отъ меня
 не скрывая:
 Все ль въ корабляхъ невреждимо ахейцы,
 съ которыми въ Троѣ
 Мы разлучилися, Несторъ и я, возврати-
 лися въ отчизну?
 Кто злополучный изъ нихъ на дорогѣ по-
 гибъ съ кораблями?
 490 Кто на рукахъ у друзей, перенесши тре-
 воги, скончался?
 Такъ я спросилъ у него, и, отвѣтствуя,
 такъ мнѣ сказалъ онъ:

Царь Менелай! не къ добру ты меня во-
 прошасшь, и лучше бь
 Было тебѣ и не знать, и меня не раз-
 спрашивать: горько
 Плакать ты будешь, когда обо всемъ раз-
 скажу я подробно.
 495 Многихъ ужъ нѣтъ; но и живы остались
 многіе; двумъ лишь
 Только вождамъ мѣдиолатныхъ аргивянь
 домой возвратиться
 Смерть запретила (кто палъ на сраженьи,
 то вѣдашь самъ ты);
 Третій живой средь пустыннаго моря въ
 неволѣ крушится.
 Съ длинновесѣльными въ бурю морскую
 погибъ кораблями
 500 Сынъ Оплеевъ Аякъ; Посидонъ ихъ къ
 великой Гирейской
 Бросилъ скалѣ; самого же Аякса изъ
 воды онъ исторгнулъ;
 Спасся бь отъ гибели онъ вопреки раз-
 драженной Аѳинѣ,
 Если бь въ безумствѣ изречь не дерз-
 нулъ святотатнаго слова:
 Онъ похвалился, что противъ боговъ избъ-
 жить потопленья.
 505 Дерзкое слово царемъ Посидонюмъ услы-
 шано было;
 Сильной рукой онъ во гнѣвѣ схватилъ
 свой ужасный трезубецъ,
 Имъ по Гирейской ударилъ скалѣ, и скала
 раздвоилась;
 Часть устояла; кусками разсыпавшись,
 въ море другая
 Рухнула вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней
 святотатнымъ Аякомъ;
 510 Съ нею и онъ погрузился въ широко-
 шумящее море;
 Такъ онъ погибъ, злополучный, упив-
 шись соленою влагой.
 Братъ твой сначала судьбы избѣжалъ;
 невредимо ко берегу
 Онъ съ кораблями достигъ, сохраненный
 владычицей Прой.
 Но тогда, какъ въ виду неприступныхъ
 утесовъ Маллен
 515 Былъ онъ, внезапно воздвигнулась буря
 и рыбообильнымъ

Моремъ его, вопіющаго жалобно, къ край-
 нимъ предѣламъ
 Области бросило той, гдѣ Фіестъ обиталъ,
 и гдѣ послѣ
 Царское было жилище Фіестова сына Эгиста.
 Скоро однако опять успокоилось море, и
 боги
 520 Вѣтеръ попутный имъ дали: въ отечество
 ихъ проводилъ онъ.
 Радостно вождь Агамемнонь ступилъ на
 родительскій берегъ.
 Сталъ цѣловать онъ отечество милое; снова
 увидя
 Землю желанную, пролилъ обильно онъ
 теплыя слезы.
 Но издалека съ подозрнкой стоянки уви-
 дѣлъ Атрида
 525 Сторожъ, Эгистомъ поставленный (злое
 замысла, ему онъ
 Дать обѣщаль два таланта); и тамъ на-
 блюдалъ онъ ужъ цѣлый
 Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ вра-
 плохъ, возвратяся незнапно.
 Съ вѣстью о немъ роковой побѣждалъ онъ
 въ жилище Эгиста.
 Ковъ смертоносный тогда хитроумный
 Эгистъ приготовилъ:
 530 Двадцать отважныхъ мужей изъ народа
 немедля онъ выбравъ,
 Скрылъ ихъ близъ дома, гдѣ былъ при-
 готовленъ обѣдъ изобильный;
 Взявъ колесницы съ конями, къ царю
 онъ Атриду на встрѣчу
 Съ ласковымъ зовомъ пошелъ, замышляя
 недоброе въ сердцѣ;
 Введши его, подозрѣнію чуждаго, въ домъ,
 на веселомъ
 535 Пирѣ его онъ убилъ, какъ быка уби-
 вають при ясляхъ;
 Люди, съ Атридомъ пришедшіе, все до
 единого пали,
 Но и Эгистовы съ ними сообщники также
 погибли.
 Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерза-
 лось милое сердце:
 Горько заплакавъ, упалъ я на землю;
 мнѣ стала противна
 540 Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть
 не хотѣлъ я, и долго

Плакалъ, и долго лежалъ на землѣ, без-
утѣшно рыдая.
Но напоследокъ сказалъ мнѣ морской
пропитательный старецъ:
Царь Менелай, сокрушать толь жестоко
себя ты не долженъ;
Слезы твои ничему не помогутъ: а лучше
подумай,
545 Какъ бы тебѣ самому возвратиться ско-
рѣе въ отчизну.
Или застанешь его ты живаго, или бу-
детъ Орестомъ
Опъ ужъ убитъ; ты тогда подождишь къ
его погребенью.
Такъ опъ сказалъ, ободрился мой духъ,
и могучее слова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь,
оживлось.
550 Голосъ возвысивъ, я бросилъ Протею
крылатое слово:
Знаю теперь о двоихъ; объяви же, кто
третій, который,
Моремъ объятый, живой, говоришь ты,
въ неволѣ крушится?
Или ужъ итъ и его? Сколь ни горько,
но слушать готовъ я.
Такъ я Протея спросилъ, и, отвѣтствуя,
такъ мнѣ сказалъ опъ:
555 Это Лаэртъ божественный сынъ, обла-
датель Итаки.
Видѣлъ его я на островѣ, льющаго слезы
обильно
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини
богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и нуть для него уничто-
женъ возвратный:
Итъ корабли, ни людей мореходныхъ,
съ которыми могъ бы
560 Онъ безопасно пройти по хребту много-
воднаго моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги
иное:
Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы
въ многоконномъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Елисей-
скія будешь
Посланъ богами—туда, гдѣ живетъ Рада-
мантъ златовласый,

565 (Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безначальные
дни человѣка,
Гдѣ ни мятежей, ни ливней, ни хладовъ
зимы не бываетъ;
Гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ,
Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый
людямъ блаженнымъ),
Ибо супругъ ты Елены и зять громо-
вержца Зевеса.
570 Такъ опъ сказавъ, погрузился въ мор-
ское глубокое лоно.
Я же съ друзьями отважными вновь къ
кораблямъ возвратился,
Многими, сердце мое волнованными, мыс-
лямъ полнымъ;
Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ,
на вечернюю пищу
Собралъ людей я; божественно-темная
ночь наступила;
575 Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ,
ударяющихъ въ берегъ,
Встала изъ мрака младая съ перстами
пурпурными Эосъ:
Сдвинули съ берега мы корабли на свя-
щенное море;
Мачты поднявъ и развѣвъ паруса, на су-
дахъ собралися
Всѣ мореходные люди и, сѣвши у ве-
сель на лавкахъ,
580 Разомъ могучими веслами веятели тем-
ныя воды.
Снова направилъ къ бѣгущему съ неба
потокъ Египту
Я корабли, и усиѣнно на брегѣ его со-
вершилъ экатомбу;
Послѣ жъ, когда примирилъ я боговъ,
совершивъ экатомбу,
Холмъ гробовой Агамемнону брату на вѣч-
ную память
585 Тамъ я насыпалъ; и поплыли мы, и по-
слали попутный
Вѣтеръ намъ боги; въ отечество милое
насъ проводилъ опъ.
Ты жъ, Телемакъ, у меня погостишь и
отсель не поѣдешь
Прежде, пока не свершится одиннадцатъ-
дней или двѣнадцатъ;

Послѣ тебя отпущу съ дорогами подар-
ками; дамъ я
590 Трехъ быстроногихъ коней съ колесни-
цей блестящей, и съ ними
Рѣдкой работы кувшинъ, изъ котораго
будешь вседневно
Ты, поминная меня, предъ богами творить
возліянье.
Царь Мелелай, отвѣчалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ,
Долго меня не держи, тороплюся домой
я безмѣрно;
595 Здѣсь у тебя я съ великою радостью
могъ бы и цѣлый
Годъ провести, не подумавъ въ отчизну
къ роднымъ возвратиться,
Такъ несказанно твои разговоры и рѣчи
плѣняютъ
Душу мою: но спутники въ Пилосѣ
ждутъ съ нетерпѣньемъ
Нынѣ меня: ты жъ напротивъ желаешь,
чтобъ здѣсь я промедлилъ.
600 Дай мнѣ въ подарокъ такое, что могъ
бы удобно хранить я
Дома; коней жъ въ Итаку мнѣ взять
невозможно: оставь ихъ
Здѣсь утѣшеньемъ себѣ самому; ты вла-
дѣешь землею
Тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно
и лотосъ и галгантъ
Съ яркой пшеницей и полбой и густо
цвѣтущимъ ячменемъ.
605 Мы жъ ни широкихъ полей, ни луговъ
не имѣемъ въ Итакѣ;
Горныя пажити паша для козъ не для
коней привольны;
Рѣдко лугами богатъ и коньямъ легконо-
гимъ пріютень
Островъ, обьятый волнами; Итака же
менѣе прочихъ.
Онъ замолчалъ. Улыбнулся Атридъ, вы-
зываетъ въ сраженіе;
610 Ласково щeki ему потрепавши рукою,
сказалъ онъ:
Вижу изъ словъ я твоихъ, что твоя
благородна порода,
Сынъ мой; по вмѣсто коней я могу по-
дарить и другое,

Это легко мнѣ; изъ многихъ сокровищъ,
которыми домъ мой
Полонъ, я самое рѣдкое, лучшее выберу
нынѣ;
615 Дамъ пировую кратеру богатую; эта
кратера
Вся изъ серебра, но края золотые, искус-
ной работы
Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ
благородный,
Царь сидонянь, въ то время, когда, воз-
вращаясь въ отчизну,
Въ домъ его я гостилъ, и ее отъ меня
ты получишь.
620 Такъ говорили о многомъ онъ, собесѣдуя
сладко.
Въ домъ царя собрался тѣмъ временемъ
званные гости,
Козъ и овецъ приведя и вина дорогаго
принесли
(Хлѣбъ же прислали ихъ жены, ходящія
въ свѣтлыхъ повязкахъ).
Такъ все готовилось къ пиру въ высо-
кихъ палатахъ Атрида.—
625 Тою порой жепиха въ Одиссеевомъ домѣ
бросаемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя за-
бавляли, собравшись
Все на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ
буйныя игры.
Но Антиной съ Эвримахомъ прекраснымъ
сидѣли особо,
Прочихъ вожди, передъ всеми отличные
мужеской силой.
630 Фрописъ сынъ Ноэмѣнъ, подошедъ къ
нимъ, сидѣвшимъ особо,
Слово такое сказалъ, обратясь къ Анти-
пою съ вопросомъ:
Можетъ ли кто мнѣ изъ васъ, Антиной,
объявить, или не можетъ,
Скоро ль пазадъ Телемакъ изъ несчастнаго
Пилоса будетъ?
Взять у меня имъ корабль—самому мнѣ
онъ надобенъ нынѣ;
635 Плыть мнѣ въ Элиду широкополую
нужно; двѣнадцать
Тамъ у меня кобылицъ и табунъ лоша-
ковъ работающих:

Двѣе всѣ; я хотѣлъ бы поймать одного,
чтобъ объѣздить.
Такъ онъ сказалъ: женихи изумились;
войти не могло имъ
Въ мысли, чтобъ былъ онъ въ Пелее-
вомъ Пилосѣ; мнили напротивъ
640 Всѣ, что ушелъ онъ иль въ поле къ
стадамъ иль къ своимъ свинопасамъ.
Строго тогда Антиной, сынъ Эвейтовъ,
спросилъ Ноэмона:
Все объяви намъ по правдѣ: когда онъ
уѣхалъ? Какіе
Были съ нимъ люди? Свободные ль, взя-
тые имъ изъ народа?
Или наемники? Или рабы? Какъ успѣлъ
онъ то сдѣлать?
645 Также скажи откровенно, чтобъ истину
вѣдать могли мы:
Силою ль взялъ у тебя онъ корабль
быстроходный, иль самъ ты
Отдалъ его произвольно, какъ скоро о
томъ спросилъ онъ?
Фроніевъ сынъ Ноэмонъ, отвѣчая, ска-
залъ Антиною:
Отдалъ я самъ произвольно, и всякой
другой поступилъ бы
650 Такъ же, когда бы къ нему обратился
такой огорченный
Съ просьбою мужъ — ни одинъ бы ему
отказать не помыслилъ.
Люди жъ, имъ взятые, всѣ молодые, изъ
самыхъ отличныхъ
Выбраны гражданъ; и ихъ предводителемъ
былъ, я замѣтилъ,
Менторъ, иль кто изъ безсмертныхъ, обл-
екшійся въ Менторовъ образъ:
655 Ибо я былъ изумленъ несказанно —
божественный Менторъ
Встрѣтился здѣсь мнѣ вчера, хотъ и сѣлъ
на корабль онъ съ другими.
Такъ онъ сказавши, пошелъ, чтобъ къ
родителю въ домъ возвратиться.
Но Антиной съ Эриммахомъ исполнены
были тревоги;
Бросивъ игру, женихи собрался и сѣли
кругомъ ихъ.
660 Къ нимъ обратясь, сказалъ Антиной,
сынъ Эвейтовъ, княжцѣй

Гнѣвомъ — и грудь у него подымалась,
тѣнимая черной
Злобой, и очи его, какъ огонь пламе-
ньющій, рдѣли;
Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ
смѣло пустившись
Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подоб-
ной отваги не ждали:
665 Намъ вопреки, онъ, ребенокъ, отсюда
ушелъ самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнѣй-
шихъ взявъ изъ народа.
Будетъ впередъ намъ и зло и бѣда отъ
него. Но погибши
Самъ отъ Зевеса онъ прежде, чѣмъ бѣд-
ствіе наше созрѣетъ!
Вы жъ мнѣ корабль съ двадцатью спа-
ридите гребцами, чтобъ могъ я,
670 Въ море за нимъ устремившись, его на
возвратной дорогѣ
Между Итакой и Заомъ крутымъ под-
стеречь, чтобъ въ погибелъ
Плаванье велѣдъ за отцомъ для него са-
мого обратилось.
Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одо-
бренье другіе.
Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратились
въ домъ Одисеевъ.
675 Но Пенелопа недолго въ незнаши оста-
лась о хитромъ
Буйныхъ ея жениховъ заговорѣ на жизнь
Телемака;
Все ей Медонтъ, благородный глашатай,
открылъ: недалеко
Былъ онъ, когда совѣщались они, и под-
слушалъ ихъ рѣчи.
Съ вѣстью немедленно онъ по двору
побѣжалъ къ Пенелопѣ
680 Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пене-
лопа спросила:
Съ чѣмъ ты, Медонтъ, женихами сюда
благородными прислапъ?
Съ тѣмъ ли, чтобъ мнѣ объявить, что
рабынямъ царя Одиссея
Должно, оставивъ работы, обѣдъ имъ
скорѣй приготовить?
О! Когда бы они отъ меня отступились!
Когда бы

685 Это ихъ пиршество было послѣднимъ въ
 обители нашей!
 Вы, разорители нашего дома, губящіе
 жадно
 Все достояніе въ немъ Телемаково, или
 ни разу
 Въ дѣтскихъ вамъ лѣтахъ отъ вашихъ
 разумныхъ отцовъ не случилось
 Слышать, каковъ Одиссей былъ въ своемъ
 обхожденіи съ ними,
 690 Какъ никому не нанесъ онъ, ни сло-
 вомъ, ни дѣломъ, обиды
 Въ цѣломъ народѣ; хотя многосильнымъ
 царямъ и обычно
 Тѣхъ изъ людей земнородныхъ любить,
 а другихъ ненавидѣть,
 Но отъ него не видалъ оскорбленія ни-
 кто изъ живущихъ.
 Здѣсь же лишь ваше безстыдство, лишь
 буйные ваши поступки
 695 Видны; а быть за добро благодарными
 вамъ неумѣстно.
 Умныя мысли имѣя, Медонтъ отвѣчалъ
 Пенелопѣ:
 О царица, когда бы лишь въ этомъ все
 зло заключалось!
 Но женихи величайшей, ужаснѣйшей
 намъ угрожаютъ
 Нынѣ бѣдой — да уснѣха не дастъ имъ
 Зевесъ громовержецъ!
 700 Острымъ мечомъ замышляютъ они умерт-
 вить Телемака,
 Выждавъ его на возвратномъ пути: о ро-
 дителѣ свѣдать
 Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный,
 въ царственный градъ Лакедемонъ.
 Такъ онъ сказалъ; задрожали колѣна и
 сердце у бѣдной
 Матери; долго была безсловесна она, и
 слезами
 705 Очи ея затмевались, и ей не покорство-
 валь голосъ.
 Съ духомъ собравшись, она наконецъ,
 отвѣчая, сказала:
 Что удалиться, Медонтъ, побудило дитя
 мое? Нужно ль
 Было ввѣряться ему кораблямъ, водяны-
 ми копиями

Быстро носящимъ людей мореходныхъ по
 влагѣ пространной?
 710 Иль захотѣлъ онъ, чтобъ въ людяхъ и
 имя его истребилось?
 Выслушавъ слово ея, благородный Ме-
 донтъ отвѣчалъ ей:
 Мнѣ неизвѣстно, внушенью ль онъ бога
 послѣдовалъ, самъ ли
 Въ сердцѣ отплытіе въ Пилосъ замы-
 слилъ, чтобъ свѣдать, въ какую
 Землю родитель судьбиною брошенъ и
 что претерпѣлъ онъ.
 715 Кончивъ, разумный Медонтъ удалился
 изъ царскаго дома.
 Сердцегубящее горе объяло царицу;
 осталась
 Долѣ на стулѣ она не могла; хоть и
 много ихъ было
 Въ свѣтлыхъ покояхъ ея, но она на по-
 рогѣ сидѣла,
 Жалобно плача. Съ рыданіемъ къ ней
 собрался рабыня,
 720 Сколько ихъ ни было въ царскомъ жи-
 лциѣ и юныхъ и старыхъ.
 Сильно скорбя посреди ихъ, сказала имъ
 такъ Пенелопя:
 Слушайте, милыя; да въ мнѣ печали Зе-
 весъ Олимпіецъ
 Болѣе всѣхъ, на землѣ современно со
 мною рожденныхъ;
 Прежде погибъ мой супругъ, одаренный
 могуществомъ львинымъ,
 725 Всякой высокою доблестью въ сонмѣ
 данасвѣ отличный,
 Столь пренеполнившій славою своею и
 Элладу и Аргосъ.
 Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со
 мною; безславно умчали
 Бури отсюда его, и о томъ я не свѣ-
 дала прежде;
 О вы, безумныя, какъ ни одной, ни
 одной не пришло вамъ
 730 Во-время въ мысли меня разбудить? А
 конечно ужъ знали
 Всѣ вы, что онъ собрался въ кораблѣ
 удалиться отсюда.
 О! для чего не сказалъ мнѣ никто, что
 отплыть онъ замыслилъ!

Или тогда бѣ, отложивши отъѣздъ, онъ
остался со мною,
Или сама бѣ я осталася мертвою въ
этомъ жилищѣ.
735 Но позовите скорѣе ко мнѣ старика
Доліона;
Вѣрный слуга онъ; въ приданое даю
мнѣ отцомъ и усердно
Смотритъ за садомъ моимъ плодоноснымъ.
Къ Лаэргу немедля
Долженъ пойти онъ п, сѣвъ близъ него,
о случившемся нынѣ
Старцу сказать; п Лаэргъ, все разумно
обдумавъ, быть можетъ,
740 Съ плачемъ предстанетъ народу, кото-
рый губить допускаетъ
Впука его, Одиссеена богоподобнаго сына.
Тутъ Эвриклея, усердная няня, сказала
царицѣ:
Свѣтъ нашъ, царица, казнить ли меня
безоцнадною мѣдью
Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего
не сокрою.
745 Было извѣстно мнѣ все; по его пове-
дѣнію дала я
Хлѣбъ и вино на дорогу; съ меня же
великую клятву
Взялъ онъ: молчать до двѣнадцати дней,
иль пока ты не спросишь,
Гдѣ онъ, сама, иль другой кто отъѣзда
его не откроетъ.
Свѣжестъ лица твоего, онъ болея, отъ
плача поблекнетъ.
750 Ты же, царица, омывшись и чистой
облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой
своей пойдѣ, и молитву
Тамъ сотвори передъ дочерью Зевса эги-
додержавца;
Ею конечно онъ будетъ спасенъ отъ гро-
зящія смерти.
Но не печаль старика, ужъ печальнаго;
вѣчные боги,
755 Думаю я, не совѣмъ отвратились еще
отъ потомковъ
Аркесіада; и родъ ихъ всегда обладате-
лемъ будетъ
Царскаго дома и нивъ и полей плодо-
носныхъ въ Итакѣ.

Такъ Эвриклея сказала; утихла печаль,
осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой об-
лекшись одеждой,
760 Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой
своей пошла Пецелона.
Чашу наполнивъ ячменемъ, она возгла-
сила къ Аѳинѣ:
Дочь непорочная Зевса эгидодержавца,
Аѳина,
Если когда Одиссей благородный въ семьѣ
домѣ обилію
Тучныя бедра быковъ и овецъ сожигалъ
предъ тобою,
765 Вспомни объ этомъ теперь и спаси Оди-
сеева сына,
Козни мопхъ жепиховъ злонамѣренныхъ
нынѣ разрушивъ.
Такъ помолплась она и не втупе оста-
лась молитва.
Тою порой женихи въ потемнѣвшей на-
лагѣ шумѣли.
Такъ говорили иные изъ нихъ, безраз-
судно надменныхъ:
770 Вѣрно теперь многославная наша царица
готовитъ
Свадьбу, не мысля о томъ, что отъ пасть
приготовлено снму.
Такъ говорили они, не предвидя того,
что и всѣмъ имъ
Было готово. Созвавъ ихъ, сказала Анти-
ной, негодуя:
Вуйные люди, совѣтую вамъ отъ такихъ
неразумныхъ
775 Словъ воздержаться, чтобъ кто-нибудь
адѣеь разгласитъ ихъ не вздумалъ.
Лучше, отсель удайся въ молчаньи,
неполнимъ на дѣлѣ
То, что теперь на совѣтѣ согласномъ
своемъ положили.
Выбравъ отважнѣйшихъ двадцати мужей
изъ народа, поспѣшно
Съ ними пошелъ къ кораблямъ онъ, сто-
явшимъ на брегѣ песчаномъ.
780 Сдвинувъ съ песчанаго берега корабль на
глубокое море,
Мачту они утвердили на немъ, всѣ ула-
дили спасти,

Въ крѣпкоременныя петли просунули длин-
ныя весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса на-
тянули. Когда же
Смѣлые слуги съ оружіемъ ихъ собра-
лися, всё вмѣстѣ,
785 Съвѣ на корабль и его отвѣда на откры-
тое взморье,
Ужинать стали они въ ожиданьи при-
шествія ночи.
Той порою въ высокомъ покоѣ своемъ
Пенелона
Грустно лежала одна, ни ѣды, ни питья
не вкушавши,
Мыслью о томъ лишь тревожась, сна-
сется ли сынъ безпорочный,
790 Или погибнетъ, сраженный рукою убійцы
вѣроломныхъ?
Словно какъ левъ, окружаемый мало-по-
малу стрѣлками,
Съ трепетомъ видить, что скоро ихъ
цѣпью онъ будетъ обхваченъ,
Такъ отъ своихъ размышленій она тре-
петала. Но мирный
Сонъ прилетѣлъ, и ее улетѣлялъ, и все
въ ней утпхло.
795 Добрая мысль пробудилась тогда въ бла-
госклонной Палладѣ:
Призракъ она сотворила, имѣвшій на-
ружность прекрасной
Дочери старца Икарія, свѣтлой Ифтимы,
съ которой
Царь эссалийскаго Феры, могучій Эвмелъ
сочетался.
Въ домъ Одиссеевъ послала тотъ при-
зракъ Аѳина, дабы онъ
800 Тамъ, подошедъ къ погруженной въ пе-
чаль Пенелопѣ, ей слезы
Легкой рукою отеръ и ей утѣлялъ со-
крушенныя.
Въ снальню проникнулъ, ремня у за-
движки не тронувъ, безплотный
Призракъ, подкрался и, ставъ надъ ея
головою, промолвилъ:
Слишь ли, сестра Пенелона? Тоскуетъ ли
милое сердце?
805 Боги, живущіе легкою жизнью, тебѣ
запрещаютъ

Плакать и сѣтовать: твой Телемакъ не-
вредимъ возвратится,
Скоро къ тебѣ; онъ боговъ никакой не
прогнѣвалъ виною.
Мнимой сестрѣ Пенелопе разумная такъ
отвѣчала,
Полная сладкой дремоты въ безмолвныхъ
вратахъ сновидѣній:
810 Другъ мой, сестра, какъ пришла ты
сюда? Ты донныи такъ рѣдко
Насъ посѣщала, въ далекомъ отсюда краю
обитая.
Какъ же ты хочешь, чтобъ я перестала
скорбѣть и крушиться,
Горе, объявшее духъ мой и сердце мое,
позабывши?
Прежде погибъ мой супругъ, одаренный
могуществомъ львинымъ,
815 Всякой высокою доблестью въ сонмѣ
данасевъ отличной,
Столь преисполнившій славою своею и
Элладу и Аргосъ;
Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мною:
онъ отважился въ море,
Отрокъ, нужды не видавшій, съ людьми
говорить не обычній.
Болѣ о немъ я крушусь теперь, чѣмъ о
бѣдномъ супругѣ;
820 Сердце дрожить за него, чтобъ бѣды съ
нимъ какой не случилось
На морѣ зломъ иль въ чужой сторонѣ, у
чужаго народа?
Здѣсь же враждебные люди его стере-
гутъ, приготовивъ
Въ мысляхъ погибель ему на возвратной
дорогѣ въ отчизну.
Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ про-
шенталъ Пенелопѣ:
825 Будь же спокойна и сердца не мучь,
безразсудно тревожась.
Спутница есть у него и такая, которой
бы всякой
Смертній съ надеждою вѣрнулъ себя—
для нея все возможно—
Дочь громовержца Аѳина сама. О тебѣ
сожалѣя,
Доброю вѣстью твой духъ ободрить мнѣ
велѣла богиня.

830 Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ
отвѣчала:
Если ты вправду богиня и слышала го-
лосъ богини,
То, умоляю, открой и его мнѣ печаль-
ную участь.
Гдѣ онъ, злосчастный? Еще ли онъ ви-
дять сіяніе солнца?
Или его ужъ не стало, и въ область Аида
сошелъ онъ?

835 Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ
прошенталь Пенелопѣ:
Я ничего не могу объявить о судьбѣ
Одиссея;
Живъ ли, погибъ ли, сказать мнѣ нельзя;
пусторѣчіе вредно.
Призракъ тогда, сквозь замочную сква-
жину двери провѣявъ
Воздухомъ легкимъ, пропасть. Пробудяся
отъ сна, Пенелопа

840 Ложе покинула; сердцемъ она ожила,
поселику
Явно въ глубокую полночь предсталъ ей
пророческій образъ.
Тою порой женихи въ кораблѣ водяною
дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телема-
ка готовя.
Есть на равнинѣ соленаго моря утеси-
стый островъ

845 Между Итакой и Замомъ гористымъ; его
именуютъ
Астеромъ; онъ невеликъ; корабли тамъ
пріютная пристань
Съ двухъ береговъ принимаетъ. Тамъ
стали на стражѣ ахейцы.

О Д И С С Е Я.

пѣсь пятая.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ ПѢСНИ.

Седьмой день до конца тридцати первого.

Совѣтъ боговъ. Они посылаютъ Эрмія къ нимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даетъ Одиссею орудія, нужныя для постройки плота. Въ четыре дни судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семнадцать дней плаваніе продолжается благополучно. На осьмнадцатый Посидонъ, возвращаясь отъ

эоіоповъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; но Одиссей получаетъ отъ Левкогеніи покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлыя три дня носятъ его бурныя волны; наконецъ, ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ феакійскаго острова Схеріи.

Эосъ, покинувши рано Титона прекраснаго ложе,
На небо вышла сіять для блаженныхъ
боговъ и для смертныхъ.
Боги тогда собрались на великій совѣтъ;
предсѣдалъ имъ
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, всемогущею
властію первый.

5 Стала Аѳина рассказывать имъ о бѣдахъ
Одиссея,
Въ сердцѣ тревожася долгой неволей его
у Калипсы:
Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блажен-
ные, вѣчные боги,
Кроткимъ, благимъ и привѣтливимъ быть
ужъ теперь ни единый
Царь скипетроносный не долженъ, но,
правду изъ сердца изгнавши,
10 Каждый пускай притѣсняетъ людей, без-
законствуя смѣло—
Если могли вы забыть Одиссея, который
былъ добрымъ,
Мудрымъ царемъ и народъ свой любилъ,
какъ отецъ благодушный;
Брошенный бурей на островъ, онъ горе
великое терпѣть
Въ свѣтломъ жилищѣ могучей богини
Калипсы, насильно
15 Имъ овладѣвшей; и путь для него уни-
чтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ,
съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту много-
воднаго моря.
Шныѣ жъ враги и младаго хотятъ умер-
твить Телемака,
Въ морѣ внезапно напавъ на него: о
родителѣ свѣдаты
20 Поплывъ онъ въ Пилосъ божественный,
въ царственный градъ Лакедемонъ.

Ей возражая, отвѣтствовалъ тучь соби-
 ратель Крононъ:
 Странное, дочь моя, слово изъ устъ у
 тебя излетѣло.
 Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила сво-
 имъ, что погубить
 Нѣкогда всѣхъ ихъ, домой возвратясь,
 Одиссей? Телемака жъ
²⁵ Ты проводи осторожно сама—то, конечно,
 ты можешь;
 Пусть невредимо онъ въ милую землю
 отцовъ возвратится;
 Пусть и они, не свершивъ злодѣянья,
 придутъ въ Итаку.
 Такъ отвѣчавъ, обратился онъ къ Эрмію,
 милому сыну:
 Эрмію, нашъ вѣстникъ заботливый, нимфѣ
 прекраснорудривой
³⁰ Нынѣ лети объявить отъ боговъ, что
 отчизну увидѣть
 Срокомъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ по-
 стоянному; путь свой
 Онъ совершитъ безъ участія свыше, безъ
 помощи смертныхъ;
 Моремъ, на крѣпкомъ плоту, повстрѣ-
 чавши опаснаго много,
 Въ день двадцатый достигнетъ онъ бе-
 рега Схеріи тучной,
³⁵ Гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы;
 и будетъ
 Имъ ему, какъ безсмертному богу, ока-
 зана почестъ:
 Въ милую землю отцовъ съ кораблемъ
 ихъ отплывъ, онъ въ подарокъ
 Мѣди и злата и разныхъ одеждъ драго-
 цѣнныхъ получитъ
 Много, столь много, что даже изъ Трои
 подобной добычи
⁴⁰ Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрелят-
 ственно могъ возвратиться.
 Такъ напоследокъ по волѣ судьбы онъ
 возлюбленныхъ ближнихъ,
 Землю отцовъ и богато украшенный домъ
 свой увидитъ.
 Кончилъ. И медлить не сталъ благовѣст-
 никъ, Аргусобійца.
 Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои
 золотыя подошвы,

⁴⁵ Амврозіальныя, всюду его надъ водой и
 надъ твердымъ
 Лономъ земли безпредѣльные легкимъ по-
 сянция вѣтромъ,
 Взялъ онъ и жезлъ свой, по волѣ его
 наводящій на бодрыхъ
 Сопъ, отверзающій сномъ затворенныя
 очи у спящихъ.
 Въ путь устремился съ жезломъ много-
 сильный убійца Аргуса.
⁵⁰ Скоро, достигнувъ Піеріи, къ морю съ
 эира слетѣлъ онъ;
 Быстро помчался потомъ по волнамъ ры-
 боловомъ крылатымъ,
 Жадно хватающимъ рыбу изъ отверзатаго
 бурю пѣдра
 Бездны безплодносоленной, купая въ ней
 сильныя крылья.
 Легкою птицей морской пролетѣвъ надъ
 пучиною, Эрмію
⁵⁵ Острова, моремъ вдали сокровеннаго,
 скоро достигнулъ.
 Съ зыби широкотуманной на твердую землю
 подиявшися,
 Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ,
 гдѣ свѣтлокудрявой
 Нимфы обитель была, и се самоѣ тамъ
 увидѣлъ.
 Пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ,
 и весь островъ
⁶⁰ Былъ накурень благовоніемъ кедра и
 дерева жизни,
 Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонко-
 пріятнымъ богиня
 Пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за
 узорною тканью.
 Густо разросшися, отвсюду пенцеру ея
 окружали
 Тополи, ольхи и сладкій ліющіе духъ
 кипарисы;
⁶⁵ Въ листовныхъ сѣняхъ гвѣздилися тамъ
 длинокрылыя птицы,
 Копчики, совы, морскія вороны крикли-
 выя, шумной
 Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ
 добывая;
 Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота
 окинувъ,

Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые
грозды висѣли;
70 Свѣтлой струею четыре источника ря-
домъ бѣжали
Близко одинъ отъ другаго, туда и сюда
извиваясь;
Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ,
и злаковъ
Полные сочныхъ. Когда бы въ то мѣсто
зашелъ и безсмертный
Богъ—изумился бь и радосте въ его бы
проникнула сердце.
75 Былъ изумленъ и боговъ благовѣстникъ,
сразитель Аргуса;
Но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ
и радостью сердца,
Въ гротъ онъ глубокой вступилъ напо-
слѣдокъ; и съ перваго взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя
узрала
(Быть незнакомы другъ другу не могутъ
безсмертные боги,
80 Даже, когда бь и великое ихъ разлучало
пространство).
Но Одисея, могучаго мужа, тамъ Эрмія
не встрѣтилъ;
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ
и плакалъ;
Горемъ и вздохами душу питая, тамъ
дни проводилъ онъ,
Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на
пустынное море.
85 Эрмія съѣсть приглася на богато укра-
шенныхъ креслахъ,
Нимфа, богиня богинь, у него съ любо-
пытствомъ спросила:
Эрмія, носитель жезла золотого, почтен-
ный и милый
Гость мой, зачѣмъ прилетѣлъ? У меня
никогда не бывалъ ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь?
Охотно исполню,
90 Если исполнить возможно и если властна
я исполнить.
Прежде однако ты долженъ принять отъ
меня угощенье.
Съ сими словами богиня, поставивши
столъ передъ гостемъ,

Съ сладкой амброзіей нектаръ ему подала
пурпуровый.
Пищи охотно вкуспя благовѣстникъ,
убійца Аргуса.
95 Душу довольно свою насладивши боже-
ственной пищей,
Словомъ такимъ онъ отвѣтствовалъ нимфѣ
прекрасногудрявой:
Знать отъ меня ты—отъ бога богиня—
желаешь, зачѣмъ я
Здѣсь? Объявлю все поистинѣ, волю твою
исполняя.
Посланъ Зевесомъ, не самъ произвольно
сюда прилетѣлъ я—
100 Кто произвольно захочетъ измѣрить без-
плоднаго моря
Степь несказанную, гдѣ не увидишь жи-
лицъ человѣка,
Жертвами чтущаго насъ, приносящаго
намъ экатомбы?
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не
смѣеть
Между боговъ ни одинъ отъ себя откло-
нить, ни нарушить.
105 Вѣдомо Дію, что скрыть у тебя злопо-
лучнѣйшій самый
Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама
сражавшихся девять
Лѣтъ, на десятый же, градъ ниспроверг-
нувъ, отплывшихъ въ отчизну;
Но при отплытіи дерзко они раздражили
Аѳину:
Бури послала на нихъ и великія волны
богиня.
110 Онъ же, солутниковъ вѣрныхъ своихъ
потерявъ, напослѣдокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами
великими брошенъ.
Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ медедья
тобою отосланъ;
Нбо ему не судьба умереть далеко отъ
отчизны;
Воля напротивъ судьбы, чтобъ возлю-
бленныхъ ближнихъ, родную
115 Землю и свѣтлоустроенный домъ свой
оняты онъ увидѣлъ.
Такъ онъ сказалъ ей. Калипсо, богиня
богинь, содрогнувшись,

- Голосъ возвысила свой и крылатое бро-
сила слово:
Боги ревнивые, сколь вы безжалостно
къ намъ непреклонны!
Васъ раздражаетъ, когда мы, богини,
пріемлемъ на ложе
120 Смертнаго мужа, и намъ онъ становится
милымъ супругомъ.
Такъ Оріонъ свѣтоносною Эосъ былъ иѣ-
когда избранъ;
Гнали его вы, живущіе легкою жизнью
боги,
Гнали до тѣхъ поръ, пока золототронныя
онъ Артемиды
Тихой стрѣлою въ Ортігій не былъ вне-
запно застрѣленъ.
125 Такъ Язіонъ былъ прекраснорудравой
Димитрою избранъ;
Сердцемъ его возлюбя, раздѣлила съ нимъ
ложе богиня
На полѣ, три раза вспаханномъ; скоро о
томъ извѣщенъ былъ
Зевесъ и его умертвилъ онъ, низринувши
пламенный громъ свой.
Нынѣ и я васъ прогнѣвала, боги, давъ
смертному мужу
130 Помощь, когда, обхвативъ корабельную
доску, въ волнахъ онъ
Гибнулъ — корабль же его быстроходный
былъ пламеннымъ громомъ
Зевса разбитъ посреди безпредѣльно пу-
стыннаго моря:
Такъ онъ, спутниковъ вѣрныхъ своихъ
потерявъ, напоследокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами
великими брошенъ.
135 Здѣсь пріютивши его и заботясь о немъ,
я хотѣла
Милому дать и безсмертье, и вѣчно цвѣ-
тущую младость.
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не
смѣсть
Между боговъ ни одинъ отклонить отъ
себя, ни нарушить;
Пусть онъ — когда ужъ того такъ упорно
желаетъ Кроціонъ —
140 Морю невѣрному снова предается; помочь
я не въ силахъ;
- Иѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ,
съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту много-
воднаго моря.
Дать лишь совѣтъ осторожный властна
я, дабы онъ отсюда
Могъ безпрепятственно въ милую землю
отцовъ возвратиться.
145 Ей отвѣчая, сказалъ благовѣстникъ,
убійца Аргуса:
Волю Зевеса уваживъ, немедля его ото-
шли ты,
Пли, боговъ раздраживъ, на себя навле-
чень наказанье.
Такъ отвѣчавъ, удалися безсмертныхъ
крылатый посланникъ.
Свѣтлая нимфа пошла къ Одиссею, могу-
чему мужу,
150 Волю Зевеса принявши изъ устъ благо-
вѣстнаго бога.
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ,
и очи
Были въ слезахъ; утекала медлительно
капля за каплей
Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ
по отчизнѣ; и, хладный
Сердцемъ къ богинѣ, съ ней ночи свои
онъ дѣлилъ принужденно
155 Въ гротѣ глубокомъ, желанью ея непо-
корный желаньемъ
Дни же свои проводилъ онъ, сидя на
прибрежномъ утесѣ,
Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая,
и очи,
Полныя слезъ, обративъ на пустыню без-
плоднаго моря.
Близко къ нему подошедши, сказала мо-
гучая нимфа:
160 Слезы отри, злополучный, и болѣ не
трать въ сокрушеніи
Сладостной жизни: тебя отпустить благо-
склонно хочу я.
Бревеньъ большихъ нарубивъ топоромъ
мѣдно-острымъ и въ крѣпкій
Плотъ ихъ связавъ, по краямъ утверди
ты перла на толстыхъ
Брусняхъ, чтобъ по морю темному плыть
безопаснѣе было.

¹⁶⁵ Хлѣбомъ, водою и виномъ пурпуровымъ
 снабжу изобильно
 Я на дорогу тебя, чтобъ и голодь и жажду
 легко ты
 Могъ утолять; и одежды я дамъ; и пошло
 за тобою
 Вѣтеръ попутный, чтобъ милою отчизны
 своей ты достигнулъ,
 Если угодно богамъ, безпредѣльнаго неба
 владыкамъ—
¹⁷⁰ Мнѣ же ни разумомъ съ ними ни властью
 равняться не можно.
 Такъ говорила она. Одиссей, постоянный
 въ бѣдахъ, содрогнулся;
 Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ богинѣ
 крылатое слово:
 Въ мысляхъ твоихъ не отбѣздъ мой, а
 пѣчто иное, богиня;
 Какъ же могу переплыть на плоту я
 широкую бездну
¹⁷⁵ Страшнаго, бурнаго моря, когда и ко-
 рабль быстросходный
 Рѣдко по ней пробѣгаетъ съ Зевесовымъ
 вѣтромъ попутнымъ?
 Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду я
 на плоть ненадежный
 Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь
 мнѣ великой
 Клятвы, что мнѣ никакого вреда не за-
 мыслила нынѣ.
¹⁸⁰ Такъ говорилъ онъ. Калипсо, богиня бо-
 гинь, улыбуналась;
 Щекъ ему потрепавши рукою, она отвѣ-
 чала:
 Правду сказать, ты хитрецъ, и чрезмѣрно
 твой умъ остороженъ;
 Странное слово однако, отвѣтствуя мнѣ,
 произнесъ ты.
 Но я клянусь и землею плодоносной, и пе-
 бомъ великимъ,
¹⁸⁵ Стикса подземной водою клянусь, непа-
 рушной, страшной
 Клятвой, которой и боги не могутъ изречь
 безъ боязни,
 Въ томъ, что тебѣ ни какого вреда не за-
 мыслила нынѣ.
 Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для себя
 избрала бы,

Если бъ въ такомъ же была, какъ п ты,
 затрудненія великомъ;
¹⁹⁰ Правда святая и мнѣ дорога; не желѣз-
 ное, вѣрнѣ,
 Бьется въ груди у меня, а горячее, нѣжное
 сердце.
 Кончивъ, богиня богинь, впереди Одиссея
 поспѣшнымъ
 Шагомъ пошла, и поспѣшно пошелъ Оди-
 сей за богиней.
 Съ нею (съ безсмертною смертный) достиг-
 нувъ глубокаго грота,
¹⁹⁵ Съѣлъ Одиссей на богатыхъ, оставлен-
 ныхъ Эрміемъ, креслахъ.
 Нимфа Калипсо, ему для ѣды и питья
 предложивши
 Пищи различной, какою всегда насы-
 щаются люди,
 Мѣсто напротивъ его заняла за трапезой;
 рабыни
 Ей благовоинной амвросіи подали съ некта-
 ромъ сладкимъ.
²⁰⁰ Подняли руку они къ приготовленной
 лакомою пицѣ:
 Послѣ жъ, когда утоленъ былъ ихъ го-
 лодъ питьемъ и ѣдою,
 Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею
 сказала:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Оди-
 сей благородный,
 Въ милую землю отцовъ наконецъ пред-
 пріавъ возвратиться,
²⁰⁵ Хочешь немедля меня ты покинуть—
 прости! но когда бы
 Сердцемъ предчувствовать могъ ты, какія
 судьба назначаетъ
 Злая тревоги тебѣ испытать до прибытія
 въ домъ свой,
 Ты бы остался со мною въ моемъ без-
 мятежномъ жилищѣ.
 Былъ бы тогда ты безсмертенъ. Но серд-
 цемъ ты жаждешь свиданья
²¹⁰ Съ вѣрною супругой, о ней ежечасно кру-
 шась и печалясь.
 Думаю только, что я ни лица красотою,
 ни стройнымъ
 Станомъ не хуже ся; да и могутъ ли
 смертныя жены

- Съ нами богинями спорить своєю земной
красотою?
Ей возражая, отвѣтствовала такъ Одиссей
многоумный:
- ²¹⁵ Выслушай, свѣтлая нимфа, безъ гнѣва
меня; я довольно
Знаю и самъ, что не можно съ тобой
Пенелопей разумной,
Смертной женѣ съ вѣчно юной безсмертной
богиней, ни стройнымъ
Стапомъ своимъ, ни лица своєю красотою
равняться;
Все я однако, всечасно крушась и печалясь,
желаю
- ²²⁰ Домъ свой увидѣть и сладостный день
возвращенія встрѣтить,
Если же кто изъ боговъ мнѣ пошлетъ
поглощеніе въ темной
Безднѣ, я выдержу то отвердѣлою въ бѣдствіяхъ
грудью:
Много встрѣчалъ я панастей, немало трудовъ
перенесъ я
Въ морѣ и битвахъ, пущь будетъ и нынѣ
со мной, что угодно
- ²²⁵ Дію. Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ
солнце зашло и ночная
Тьма наступила. Во внутренности грота
они удалившись,
Тамъ насладились любовью, всю ночь
проведя неразлучно.
Вышла изъ мрака молодая съ перстами
пурпурными Эосъ;
Встала Одиссей и поспѣшно облекся въ
хитонъ и хламиду.
- ²³⁰ Свѣтлосеребряной ризою изъ тонководныхъ
тканей
Плечи одѣла богиня свои, золотымъ
драгоценнымъ
Поясомъ станъ обвила и покровъ съ
головы опустила.
Кончивъ, она собратъ начала Одиссея
въ дорогу;
Выбрала прежде топоръ, по рукѣ ему
сдѣланный, крѣпкій,
- ²³⁵ Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный,
плотный,
Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы
сработанной ручкой;
- Острую скобель потомъ принесла и пошла
съ Одиссеемъ
Видѣть во внутренность острова: множество
тамъ находилось
Тополей черныхъ и ольхъ, и высокихъ,
доброчинныхъ сосенъ,
²⁴⁰ Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ
зноѣ, для плаванья легкихъ
Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та великая
роща,
Въ гротъ свой глубокой Калипсо, богиня
богинь, возвратилась.
Началъ рубить онъ деревья и скоро окончилъ
работу;
Двадцать онъ бревень срубилъ, ихъ
острою мѣдью
²⁴⁵ Выскоблилъ гладко, потомъ уравнивалъ,
по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ
возвратилась.
Началъ буравить онъ брусья и, все
буравивъ, сплотилъ ихъ,
Длинными болтами сшивъ и большими
просунувъ шипами;
Дно жъ на плоту онъ такое широкое
сдѣлалъ, какое
²⁵⁰ Мужъ, въ корабельномъ художествѣ
опытный, строитъ на прочномъ
Суднѣ, носящемъ товары купцовъ по
морямъ безпредѣльнымъ.
Плотными брусьями крѣпкія ребра
связавъ, напоследокъ
Въ гладкую палубу сбилъ онъ дубовыя
толстыя доски,
Мачту поставилъ, на ней утвердилъ
поперечную раину,
²⁵⁵ Сдѣлалъ кормило, дабы управлять
поворотами судна,
Плотъ окружилъ для защиты отъ моря
плетнемъ изъ ракишныхъ
Сучьевъ, на дно же различнаго груза
для тяжести бросилъ.
Тою порою Калипсо, богиня богинь,
на
русныя
Крѣпкой ему принесла. И, устроивши
парусъ (къ нему же
²⁶⁰ Все, чтобъ его развивать и свивать,
прикрѣпивши веревки),

- Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой
плоть на священное море.
День совершился четвертый, когда онъ
окончаль работу.
Въ пятый его снарядила въ дорогу бо-
гиня Калипсо.
Валей его освѣживъ и душистой облекши
одеждой,
265 Нимфа три мѣха на плоть принесла: былъ
одинъ драгоценнымъ
Полонъ напиткомъ, другой ключевою во-
дою, а третій
Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и разною
лакомой пицей.
Кончивъ, она призвала благовѣющій вѣ-
теръ попутный.
Радостно парусъ натягъ Одиссей и, по-
путному вѣтру
270 Ввѣрившись, поплылъ. Сидя на кормѣ и
могучей рукою
Руль обращая, онъ бодрствовалъ; сонъ
на его не спукался
Очи, и ихъ не сводилъ онъ съ Плеядъ,
съ нисходящаго поздно
Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ людяхъ
еще Колесницы
Имя посящей и близъ Оріона свершаю-
щей вѣчно
275 Кругъ свой, себя никогда не купаю въ
водахъ океана.
Съ псью богиня богинь повелѣла ему не-
ушыно
Путь соглашать свой, се оставляя по-
лѣвую руку.
Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ
поръ, какъ пустился онъ въ море;
Вдругъ на осмнадцатый видимы стали
вдали надъ водами
280 Горы тѣнистой земли феакійцъ, уже не-
далекой:
Чернымъ щитомъ на туманистомъ морѣ
она простиралаея.
Въ это мгновенье земли колебатель мо-
гучій, покинувъ
Край эіоніягъ, съ далекихъ Солимскихъ
высотъ Одиссея
Въ морѣ увидѣлъ: его онъ узналъ; въ
немъ разгнѣвалось сердце;
- 285 Страшно лазурнокудрявой трихнувъ го-
ловой, онъ воскликнулъ:
Дерзкій! неужели боги, пока я въ землѣ
эіоніягъ
Праздновалъ, мнѣ вопреки, согласились
помочь Одиссею?
Чуть не достигъ онъ земли феакіягъ, гдѣ
ветрѣтитъ напастей,
Сышле ему предназначенныхъ, долженъ
конецъ; но еще я
290 Вдоволь уснѣю его, ненавистнаго, горемъ
пасытитъ.
Такъ онъ сказалъ и, великія тучи под-
нявши, трезубцемъ
Воды взбуровилъ и бурю воздвигъ, ото-
всюду прикликая
Вѣтры противныя; облако темное вдругъ
обложило
Море и землю, и тяжкая съ грознаго
неба сошла почъ.
295 Разомъ и Эвръ, и полуденный Нотъ, и Зе-
фиръ, и могучій,
Свѣтлымъ рожденный Эвпротъ, Борей взвол-
новали пучину.
Въ ужасъ вришеля Одиссей, задрожали
колѣна и сердце.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ
великому сердцу:
Горе мнѣ! что претерпѣть наконецъ мнѣ
назпачило небо!
300 Съ трепетомъ вижу теперь, что богиня
богинь не ошиблаея,
Мнѣ предсказавъ, что, пока не достигну
отчизны, я въ морѣ
Встрѣчу папаста великія: все испол-
няется нынѣ.
Страшными тучами вокругъ обложилъ без-
предѣльное небо
Зевсъ, и взбуровилъ онъ море, и бурю
воздвигъ, отовсюду
305 Вѣтры противныя скликавъ. Погибель
моя наступила.
О! троекратно, стократно счастливы да-
наи, въ простральной
Троѣ нашедшіе смерть, угрождаю Атридамъ!
И лучше бь
Было, когда бь я погибъ и судьбу неиз-
бѣжную встрѣтилъ

Въ день тотъ, какъ множество мѣднооко-
 ванныхъ копій трояне
³¹⁰ Бросили разомъ въ меня надъ бездыхан-
 нымъ тѣломъ Пелида;
 Съ честью бѣ я былъ погребенъ, и была бѣ
 отъ ахейнъ мнѣ слава;
 Нынѣ жъ судьба мнѣ безславно-печаль-
 ную смерть посылаетъ...
 Въ это мгновенье большая волна подня-
 лась и расшиблась
 Вся надъ его головою; стремительно плотъ
 закружился;
³¹⁵ Схваченный съ палубы въ море упалъ
 онъ стремглавъ, уиустивши
 Руль изъ руки; повалилася мачта, сло-
 мясь подъ тяжелымъ
 Вѣтровъ противныхъ, слетѣвшихся другъ
 против друга, ударомъ;
 Въ море далеко снесло и развившійся пар-
 русь и райну.
 Долго его глубина поглощала, и силъ не
 имѣлъ онъ
³²⁰ Выбиться къверху, давимый напоромъ
 волны и стѣсненный
 Платемъ, богиней Калписею даннымъ
 ему на прощаньи.
 Вынырнулъ онъ напоследокъ, изъ усть
 извергая морскую
 Горькую воду, съ его бороды и кудрей
 избивальнымъ
 Токомъ бѣжавшую; въ этой тревогѣ однако
 онъ вспомнилъ
³²⁵ Плотъ свой, за нимъ по волнамъ погнав-
 ся, за него ухватился,
 Взлѣзъ на него и на палубѣ съѣлъ, избѣ-
 жавъ потопленья;
 Плотъ же бросилъ и туда и сюда взгро-
 можденныя волны:
 Слово какъ шумный осенній Борей по
 широкой равнинѣ
 Носитъ повсюду изсохшій, скатавшійся
 густо релейникъ,
³³⁰ По морю такъ беззащитное судно повсюду
 посели
 Вѣтры; то быстро Борейю его перебрасы-
 валь Нотъ, то шумящій
 Эвръ, имъ играя, его предавалъ произ-
 воль Зефира.

Но Одиссея увидѣла Кадмова дочь Лев-
 котей,
 Нѣкогда смертная дѣва, привѣтнорѣчи-
 вая Ино,
³³⁵ Послѣ богиня, безсмертія честь восприяв-
 шая въ морѣ.
 Стало ей жаль Одиссея, свирѣпой гоня-
 маго бурей.
 Съ моря ныркомъ легкокрылымъ она под-
 нялася, взлетѣла
 Легкимъ полетомъ на твердо сколоченный
 плотъ и сказала:
 Бѣдный! за что Посидонъ, колебатель
 земли, такъ ужасно
³⁴⁰ Въ сердцѣ разгнѣванъ своимъ и съ тобой
 такъ упорно враждуетъ?
 Вовсе, однако, тебя не погубитъ онъ, сколь
 бы ни тщился.
 Самъ на себя положишься теперь (ты, я
 вижу, разуменъ);
 Скинувши эту одежду, свой плотъ уступи
 произволу
 Вѣтровъ и, бросившись въ волны, ру-
 ками работанъ смѣло,
³⁴⁵ Вплавъ до земли феакійнъ достигни:
 тамъ встрѣтишь спасенье.
 Дамъ покрывало тебѣ чудотворное; имъ ты
 одѣнешь
 Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни
 въ волнахъ потопленья.
 Но, лишь окончишь свой путь и къ землѣ
 прикоснешься рукою,
 Снявъ покрывало, немедля его въ много-
 водное море
³⁵⁰ Брось отъ земли далеко и, глаза отвративъ,
 удались.
 Кончивъ, богиня ему подала съ головы
 покрывало.
 Послѣ, спорхнувъ на шумящее море, она
 улетѣла
 Быстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина
 поглотила.
 Началъ тогда про себя размышлять Оди-
 сей богоравный;
³⁵⁵ Скорбью объятый, сказалъ своему онъ
 великому сердцу:
 Горь! не новую ль хитрость замысливъ,
 желаетъ богиня

- Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя
плоть мой оставить.
- Итъ, я того не исполню; не близокъ еще,
я примѣтилъ,
Берегъ земли, гдѣ, сказала она, мнѣ спа-
сенеіе будетъ.
- ³⁶⁰ Ждать я намѣренъ по тѣхъ поръ, нокуда
еще невредимо
Судио мое и шипами надежными свя-
заны брусья;
Съ бурей сражаясь, по тѣхъ поръ съ него
не сойду я.
Но, какъ скоро волненіе могучее плоть
мой разрушить,
Брошуся впасть: я инаго теперь не при-
думалъ средства.
- ³⁶⁵ Тою порою, какъ онъ колебался разсуд-
комъ и сердцемъ,
Поднялъ изъ бездны волну Посидонъ, по-
трясающій землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно
онъ грянулъ
Ею въ него: какъ отъ быстрого вихря
сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдругъ
разорвавшись,
- ³⁷⁰ Такъ отъ волны разорвался брусъ.
Одиль, Одиссею
Пойманный, былъ имъ, какъ конь, убѣ-
жавшій на волю, осѣдлавъ.
Спявъ на прощаньи богиней Калпиею
данное платье,
Грудь онъ немедля свою покрываломъ
одѣлъ чудотворнымъ.
Руки простиерши и платье изготовясь, по-
томъ онъ отважно
- ³⁷⁵ Кицнулъ въ волны. Могуцій земли коле-
батель при этомъ
Видѣ лазурнокудрявой тряхнулъ головой
и воскликнулъ:
По морю бурному плавай теперь на сво-
бодѣ, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно
не примуть;
Будеть съ тебя! не останешься, думаю,
мною недоволенъ.
- ³⁸⁰ Такъ онъ сказавши, погналъ дщиногри-
выхъ коней и умчался
- Въ Эгію, гдѣ обиталъ въ свѣтлозданныхъ,
высокихъ чертогахъ.
Добрая мысль пробудилась тогда въ бла-
госклонной Палладѣ:
Вѣтрамъ другимъ заградивши дорогу, она
повелѣла
Имъ, успокоясь, умолкнуть; позволила
только Борюю
- ³⁸⁵ Бурно свирѣпетовать: волны жъ сама
укрощала, чтобъ въ землю
Веслолюбивыхъ, угодныхъ богамъ фе-
кианъ достигнуть
Могъ Одиссей благородный, и смерти и
Паркъ избѣжавши.
Такъ онъ два дня и двѣ ночи носимъ
былъ повсюду шумящимъ
Моремъ, и гибель не разъ неизбѣжной ка-
залась; когда же
- ³⁹⁰ Съ третьимъ явилася днемъ лучезарно
кудрявая Эось,
Вдругъ успокоилась буря и на морѣ все
просвѣтлѣло
Въ тихомъ безвѣтріи. Поднятый кверху
волной и взглянувши
Быстро впередъ, невдали предъ собою уви-
дѣлъ онъ землю.
Сколь несказанною радостью дѣтямъ бы-
ваетъ спасеніе
- ³⁹⁵ Жизни отца, пораженнаго тяжкимъ
недугомъ, всѣ силы
Въ немъ нетребуемымъ (посже злой де-
монъ къ нему прикоснулся),
Послѣ жъ на радость имъ всѣмъ нецѣ-
леннаго волей безсмертныхъ—
Столь Одиссей былъ обрадованъ брега и
лѣса явленіемъ.
Пошлылъ быстрѣй онъ, ступить торопяся
на твердую землю.
- ⁴⁰⁰ Но, отъ нея на такомъ разстоянці, въ
какомъ человѣчій
Впятеиъ намъ голосъ, онъ шумъ буру-
новъ межъ скалами слышалъ;
Волны кицкли и выли, свирѣло на бе-
регъ высокій
Съ моря бросался, и весь онъ былъ об-
литъ соленою пѣной;
Не было пристани тамъ, ни залива, ни
мелкаго мѣста,

405 Вируть берега подымались; торчали
утесы и рифы.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали
колѣна и сердце;
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ
великому сердцу:
Горе! на что мнѣ дозволилъ увидѣть не-
жданную землю
Зевсъ? И зачѣмъ до пса, пересиливши
море, достигъ я?
410 Къ острову съ моря, я вижу, вездѣ не-
возможенъ мнѣ доступъ;
Острые рифы повсюду; кругомъ расши-
баяся плещутъ
Волны, и гладкой стѣной воздвигается бе-
регъ высокій;
Море жь вблизи глубоко и нѣтъ мѣста,
гдѣ было бь возможно
Твердой погой опереться, чтобъ габели
вѣрной избѣгнуть.
415 Если пристать попытаюсь, то буду могу-
чей волною
Схваченъ и брошенъ на камни зубчатые,
тщетно истративъ
Силы; а если кругомъ поплыву, чтобъ
узнать, не найдется ль
Гдѣ-нибудь берегъ отлогій иль пристань,
страшуся, чтобъ снова
Бурей морскою я не былъ похищенъ,
чтобъ рыбообильнымъ
420 Моремъ меня, вопиющаго жалобно, вдалъ
не умчало,
Или чтобъ демонъ враждебный какого изъ
чудь, Амфитригой
Въ морѣ питаемыхъ, мнѣ на погибель не
выслалъ изъ бездны:
Знаю, какъ злобствуетъ противъ меня
Посидонъ землдержецъ.
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ
онъ такъ колебался,
425 Быстрой волною помчалъ его на утеси-
стый берегъ;
Тѣло бь его изорвалось и кости бь его
сокрушились,
Если бь онъ во-время свѣтлой богиней
Аиной наставленъ
Не былъ руками за ближній схватиться
утесъ; и къ нему прицѣпившись,

Ждалъ онъ, со стономъ на камнѣ вися,
чтобъ волна пробѣжала
430 Мимо; она пробѣжала, но вдругъ, отра-
заясь, на возвратѣ
Сшибла съ утеса его и отбросила въ тем-
ное море.
Если полина изъ ложа вѣтвистаго силою
вырвешь,
Множество крупнокъ камня къ его при-
лѣпляется пожкамъ:
Къ рѣзкому такъ прилѣпилась утесу ло-
скутями кожа
435 Рукъ Одиссеевыхъ; вдругъ поглощенный
волною великой,
Въ безднѣ соленой, судьбѣ вопреки, не-
избѣжно бь погибъ онъ,
Если бь отважности въ душу его не вло-
жила Аѳина.
Вынырнувъ въ бокъ изъ волны, устре-
мившейся прыгнуть на камни,
Поплылъ онъ въ сторону, взоромъ пре-
слѣдуя землю и тѣся
440 Гдѣ-нибудь берегъ отлогій иль мелкое
мѣсто примѣтить.
Вдругъ онъ увидѣлъ себя передъ утесемъ
рѣзки свѣтловодной.
Самымъ удобнымъ то мѣсто ему показа-
лось: тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ нѣтровъ
являлась защита.
Къ мощному богу рѣки онъ тогда обра-
тился съ молитвой:
445 Кто бы ты ни былъ, могучій, къ тебѣ,
столь желанному, нынѣ
Я прибѣгаю, спасаясь отъ грозъ Посидо-
нова моря.
Вѣчные боги всегда благосклонно вни-
мають молитвамъ
Вѣднаго страшника, кто бы онъ ни былъ,
когда онъ подобенъ
Мнѣ, твой потокъ и колѣна объявшему,
много великихъ
450 Бѣдъ претерпѣвшему; сжался, могучій,
подаи мнѣ защиту.
Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой
потокъ, успокоилъ
Волны и, на море тишь наведя, открылъ
Одиссею

Устье рѣки. Но подъ нимъ подкосилась
козѣна; повисли
Руки могучія: въ морѣ его изпурилося
сердце;
455 Вспухло все тѣло его; извергая и ртомъ
и ноздрями
Воду морскую, онъ палъ наконецъ, без-
дыханный, безгласный.
Память утративъ, на землю; безчувствие
имъ овладѣло.
Но напоследокъ, когда возвратились и па-
мять и чувство,
Съ груди своей покрывало, богиню дан-
нос, снявши,
460 Бросилъ его онъ въ широкую, съ моремъ
сѣянную рѣку.
Быстро помчалася ткань по теченью на-
задъ, и богиня
Въ руки ее припяла. Одиссей, отъ рѣки
отошедши,
Скрылся въ тростникъ, и на землю, ее
лобызая, простерся.
Скорбыю объятый, сказалъ своему онъ
великому сердцу:
465 Горе мнѣ! что претерпѣть я еще пред-
назначенъ отъ неба!
Если на брегѣ потока безсонную ночь
проведу я,
Утренній иней и хладный туманъ, отъ
воды восходящій,
Вовсе меня, ужъ послѣднихъ лишенаго
силъ, уничтожатъ:
Воздухъ пронзительнымъ холодомъ вѣтъ
съ рѣки передъ утромъ.
470 Если же тамъ на пригоркѣ подъ кровомъ
сѣнистаго лѣса
Въ чащѣ кустовъ я засну, то, конечно,
не буду проникнуть
Хладомъ почнымъ, отдохну, и меня не-
цѣлитель миротворный

Сонъ; но страшусь, не достаться бѣ въ
добычу звѣрямъ плотояднымъ.
Такъ размышлялъ онъ; ему наконецъ по-
казалось удобнѣй
475 Выбрать послѣднее; въ лѣсъ онъ вошелъ,
отъ рѣки недалеко
Роспій на холмѣ открытомъ. Онъ тамъ
двѣ сплетенныя крѣпко
Выбралъ оливы; одна плодосна была,
а другая
Дикая; въ сѣнь ихъ проникнуть не могъ
ни холодный,
Сыростью дышащій вѣтеръ, ни Геміосъ,
знойно блестящій;
480 Даже и дождь, не пронзалъ ихъ вѣтви-
стаго свода, такъ густо
Были онѣ сплелены. Одиссей, угнѣздив-
шись подъ шими,
Легъ, напередъ для себя приготовить
своими руками
Мягкое ложе изъ листьевъ опалыхъ, ко-
торыхъ такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
485 Въ зимнюю бурю, какъ спящо бѣ она
ни шумѣла, тамъ скрыться.
Грудю увидя, обрадовалъ былъ Одиссей
несказанно.
Бросаясь въ нее, онъ совсѣмъ законался
въ слежавшихся листьяхъ.
Какъ подъ золою головною неугасшую
пахарь скрываетъ
Въ полѣ далеко отъ мѣста жниго, чтобъ
пламени сѣмя
490 Въ ней сохранилось могло безопасно
отъ злаго пожара:
Такъ Одиссей, подъ листьями зарывшись,
грѣлся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежила ему,
чтобъ скорѣе
Въ сонъ оживить изпуриенныя силы. И
крѣпко заснулъ онъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Рустемъ и Зорабъ.

Плодородная, цвѣтущая розами* страна, лежащая между Индомъ и Оксусомъ, Персидскимъ заливомъ, Тигромъ, горами Курдистана и Каспійскимъ моремъ, извѣстная у грековъ подъ именемъ Персиды, занимавшаяся въ древности попеременно бактрами, мидянами и персами, издавна отъ своихъ обитателей имѣла название Ирана, „страна свѣта“, „царство солнца“—въ противоположность Турану („область тьмы“), холоднымъ, бесплоднымъ пустынямъ сѣвера, лежащимъ на востокъ отъ Каспійскаго моря и даѣше по ту сторону Оксуса,—откуда неслись страшныя снѣжныя бури и вьюги, или летѣлъ песокъ, заносившій плодородныя долины Ирана,—гдѣ кочевали дикія, чуждыя иранцамъ и по языку и по происхожденію хищныя племена, постоянно вторгавшіяся опустошительными набѣгами въ благословенныя страны иранцевъ... Въ Иранѣ, странѣ очень рѣзкихъ противоположностей климата, крутыхъ переѣмъ погоды, уже рано развивается дуализмъ, обработанный поэзіей Зороастромъ (IX—X в. по Р. Хр.). Иранъ—страна солнца, царство добраго Ормузда; поелитель Турана—злой Ариманъ; въ пещерахъ и ущельяхъ здѣсь живутъ злые духи, дивы (или дѣвы — *dava*), постоянно старающіяся причинить человѣку зло, навести гибельныя чары... Климатическія условия страны и исконная борьба съ соседственными кочевыми племенами,—наложившія замѣтныя слѣды на общее міровозрѣніе древняго Ирана,—легли въ основу и всего національнаго эпоса иранцевъ.

Величайшее національное произведение древнеперсидской литературы и поэзіи возникаетъ приблизительно лишь къ концу X—пол. XI вв. по Р. Хр.,—въ ту эпоху, когда давно уже не существовали ни древне-мидійско-персидское царство, разрушенное Александромъ Македонскимъ, ни новоперсидская монархія сасанидовъ, покоренная мусульманами (перв. пол. VII в. по Р. Хр.), когда персидская культура подпадаетъ вліянію арабовъ. Это было *Шахъ-Наме* („Книга царей“, „Книга героев“), произведение знаменитаго персидскаго поэта Абдуль-Казимъ-Маусура (род. ок. 910 г. по Р. Хр.; ум. въ 1021 г.), прозваннаго Фирдусомъ,—„Райсій“, „поэтъ рая“, и обладавшаго, повидимому, дѣйствительно не только замѣчательными поэтическими дарованіями, но и гениальнымъ умомъ. „Ни одинъ изъ восточныхъ поэтовъ,—говоритъ изслѣдователь,—не можетъ сравниться съ нимъ по силѣ и глубинѣ чувства: въ величественномъ развитіи его изложенія господствуетъ титаническій паѣсъ, его торжественный толь переходитъ иногда въ самые мягкіе аккорды,—онъ умѣетъ удивительно связать преобладающую суровость и величіе съ идиллической прелестью и элегической мягкостью...“ Фирдусъ происходилъ изъ деревни близъ города Туса, въ Хорасани. Онъ дѣлается извѣстнымъ лишь съ того времени, какъ приписывается за свое знаменитое произведение—на 36 году жизни; отрывки будущей поэмы случайно дошли до шаха Махмуда,—отличавшагося любовью къ литературѣ и поэзіи, цѣнившаго дѣятельность поэтовъ и ученыхъ, собиравшаго ихъ около себя, заботившагося вообще о поднятій и развитіи въ Персіи просвѣщенія, наукъ и искусствъ,—и такъ

ему понравились, что онъ приказалъ визирю выдать поэту по 1000 золотыхъ за каждую тысячу рюмыванныхъ двустипій (которыми написана поэма). Поэтъ отклонилъ эту награду,—проса, чтобы ему только по окончаніи всего произведенія выдана была небольшая сумма, необходимая ему для правленія его маленькаго хозяйства. Поэма была окончена только черезъ 30 лѣтъ, лишь на 71 году жизни поэта. Когда поэму,—разсказываетъ преданіе,—доставили шаху, онъ, въ порывѣ восторга, приказалъ дать поэту за нее столько золота, сколько можетъ принести слонъ... Но поэтъ былъ уже предметомъ зависти придворныхъ: послѣднимъ дѣло было устроено такъ, что поэтъ не получилъ и обычныхъ ранѣ 1000 золотыхъ за каждое двустипіе,—вмѣсто золотыхъ, ему прислали по тысячѣ серебряныхъ монетъ... Деньги принесли какъ разъ въ то время, когда поэтъ былъ въ банѣ; въ неподованіи присланныя шахомъ серебряныя монеты поэтъ здѣсь же всѣмъ раздалъ бандынкамъ и—еще тому человеку, у котораго онъ передъ этимъ выпилъ стаканъ фака, и велѣлъ передать шаху, что онъ, поэтъ, не изъ-за денегъ создалъ *Шахъ-Наме*... Поэтъ покинулъ дворъ и отправился странствовать; въ этомъ прошли послѣдніе годы его жизни,—пока онъ не вернулся, на склонахъ дней своихъ, въ свою родную деревню близъ Туса, гдѣ и умеръ... Преданіе прибавляетъ, что шахъ, между тѣмъ, узнавъ истину и послалъ поэту обѣщанные 60.000 золотыхъ, особое почетное платье и другіе дары,—но послы хана пришли къ дому поэта въ тотъ моментъ, когда изъ воротъ выносили тѣло скончавшагося Фирдуса... Его могилу до сихъ поръ показываютъ въ Тусѣ.

Своимъ содержаніемъ поэма *Шахъ-Наме*, начиная съ древнѣйшихъ эпохъ человѣчества, съ области древнѣйшихъ сказаній и мифовъ иранскаго племени, охватываетъ всю исторію Ирана до завоеванія Персіи мусульманами, т. е. приблизительно за періодъ 2000—3000 лѣтъ. Передъ нами не поэма въ обычномъ смыслѣ этого слова, а „мифо-историческое произведение,—собраніе мѣтъ, народныхъ сказаній и исторію въ одну поэтическую рамку, придающую дѣлomu художественное единство“. Наибольшее мѣсто отведено главнѣйшему національному герою, — „словообразному пехлевану“ (рыцарю, богатырю) Рустему, котораго окружаетъ цѣлый рядъ эпическихъ лицъ и характеровъ... Впрочемъ, настояшій герой „Шахъ-Наме“ не то или другое дѣйствующее здѣсь лицо,—а весь иранскій народъ, различныя судьбы его исторіи. Главнѣйшій предметъ поэмы—исторія борьбы между иранскимъ и туранскимъ племенами; зтоя основной сюжетъ, но обыкновенно всѣхъ восточныхъ поэмъ, осложняется множествомъ побочныхъ, вставныхъ эпизодовъ. „Все произведение излается на возвышенной идеѣ Зороастровской религіи, на представленіи о неутомимой борьбѣ духа свѣта Ормузда, и его царства, свѣтлаго Ирана, противъ духа тьмы Аримага и его „царства тьмы“, Турана; все произведение воодушевлено и оживлено этою основною идеею,—первоначальными нитями своими, а отчасти и всѣмъ своимъ содержаніемъ уходя въ эпоху, задолго предшествующую эпохѣ, извѣстной намъ по исторіи, эпохѣ Кира, Дарія, Ксеркса... Послед-

нихъ не знаетъ національный эпосъ Персія; народная память сохранила имена лишь гораздо болѣе раннихъ своихъ героев,—лишь они продолжали жить въ памяти народа и лишь они увѣковѣчены были его поэзіей, а отчасти — и памятниками древности. Въ Персіи находится множество развалинъ, связанныхъ съ именемъ Рустема,—старыхъ дворцовъ, древнихъ мостовъ, плотинъ, шлюзовъ; имя Рустема въ этомъ отношеніи можно сравнить съ именемъ Роланда для нѣкоторыхъ мѣстностей средневѣковой Европы. Героическія сказанія, созданныя иранскими племенами и несравненно долѣе индійскихъ или греческихъ оставшихся разбросанными въ устахъ народа, не объединенными въ одно національное цѣлое, собранныя сравнительно лишь поздно—были собраны въ произведеніи Фирдуси повидимому съ необычайной тщательностью и заботой о вѣрности и точности передачи. Писатели доискусно, что у Фирдуси могли быть и письменные материалы.

Вышеприведенныя черты преданія набрасываютъ какой-то трагическій отбѣнокъ на жизнь Фирдуси; нельзя не отмѣтить и общаго меланхолическаго колорита въ поэмѣ Фирдуси; во всемъ его твореніи по временамъ какъ бы звучатъ сказанія имъ слова:

Изъ земли мы—къ землѣ возвратимся;
На землѣ мы поэмы скорбями и печальми.

Ты уходишь отсюда—но мѣръ остается,
И никто еще не разгадалъ его тайны...

Въ общемъ своемъ содержаніи поэма, впрочемъ, необыкновенно разнообразна по своему тону и поэтическимъ краскамъ. «Фирдуси обнаруживаетъ,—замѣчаетъ псалмодователь,—поистинѣ изумительную многосторонность, и если повсюду раздается основной трагическій тонъ, эхо мировой борьбы между Ормуздомъ и Ариманомъ,—поэтъ все же вводитъ въ воспитательномъ разнообразіи элементъ прелестнаго и ужаснаго, героическаго и идиллическаго, трагическаго и романтическаго,—каждому отводи настоящее, ему подбоающее, мѣсто и предѣлы».

Національнымъ памятникомъ древне-персидской литературы Жуковский пользовался въ нѣмецкомъ переводѣ Рюккерта. «Эта поэма не есть чисто-персидская,—писалъ Жуковский о своемъ переводѣ *Рустема* и *Зораба* своему другу Зейдлицу.—Мое лучшее въ поэмѣ принадлежитъ Рюккерту. Вся переводъ не только волюнъ, но своеобразный: я многое выбросилъ и многое прибавилъ... Этотъ отзывъ нашего поэта о своемъ трудѣ является слишкомъ скромнымъ. При сравненіи съ нѣмецкимъ оригиналомъ,—русскій переводъ Жуковскаго по своимъ общимъ литературнымъ достоинствамъ нисколько ему не уступаетъ, съ вышней же стороны, со стороны положенія, даже превосходитъ». «Изложеніе у Жуковскаго,—замѣчаетъ Зейдлицъ,—сокращеніе, событія слѣдуютъ быстрее одно за другимъ, выключены нѣкоторые эпизоды, ничего не прибавляющіе къ развитію дѣйствія». По собственному указанію Жуковскаго, имя, между прочимъ, прибавлены эпизоды явленія дѣвы ночью къ тѣлу Зораба и эпизод прощанія съ конемъ...

Гомерова Одиссея.

«Я не могъ передать жёнѣ приказанія вашего величества побранить меня за дѣнь и за безвременный сонъ на лаврахъ,—писалъ Жуковский императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ въ мартѣ 1812 г.—Я не лѣнясь; а спать на моихъ лаврахъ мнѣ весьма безпокойно: старые мои лавры очень измались, а свѣжкіе добыть не ладясь. Не позволяю себѣ этой надежды, которая уже мѣя не къ лицу, а просто для внутренняго наслажденія и какъ бы изъ благодарности къ доброй музѣ, которая въ старину была мнѣ доступна и украсила своими цвѣтами жизнь мою, и приняла за большой трудъ, который очень приличенъ моимъ теперешнимъ лѣтамъ. Лирическая, вдохновенная нора поэзій для меня миновалась; могу быть только болтливимъ сказочникомъ, какъ то бывають со всеми подъ старость; и если воображеніе мое, охлажденное временемъ, не можетъ болѣе выплывать, то могу по крайней мѣрѣ рассказывать

за другими. Хочу передать Россіи Гомеровы сказанія и принудилъ за переводъ *Одиссеи*; уже перевелъ почти двѣ нѣсни...» Такъ сообщалъ поэтъ своей бывшей ученицѣ о началѣ новаго своего гигантскаго труда—переводъ *Гомеровой Одиссеи*... Переводъ началъ былъ въ январѣ 1812 г.; окончилъ въ апрѣлѣ 1819 г. Работа шла съ большими перерывами,—но поэтъ занимался ею съ увлеченіемъ. Въ своихъ письмахъ этого времени онъ сообщаетъ цѣлый рядъ подробностей о ея ходѣ...

«Стоящая молва не обмажу васъ,—пишетъ, нашъ поэтъ вел. кн. Константину Павловичу въ окт. 1812 г.—я порежусь *Одиссею*. Съ греческаго?—спросите вы. Итъ, не съ греческаго, а вотъ какъ: здѣсь есть профессоръ, знатокъ греческаго языка; онъ переводитъ мнѣ слово въ слово Одиссею, т. е. подъ каждымъ греческимъ словомъ ставитъ нѣмецкое. Изъ этого выходятъ нѣмецкая галimatия; но эта галimatия даетъ мнѣ порядокъ словъ оригинала и его буквальныя смыслъ, поэтической же смыслъ даетъ мнѣ нѣмецкій переводъ Фосса и нѣсколько другихъ переводовъ въ прозѣ; одинъ нѣмецкій и два французскихъ и еще одинъ архиглупый русскій (въ прозѣ). Изъ всего этого я угадываю истинный смыслъ греческаго оригинала и стараюсь въ переводѣ своемъ наблюдать не только вѣрность поэтическую, что главное, но и вѣрность буквальную, сохраняя по возможности и самый порядокъ словъ, что на нашемъ языкѣ довольно возможно съ помощью перестановокъ (inversion), которая нашему языку свойственна въсѣхъ другихъ новыхъ языковъ. Для чего я выбралъ этотъ трудъ?—продолжаетъ поэтъ.—Для того, чтобъ дать себѣ великое наслажденіе выразить на нашемъ языкѣ, во всей ея дѣтской простотѣ, поэзію первобытную; буду стараться, чтобы въ русскихъ звукахъ отозвалась та чистая гармонія, которая впервые раздалась за 3000 лѣтъ перѣ съ имъ подъ яснымъ небомъ Греціи. Это наслажденіе полное. Новѣйшая поэзія, конвульсивная, истерическая, мутная и мутная дуща, мнѣ опротивѣла; хочется отдохнуть посреди свѣтлыхъ виднѣй первобытнаго міра. Если же напишу что-нибудь свое, то оно будетъ далеко отъ той горячки, которая теперь кипитъ во всемъ, и вездѣ производить бредъ сумасшества. Очень радъ, что вы любите *Одиссею*; я самъ люблю ее болѣе *Илиады*. Въ *Илиадѣ* болѣе высокихъ, поэтическихъ образовъ; въ *Одиссею* вся жизнь давно-миноваго во всей ея дѣтской беззаботности и въ неподдѣльномъ простодушіи. Если Богъ дастъ мнѣ кончить начатый трудъ, то *Одиссея* моя будетъ посвящена вамъ...»

«Мнѣ кажется, что моя *Одиссея* есть лучшее мое созданіе,—ее оставлю на память обо мнѣ отечеству,—пишетъ Жуковский Плетневу въ декабрѣ 1818 года, когда предпринятый трудъ былъ почти оконченъ.—Я, русскій паукъ, приницался къ хвосту орла, Гомера, влетѣлъ съ нимъ на его высокой утѣсь — и тамъ въ недоступной трещинѣ отскатилъ для себя прыткую паутину. Могу похвастать, что этотъ свѣтлый, долговременный и тяжелый трудъ совершить былъ съ нольмъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда. Не съ кѣмъ было поддѣлять своимъ поэтическимъ праздникомъ. Одинъ былъ у меня нѣмой свидѣтель — гипсовый бюстъ Гомеровъ, величественно сморгнувшій на мени съ печи моего кабинета. Было, однако, для мени и раздолье, когда со мною жилъ Гоголь: онъ подпывалъ въ мой огонекъ свое свѣжее масло; и еще—когда я пожилъ въ Омсѣ съ Хомковымъ и съ моимъ милымъ Тютчевымъ: тутъ я самъ полакомился вмѣстѣ съ ними своимъ стряпанцемъ». Объ одиночествѣ своего поэтическаго труда поэтъ говоритъ и въ письмѣ къ Зейдлицу:

«Какъ ни уютно мнѣ въ моей семьѣ,—пишетъ онъ ему за годъ до своей смерти,—но съ моею поэзіей никто здѣсь не знакомъ. Русскаго языка мои ближніе не знаютъ... Для курьеза посылаю тебѣ табличку, изъ которой увидиши ходъ перевода. Тѣ числа, противъ которыхъ стоятъ точки, означаютъ тѣ дѣя, въ которые я занимался переводомъ; изъ этого увидиши, что послѣдніи 12 пѣсень переведены менѣе нежели въ 100 дней. Эти

сто дней были счастливые дни! Для чего я работаю? Уже, конечно, не для славы. Нѣтъ, для прелести самого труда! Ничто не может сравниться съ тѣмъ наслажденіемъ, какое заключалось для меня въ уединенной, безмятежной бесѣдѣ съ поэтическимъ, дѣвственно-чуждыми видѣніями Гомера, который прілеталъ ко мнѣ изъ вѣчной старины и навѣивалъ мнѣ на душу сибѣйскій воздухъ поэзіи первобытной...

Наиболѣе ранній полный переводъ Одиссеи вышел у насъ прозой — въ Москвѣ, въ 1788 г., безъ указанія имени переводчика: *Одиссея, героическое твореніе Омара* (2 ч., М. 1788 г.; второе изд.—2 ч., СПб., 1815 г.). Въ 1826—1828 г. вышла *Оливера Одиссея* И. И. Мартынова, съ примѣчаніями (4 ч., СПб., 1826—1828). Въ 1840 г. появилась первая пѣсенъ Одиссеи „въ стихахъ, размѣромъ подлинника“ какого-то Джунковского (СПб., 1840), но продолженіемъ не было. Отдѣльные небольшие отрывки встрѣчаемъ въ „В. Евр.“ 1808 г., „Св. Меркурій“ 1810 г. и нѣкот. др. тогдашнихъ изданійхъ.

Въ числѣ вѣнчѣнншихъ произведеній иностранныхъ литературъ, какия стали достояніемъ русскаго общества, въ переводѣ В. А. Жуковского, переводъ Одиссеи Гомера занимаетъ бесспорно первое мѣсто. Поэтичѣсскій исследователь, внимательно слѣдившій переводъ Жуковского съ греческимъ текстомъ Гомера — въ заключеніе своихъ изученій говоритъ: — „Мы не можемъ не высказать своего удивленія передъ свѣжестью и бодростью вдохновенія, блескомъ красокъ художественнаго языка, чрезвычайнымъ умѣньемъ „сдѣлать Гомеровскій стихъ ошутительнымъ въ стихъ русскій“, какия проявилъ маститый поэтъ въ этой своей самой обширной переводной работѣ. Та энергія, тотъ юношескій пылъ, съ каковымъ престарѣлый поэтъ, едва кончивъ Одиссею, послѣ неутомимаго, усидчиваго труда надъ ея второю половиною, принимается за переводъ Илиады, который, однако, судьба не судила ему довести дальше II-й пѣсни,—были поддержаны въ немъ живымъ сознаніемъ образовательнаго значенія памятника, передаваемого имъ русскому обществу, русскому юношеству, памятникъ, сіююжъ немерлающею славою среди прочаго литературнаго достоянія человѣчества, во все время вдохновляющаго величайшихъ гениевъ въ области искусства...“ Только читая *Одиссею* Жуковского съ греческимъ подлинникомъ въ рукахъ,—можно вполне оцѣнить всю степень той самостоятельной „творческой работы“, которую выказалъ здѣсь нашъ знаменитый поэтъ. „Часто одинъ выборъ того, а не другого выраженія въ родномъ языкѣ для передачи даннаго слова подлинника, или прибавка слова, лишняго сравнительно съ точнымъ текстомъ оригинала, не измѣняя общаго его смысла, придаютъ яркости образу или мысли древлаго поэта и становятся ихъ поэтическимъ источникомъ...“ „Благодаря подысканію въ сокровищницѣ роднаго языка выраженій, отблѣзнящихъ различныя подробности описанія, иногда благодаря выденію въ него новыхъ мелкихъ черточекъ, подсказанныхъ поэтическимъ переживаніемъ фантазіи древлаго поэта, пересказъ Гомера достигаетъ порою у Жуковского удивительной наглядности“... Наиболѣе характерною чертою перевода Одиссеи Жуковского, со стороны стиля, является чрезвычайное обиліе и разнообразіе эпитетовъ. Жуковский располагаетъ эпитетами совершенно свободно,—далеко не всегда въ его переводѣ является тотъ эпитетъ, какой употребленъ въ данномъ стихѣ у Гомера. Это обуславливается, главнымъ образомъ, требованіями размѣра. Часто также, для наполненія стиха, эпитеты прибавлены тамъ, гдѣ у Гомера ихъ нѣтъ. Навѣстный запасъ эпитетовъ, мѣтко обрисовывающихъ тотъ или другой предметъ, находится въ распоряженіи нашего поэта, и онъ разсѣиваетъ его въ своемъ переводѣ педеро

рукою. При этомъ тѣ способы образованія эпитетовъ, какия были имъ выработаны въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ, иногда даже самыя эпитеты, употребленные въ этихъ произведеніяхъ, находятъ себѣ примѣненіе и въ Одиссее, такъ что, можно сказать, поэтъ расточилъ на Гомерову поему все богатство и роскошь художественныхъ украшеній, какъ на свое любимое, балованное младшее дитя. Простыми эпитетами поэтъ пользуется сравнительно рѣдко. Простые или менѣе сложные эпитеты часто уступаютъ мѣсто сложнымъ и длиннымъ: вмѣсто „туманный“—„темно-туманный“; вмѣсто „соленый“ (о морской пучинѣ), „темно-„мутно-„безплодно-и „пустыню-соленый“; вмѣсто эпитетовъ того же моря „пустой“ или „безплодный“, „бурно-„безпредѣльный и „непріятно-пустынный“, для одного и того же греческаго эпитета моря; вмѣсто „знойскій“ (покой—спѣи), „звонкопространскій“, вмѣсто „вѣтрскій“, „любознательный вѣтромъ“, „открытый воющимъ вѣтрамъ“; вмѣсто „искрометный“ о вѣпъ или „бурный“ (въ греч. т.—„огненно-вѣтннй“, „лѣбно-„свѣтло-пурпурный“; „пурпурно-медвяный“ вмѣсто простаго „медвяный“, „сочно-медвяный“ (о травѣ) и т. д. Исследователь отмѣчаетъ также, „удачный подборъ поэтомъ чисторусскихъ выраженій для передачи ихнихъ оборотовъ греческаго языка. Образность нѣкоторыхъ изъ нихъ,—прибавляетъ авторитетный послѣдователь,—порою едва ли уступаетъ Гомеровскимъ“. Въ запасѣ эпитетовъ Жуковского встрѣчаемъ: „козодѣй“ (объ Атлантѣ, въ обращеніи Афины къ Одиссею, „фини-кюдъ... злою козодѣй“, или „кромольникъ“, такія слова, какъ „галата“, „кравчій“ (всегда въ формулахъ притоговленій къ пиру), „сорочка“ (о хитонѣ), „кыязь“, „тризна“, „вѣпо“ и т. п. Такія выраженія какъ: „сѣли чиномъ“ (въ описаніи сопрязованій), „нашелъ бы управу“ („лѣбтомъ, собраннмъ съ міра“, — сообщаетъ переводу Жуковского Гомеровоі поэмы извѣстннй народнорусскій колоритъ. Или такія эпитеты, вводимыя поэтомъ въ текстъ Гомера отъ себя, взятые изъ языка народноі поэзіи: „студеная“ (вода, въ формулахъ притоговленій къ пиру), „браний“ (столя, въ формулахъ о трапезѣ), „круговыл“, „завѣтная“ (амфора), „ретивые кони“, „лихихъ собаки“ и, какъ бранное выраженіе, „вражда лихая“, „лихой на обидныя рѣчи“, „незваный гость“, „поле широкое“, „погибель горькая“ и т. п. Такія выраженія, какъ: „на самомъ исподѣ“, „говорить нестерпимый“, „говорить постыдлй“, „вечерять“, „его онъ поздравствовалъ“, „на шею... парк... на-кликать“ („аринній нажичуть“) довольно определенно указываютъ на стремленіе поэта приблизить языкъ своего перевода къ языку народному“. Вторая часть Одиссеи содержитъ значительное число словъ, героями коихъ являются подлоги общества, бродяги-ишче, грубые, нахальные слуги и служанки. Въ этихъ полныхъ реализма сценахъ поэтъ нашъ пробуетъ сообщить стило своего перевода низменный тонъ. Применимы такія выраженія, какъ: „деревенщина грубая“, „съ женихамъ слобившихъ“, „моихъ кулаковъ отвѣдать“, „слабый, гнилой старичишка“, „шаловный“, „сволочь“ (въ смыслѣ „отребье общества“), „марать наонараску рукъ не хочу“, „умничать вздумалъ, не хуже стрянчій старой лепечеть“, „поднялъ ты носъ“, „не тебѣ, другъ, чета“, „нашему брату“ (нищій о нищихъ), „на вѣтеръ ляжетъ“ (удачная и точная передача подлиннаго греческаго выраженія), „вино мнѣ языкъ развизало“ и м. п. Впрочемъ, не надо забывать, что литературныя привычки поэта сложились въ ту пору, когда литература была еще настолько далека отъ народноі жизни, что реализмъ бытовыхъ сценъ 2-й половины Одиссеи не могъ быть переданъ нашимъ поэтомъ съ достаточною определенностью и послѣдовательностью“ (См. С. П. Шестакова, В. А. Жуковский, какъ переводчикъ Гомера. Казань, 1902).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.		стр.
1846—1847.		1842—1849.	
		Гомерова Одиссея.	
Рустемъ и Зорабъ. Вольное подражаніе		Вмѣсто предисловія. Отрывокъ письма.	56
Рюккерту.	3	Пѣсни I—V.	58
		Примѣчанія.	116

INSTYTUT
 BADAŃ LITERACKICH PAŃ.
 BIBLIOTEKA
 00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
 Tel. 26-68-63

F

24.157/16